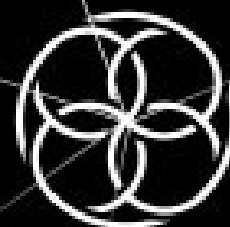




Цунами²



Имя	Егор и Юся
Фамилия	Кругловы
Время действия	2004 год н.э.
Возраст	20 лет
Адрес	Понпеи, Урал, Россия
Локация	Сан-Франциско
Предмет	Гидра
Дар	Регенерация
Сайт	www.ethnogenez.ru



ЭТНОГЕНЕЗ

2004 год. Международная корпорация «Световой год» работает над новейшей транспортной системой. Ведущие учёные проекта — братья Кругловы, сиамские близнецы. Но на них начинается охота таинственная террористическая организация. Чтобы спастись самим и не дать погибнуть великому открытию, братьям нужно во что бы то ни стало разделиться. Помочь в этом может только один человек — Далай-лама Четырнадцатый и его талисман — гидра. Приключения и любовь на фоне чудовищного катаклизма во втором романе цикла «Цунами».

- [Алексей Лукьянов](#)

- [Пролог](#)
- [Часть первая. Эпизод 1](#)
- [Часть первая. Эпизод 2](#)
- [Часть первая. Эпизод 3](#)
- [Часть первая. Эпизод 4](#)
- [Часть первая. Эпизод 5](#)
- [Часть первая. Эпизод 6](#)
- [Часть первая. Эпизод 7](#)
- [Часть первая. Эпизод 8](#)
- [Часть первая. Эпизод 9](#)
- [Часть первая. Эпизод 10](#)
- [Часть первая. Эпизод 11](#)
- [Часть первая. Эпизод 12](#)
- [Часть первая. Эпизод 13](#)
- [Часть первая. Эпизод 14](#)
- [Часть первая. Эпизод 15](#)
- [Часть первая. Эпизод 16](#)
- [Часть первая. Эпизод 17](#)
- [Часть первая. Эпизод 18](#)
- [Часть первая. Эпизод 19](#)
- [Часть вторая. Эпизод 1](#)
- [Часть вторая. Эпизод 2](#)
- [Часть вторая. Эпизод 3](#)
- [Часть вторая. Эпизод 4](#)
- [Часть вторая. Эпизод 5](#)
- [Часть вторая. Эпизод 6](#)
- [Часть вторая. Эпизод 7](#)
- [Часть вторая. Эпизод 8](#)
- [Часть вторая. Эпизод 9](#)
- [Часть вторая. Эпизод 10](#)
- [Часть вторая. Эпизод 11](#)
- [Часть вторая. Эпизод 12](#)
- [Часть вторая. Эпизод 13](#)
- [Часть вторая. Эпизод 14](#)
- [Часть вторая. Эпизод 15](#)
- [Часть вторая. Эпизод 16](#)

- [Часть вторая. Эпизод 17](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 18](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 19](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 20](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 21](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 22](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 23](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 24](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 25](#)
 - [Часть вторая. Эпизод 26](#)
 - [Эпилог](#)
 - [АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ](#)
-

Алексей Лукьянов

Цунами-2. Узел Милгрэма

ISBN: 78-5-904454-73-9

Лето 2004 года

Они только-только покинули бунгало. Майк сетовал на внезапно начавшийся снегопад, который снизил видимость до десяти футов, и теперь приходилось буквально красться по серпантину. Он и крался, что, по всей видимости, и уберегло его от столкновения, когда прямо перед машиной из белой тьмы внезапно возник человек.

Человек ковылял по разделительной полосе, едва-едва переставляя синие от холода ноги, сильно заваливаясь на левый бок, будто нёс что-то тяжёлое. Ничего, кроме бурой от крови хирургической распашонки на нём не было.

Майк припомнил, что примерно за пару миль отсюда, пока не началась метель, видел на обочине странный след — будто по снегу что-то проволокли. Он опасался, что это скатился камень, но теперь, кажется, было понятно, кто на самом деле проехался по жёсткому крупнозернистому сугробу.

Майк аккуратно объехал чудака и просигналил. Чудак обернулся на звук, и Майк, разглядев лицо идиота, без штанов забравшегося в горы, ужаснулся. Вся левая щека, от носа до уха, представляла фарш из мяса и льда.

Дочеф ударил по тормозам, и его «гранд чероки» встал, как вкопанный.

— Папа, в чём дело? — спросила с заднего сидения Бет.

— Сиди спокойно, детка, — хладнокровно ответила ей Сьюзен, сидевшая рядом с Майком.
— Милый, ты уверен?

— Какое, к чертям, уверен?! — огрызнулся на жену Дочеф. — У нас просто выхода нет!

Он накинул на голову капюшон и выскочил в метель.

Изуродованный бедолага стоял перед Майком, шатаясь из стороны в сторону, будто его раскачивал ветер.

— Эй, парень! — крикнул Дочеф, но ветер выл так сильно, что он даже себя не слышал.

Он открыл заднюю дверь, вытащил плед и накинул на несчастного.

— Сэр, вы можете идти? — прокричал Майк в правое ухо незнакомцу.

Тот послушно зашагал в сторону машины. Бет опасливо прижалась к противоположной двери.

— Расслабься, ты видишь — он едва дышит?! — наорал Майк на дочку. — Святые угодники, лишь бы он дотянул до клиники...

На максимально возможной скорости Дочеф поплёлся по дороге вниз. Предстояло одолеть ещё пятьдесят миль. Господи, пусть он не сдохнет прямо на заднем сидении!

Вот что — нужно позвонить шерифу. Норберт не подведёт.

— Фил! — как можно спокойнее сказал Дочеф, когда шериф Норберт снял трубку. — У меня проблема.

— В чём дело, Майки?

— У нас тут... тело...

— Труп?!

— Нет-нет, Фил, не труп, но, боюсь, он может откинуться с минуты на минуту. Мы едем домой...

— Ты его сбил?!

— Чёрт возьми, Фил, выслушай меня до конца. Мы подобрали какого-то идиота в горах, он совсем замёрз, у него пол-лица нет. Он абсолютно голый, и, боюсь, у него сильное переохлаждение. Что нам делать?

— Вы далеко?

— Ещё пятьдесят миль.

— Какого дьявола вы его вообще подобрали, Майки?!

— А что мне оставалось делать? Сейчас вверх по серпантину должен пойти грейдер Рона Тэтчера. Представь, что Рон нашёл бы этого типа на дороге? Он растрепал бы об этом по всему округу. И как бы я потом объяснялся, почему не взял умирающего на борт? Боялся обивку кресел испачкать?

— Остынь, Майки, ты поступил, как настоящий мужик. Вертолёт за тобой я отправлять не буду — бесполезно в такую погоду. Не волнуйся, продолжай ехать, если что — я тебя подстрахую. Сейчас что-нибудь придумаем.

Дочеф в отчаянии отключил связь.

— Па, мне кажется, от него коньяком пахнет, — подала голос Бет.

— Коньяком?

— Он мертвецки пьян, па.

— Откуда ты можешь знать, как пахнет коньяк, тебе всего шестнадцать? — спросила Сьюзен.

— Э... Ну, у нас же дома есть коньяк, я видела... — Бет заметалась, сообразив, что попала впросак.

— Юная леди, мы поговорим на эту тему дома, — пообещала Сьюзен.

Вот всегда так, думал Дочеф. Фраза, которую ты не ожидал услышать — и твои представления о жизни меняются раз и навсегда. Иногда лучше не слышать, что говорят люди.

Правда, Марвин?

До клиники Майк довёл машину окончательно изнервничавшись. Слава богу, там уже ждал Фил, и бригада врачей сразу приняла пострадавшего в свои надёжные руки. Теперь Дочеф мог перевести дух.

— Майки, как вы его нашли? Откуда он там вообще взялся? — спросил Норберт, отведя приятеля в сторону.

— Ты у меня спрашиваешь? — возмутился Дочеф.

— Пойми, у нас здесь неизвестный при смерти. Ладно, если он выживет — честь и хвалё тебе на весь штат, это дополнительный плюс тебе перед судом. Но если он всё же окочурится, тебе будет довольно трудно объяснить, что произошло. Ты его точно не знаешь?

— Откуда я могу знать, я его не разглядывал. Может, он вообще не из Грэнби.

— А откуда? — снова спросил Фил.

— Ну, из Колорадо-Спрингс, например.

— А у нас он что забыл?

— Фил, почему ты бываешь так непроходимо глуп? Откуда я могу знать, что он у нас забыл, я вижу его впервые! Ты обещал что-нибудь придумать, вот и думай!

Вот этого, наверное, говорить не стоило. В конце концов, анонимные пожертвования в пользу полицейского департамента Грэнби, округ Гранд Каунти, которые делал Майк через оффшорные счета, были легальными, и никто бы не посмел обвинить Норберта, что он получает взятки — зарплата в департаменте пропорционально увеличилась у каждого копа (их и было-то всего трое).

Но Фил не обиделся. Норберт вообще был слегка туповат, чтобы на него обижаться. Он сказал:

— Ладно, утро вечера мудренее, надеюсь, этот бедолага не окочурится в реанимации, и мы узнаем, кто он такой.

Как с такими мозгами он стал шерифом? Секретарша Майка была в сто раз умнее. Но

делать было нечего — сейчас всё зависело от профессионализма врачей и здоровья этого чудилы, который так некстати подвернулся Майку на пути.

Или кстати? Если бы Дочеф выехал часом раньше, как и собирался, незнакомец мог выйти на дорогу сразу после него. Вне всякого сомнения, что Рон Тэтчер на своём грейдере всё равно наткнулся бы на тело, и тогда точно начались бы проблемы. Тэтчер, хоть и не часто, но всё же перекидывается с Химейером парой слов, а уж в таком случае он бы точно молчать не стал. Химейер только и ждёт, когда Майк облажается. Этот жук бы точно натравил на Дочефа журналистов... Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

С этими мыслями он отвёз жену и дочку домой, а сам вернулся в клинику: пусть сами между собой разбираются, как пахнет коньяк, ему и так хватило переживаний.

Он робко вошёл в приёмный покой и спросил у дежурной медсестры, Патриции:

— Триш, как там этот парень, которого я привёз час назад?

— Минуту, мистер Дочеф, сэр, сейчас узнаю.

Она вышла из-за стойки и отправилась в реанимационный бокс. Через минуту она вышла с доктором Клариссой Ли.

— Майк, вы настоящий герой, — сказала Кларисса. — Ещё бы немного — и он умер от переохлаждения. По счастью, организм молодой и сильный, так что жить будет.

— Что у него с лицом?

— Рассёк щеку льдом, будет шрам, но ничего серьёзного.

— Он местный?

— Нет, я его не знаю. Он говорит...

— Что?! Он в сознании?!

Каждый американец хотя бы раз в жизни бывал в Городе, Который Никогда Не Спит. Одни приезжают сюда спустить шальные деньги, другие — профукать семейный бюджет, третьи — выиграть чемпионат по покеру, четвёртые — просто развлечься, потому что Лас-Вегас — самое лучшее для этого место. Здесь забывается всё, здесь жизнь переливается всеми цветами радуги, как бриллиант чистой воды (или как мыльный пузырь, в зависимости от вашего везения).

Том приехал развлечься. Он никогда не помнил, как именно развлекался, но именно это и было основным отдыхом Томаса — не помнить, что он делал.

Он проснулся и повернулся на левый бок, чтобы узнать, с кем провёл эту ночь. Брайдер не так редко просыпался в постели с незнакомыми женщинами. Как это у него получалось, он не задумывался, единственное, что он точно знал: в здравом уме и доброй памяти на уме у Тома были только выпивка и сокровища.

Но стоит «Джонни Уокеру» проникнуть в кровеносную систему, ум и память выключались, и Томас начинал «зажигать». Обычно он абсолютно не помнил, как добивался расположения той или иной красотки. Но помнил, как её зовут, чем они занимались во время, предшествующее объятиям Морфея, и сколько и чего именно он выпил. Откровенно говоря, красотки иной раз попадались не совсем красивые, и Брайдер искренне благодарил органы чувств за то, что вовремя отключают связь с мозгом.

Ориентировался Томас по счетам. Как правило, он укладывался в три тысячи баксов. Раз в полгода расслабиться можно.

Сегодня в постели никого не было. Не шумел вентилятор в туалете, не пахло завтраком из гостиной, не бубнил телевизор, никто не пел в душевой под шум воды. Хорошее утро, когда не надо ничего вспоминать. Нет ничего — значит, ничего и не было. Слава богу. Вот только организм требовал допинга, но эту проблему решить было просто. Томас встал с постели и побрёл возвращать себе человеческий облик.

После душа он открыл банку пива и устроился перед телевизором, узнать последние новости. Тут-то его и ждал первый сюрприз.

Транслировалось повторение вчерашнего полуфинала по покеру. Крупным планом — аккуратно в ряд выложенные карты.

— ...флэш-рояль! Невероятно! Томас Майор Брайдер выигрывает полуфинал! Полмиллиона долларов! Публика неистовствует! Вы посмотрите, какое самообладание! Брайдер, кажется, даже не понимает, что только что вышел в финал мировой серии!

На экране крупным планом возникла глуповатая физиономия Томаса. Казалось, он не только не понимал того что происходит, но и вообще — где находился.

Томас, сидевший на диване, помимо стойкого недоверия к органам чувств, испытал жёсткий приступ раздвоения личности. Он записался на чемпионат скорее из чистого авантюризма, и вовсе не рассчитывал на выигрыш. Он даже в одну восьмую финала не собирался выходить, а тут — финал. Он наблюдал за своим двойником с чувством нарастающей тревоги.

— Что вы будете делать с этими деньгами? — спросил журналист у Брайдера-в-телевизоре.

— Куплю яхту и отправлюсь с женой искать клад!

— Ваша жена с вами? — спросил журналист.

— Я женат?! — обалдел Томас-на-диване.

— Барби, иди сюда! — закричал Брайдер-в-телевизоре.

Камера метнулась влево, туда, куда кричал полуфиналист. В толпе кто-то махал рукой.

— Барби? — спросил Томас-на-диване. — Какая, на хрен, Барби?!

Она возникла в кадре через несколько секунд.

— Твою мать... — только и оставалось выдохнуть Брайдеру.

Это была Барбара Кравец, та хитрожо... хитро-жёлтая бестия неопределённого возраста, его будущая соперница в финале.

Чёрт! Они теперь женаты? Значит, не могут играть друг против друга в финале? Слава тебе, Иисус! Хватать бабки — и рвать отсюда когти!

Он позвонил на ресепшен.

— Да, сэр?

— Это номер 2850, подготовьте мне расчёт, пожалуйста.

— Конечно, сэр. Минутку, сэр — вас спрашивает ваша жена.

— Кто? Гоните её прочь, я неженат!

Томас в мгновение ока собрал пожитки в чемодан, допил пиво, оделся, и выскочил из номера.

Прямо в объятия стоящей на пороге красивой женщине неопределённого возраста.

— Куда-то собрался, милый? — спросила она.

— Вы кто? — Брайдер испуганно огляделся.

Ответ он уже знал.

— Читай по губам, — улыбнулась гостя. — я... твоя... жена.

Часть первая. Эпизод 2

О том, что Даглас опоздал, свидетельствовала усыпанная мёртвыми птичьими телами лужайка у поворота к зданию лаборатории. Несмотря на уик-энд, небольшая группа зевак — скорей всего, покупатели из гипермаркета, расположенного по соседству — уже окружала главный корпус «Light Year Inc». Видимо, прискакали поглазеть на последствия взрыва. Даглас увидел пожарную машину, полицию, скорую, и сердце его защемило. Вашу русскую маму, думал Дарк, я вас убью! Только бы никто не умер, только бы никто не погиб...

А начиналось всё вполне мирно. Даглас Дарк беседовал с инвестором, курировавшим проект, носивший безликое название «Порт». Инвестор был русским, звали его Андрей Гумилёв. Гумилёв относился к новому поколению богачей, к тем, кто делает деньги не на распиле и продаже больших предприятий, а на новых технологиях. Беседа зашла о близнецах Кругловых, основной движущей силе проекта. Правда, при этом они сами же проект и тормозили.

— Прямо-таки воюют? — спросил Гумилёв.

Он не улыбался, но Даглас чувствовал, что otets rodnoy воспринимает отношения братьев Кругловых с юмором. Это хорошая реакция, на такую Даглас и надеялся, потому что гадские близнецы динамили его конкретно, если пользоваться терминологией Джулиуса.

Насколько сам Даглас понимал перипетии русской ономастики, звали братьев на английский манер одинаково — Джорджами. Но в русском языке имя Джордж, обозначающее с греческого «землепашец», имело три разных варианта: Георгий, Егор и Юрий. И если Егора, левого близнеца, все звали Джорджем, то правый, который признавал за левым старшинство и при этом ни во что это старшинство не ставивший, придумал себе имя Джулиус, и оно крепко к нему приклеилось.

— И вы терпите?

— Приходится, — вздохнул Даглас.

И тут его прорвало. Он жаловался инвестору, будто священнику в исповедальне, на русских выскочек, семимильными шагами толкавших вперёд проект по созданию действующей модели внепространственного перехода.

— Почему с украинцами нет проблем? Иранцы — милейшие и тишайшие существа, если не обращать внимания на регулярные отлучки к намазу. Русские! Они не пьют водку, нет. До водки у нас охочи индусы. Нет, русские как начнут обсуждать какую-то проблему — и всё, встала работа, потому что им требуется основательное, кондовое решение!

— Смею вас заверить, что не все русские таковы, — успокоил Дагласа Гумилёв. — Есть среди нас и абсолютно тупые исполнители бессмысленных распоряжений.

Даглас осёкся и недоумевающе посмотрел на инвестора. Тот, сохраняя невозмутимое выражение лица,пил кофе.

— Это сарказм, да? — криво улыбнулся Дарк. — Вы знаете, как меня в лаборатории с подачи Джулиуса называют?

— Дональдом? — улыбнулся Гумилёв.

— И вы туда же?

— Русскому уху английские слова «тёмный» и «утка» кажутся одинаковыми. А в некоторых русских пивных английская просьба «ещё тёмного» может показаться даже оскорблением.

— Подумать только... — вздохнул Даглас. — Лингвистика, оказывается, тоже целая наука. Да где же эти мерзавцы? — он вновь схватился за мобильный телефон.

От русского уха Гумилёва, однако, не ускользнула мягкая, почти нежная интонация, с которой говорят о непослушных, но любимых детях.

— Опять, наверное, дерутся из-за этих своих неразрешимых вопросов бытия, — пробормотал Дарк. — Видит бог...

— Расслабьтесь, Даглас, я не буду расстреливать вас за то, что ведущие специалисты заняты делом, вместо того, чтобы впустую молоть языком с богатеньким буратиной.

— Buratinou? — переспросил Дарк. — Что такое buratinou?

— У вас на редкость чуткий слух, — похвалил Гумилёв, но объяснять смысл идиомы не стал. — Даглас, я доволен ходом работы. Мало того — я вообще не ожидал таких невероятных результатов да ещё так быстро. У меня к вам есть предложение, настолько же фантастичное, насколько и всё то, чем мы с вами занимаемся. Вы понимаете, что мгновенный перенос материи на расстояние открывает безграничные возможности колонизации иных миров? Подождите, не перебивайте.

Даглас и не думал перебивать. Гумилёв казался ему древнегреческим героем: молодым, сильным, целеустремлённым — и не по годам мудрым. Дарк точно знал, что старше Андрея лет на десять — по крайней мере, Гумилёв всюду указывал год рождения как тысяча девятьсот семьдесят четвёртый. Но чувствовал себя Дарк перед этим человеком мальчишкой. Гумилёв будто и не здесь жил, а где-то в следующем веке, знал все ошибки и заблуждения современности, и снисходительно их терпел, за ручку уводя глупых детей к светлой и осмысленной жизни.

Говорил Гумилёв, будто трагик на античной сцене: с котурнов.

— Мир, каким мы его знаем, скоро уйдёт в прошлое. Невозможно черпать из колодца бесконечно, рано или поздно он пересохнет. Уже сейчас необходимы технологии терраформирования других планет для дальнейшего расселения человечества.

— Но... — промямлил Дарк. — У нас «Порт» только-только набирает обороты.

— Об этом я и хотел с вами поговорить. Как вы смотрите на то, чтобы возглавить новый проект?

— Я? Я не могу! Это не мой профиль!

— Не спешите отказываться. У вас, помимо несомненных достоинств учёного, есть талант организатора, показатели всех членов вашей команды выше всяких похвал. Вы мне очень нужны, Даглас, и я не пожалею никаких средств, чтобы вам было интересно работать в моём проекте.

— Эндрю, сбавьте обороты, я чувствую себя девицей, которую тискают на заднем ряду в кинотеатре, — Даглас залпом допил апельсиновый сок и снова попытался дозвониться до близнецов.

По-прежнему длинные гудки.

Гумилёв охолонул. Действительно, как-то двусмысленно получилось. Всё из-за русских самородков, будь они неладны. Хотел ведь дождаться всех и предложить близнецам возглавить исследования в области внепространственных перемещений, а Дональда... (тьфу ты, Дагласа, конечно, как бы вслух не оговориться...) а Дагласа перевести рангом выше. Но близнецы оказались не светскими львами, откровенно забили на встречу с инвестором. Смелые ребята, знают себе цену, надо за такими приглядывать — конкуренты тоже не спят. Если сегодняшний эксперимент подтвердит гипотезу о существовании нового вида энергии — тут придётся усилить службу безопасности. Нефтяные и газодобывающие концерны давно копают под корпорацию «Световой год».

Гумилёв посмотрел на часы. Автомобиль будет через пять минут. Андрей не любил, когда не уважают его время, и терпеть не мог сам кого-то задерживать. Жаль, что не пришлось познакомиться с молодыми гениями, но время ещё будет.

— Мы поговорим с вами на эту тему через месяц, вы не возражаете? — предложил Гумилёв, вставая.

— Полагаю, выбора у меня нет? — улыбнулся Дарк, тоже поднявшись.

Мужчины пожали друг другу руки, и Гумилёв оставил Дагласа одного. Дарк снова сел за стол и доел завтрак, абсолютно не чувствуя вкуса. Ещё несколько раз он попытался дозвониться до Джорджа, потому что телефон Джулиуса вообще оказался вне зоны покрытия сети. Маленькие засранцы!

Эксперимент был назначен на два часа пополудни. Даглас, наконец, позвонил консьержу близнецов, и тот сообщил, что братья при параде покинули дом три часа назад. Какого чёрта, куда они тогда запропастились? Неужели в лабораторию?

По спине у Дарка пробежал холодок. Он немедленно связался с лабораторией.

— Да, они уже здесь, больше двух часов уже, — доложил охранник. — Нет, никого больше. Уик-энд, сэр, вы не забыли?

Да, он забыл. Когда ты руководишь сумасшедшими гениями, выходных у тебя не бывает.

Даглас расплатился, и пошёл на выход, постепенно набирая скорость. Через холл отеля он почти уже бежал.

Дорога пролежала рядом с аэропортом, пару раз громко бабахнуло — видимо, самолёты преодолевали звуковой барьер. Однако когда Дарк свернул с хайвэя на Мидлроуд, он начал сомневаться, что слышал именно самолёты. В небо над лабораторией поднимались столбы чёрного дыма.

Даглас не стал останавливаться у лужайки с мёртвыми птицами, а сразу поехал к лаборатории.

От неё практически ничего не осталось. На месте стоял только железный каркас. Бетонные перекрытия полностью или частично разрушились, крупная стеклянная крошка равномерно покрывала всё вокруг, вся растительность, окружавшая здание, походила на рубленый шпинат. Какое счастье, что никого не было рядом!

Словно в ответ на мысли Дагласа, зеваки зашептались:

— Несут! Несут!

— Вы кто? — спросил офицер, когда Даглас, растолкав зевак, попытался прорваться через ограждение и посмотреть, кого там несут.

Несли охранника, всего окровавленного, но живого.

— Я Даглас... Дарк, руководитель лаборатории! Что случилось?

— Я надеюсь, это вы мне объясните, мистер Дарк, — ответил коп, изучив документы Дагласа. — Что у вас здесь происходит в выходной день? Могли погибнуть люди! Вот, полюбуйтесь!

— Эксперимент запланирован на понедельник! Впустите меня, там мои люди в лаборатории.

— Вам не кажется, что вы тут у себя бардак развели? — с вызовом спросил коп.

— Если произошёл взрыв, сейчас тут должна быть запредельная радиация, выводите людей! — заорал на офицера Даглас и побежал по осколкам в руины.

Слово «радиация» обладает магическим воздействием. Толпа рассосалась в мгновение ока, остались только служебные автомобили. Конечно, у пожарных имеется счётчик Гейгера, они наверняка знают, что фон нормальный, но эти brave ребята тоже страдают от излишка зрителей.

Когда Даглас вошёл в то, что раньше называлось лабораторией... лучше бы он этого не делал. Это была Хиросима после падения Малыша. Единственное, что уцелело — это установка стоимостью почти полтора миллиона. Верней, её основа — «вход» и «выход» передающего канала, которые близнецы называли «линзами». Остальное — вернее, всё то, что не испарилось в результате выброса энергии — взрывом разметало, раздавило и расколотило вдребезги и

всмятку. Посреди этой американской красоты, пошатываясь из стороны в стороны, ходили мутанты. По крайней мере, так представил офицеру братьев Кругловых Даглас, надеясь, что в приступе паники офицер застрелит уродов на месте.

— Она взорвалась, Даглас! — радостно возвестил Джулиус. — Честное слово! Какой грохот!

Джордж, до сей поры растерянно озирающийся по сторонам, после этих слов изменился в лице и залепил брату такую оплеуху, что у Джулиуса даже зубы клацнули.

Вопреки ожиданиям, Джулиус сдачи не дал. Он только оправдывался:

— Но ведь получилось же, получилось! Даглас! Получилось!

— Что получилось, что?! — едва не рыдал Джордж. — Данные где? Никаких результатов не осталось! Всё же коту под хвост.

Из противоречивых объяснений Дарк понял, что Джулиус опять в последний момент изменил ход эксперимента, в свойственной ему творческой манере «все кругом дураки и ничего не понимают, и только я тут в белом пальто стою, красивый, умный, в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил». Сославшись на интуицию, Джулиус полностью поменял все схемы отвода лишней энергии, и, как оказалось в итоге, опять был прав. Братья явно повздорили, потому что носы у обоих были расквашены. Видимо, интуиция, которую представлял Джулиус, оказалась сильнее здравого смысла, которым обычно заведовал Джордж: братья запустили устройство сами, не дожидаясь понедельника и всей команды. И полученный результат настолько превысил все ожидания, что, если бы близнецы не сидели у «выхода» канала, скрытые, помимо спецкостюма, изоляцией «линзы», их бы тоже разорвало в клочья. Остатки выброса ушли в молниеотвод.

— Снаружи всё в порядке? — спросил Джордж.

— Э... А что должно быть снаружи? — напрягся Даглас.

— Шаговое напряжение, — сказал Джулиус.

Даглас вспомнил лужайку с сотнями мёртвых воробьёв, чаек, дроздов и голубей. Вот что их убило. Через дорогу был гипермаркет, с утра прошёл дождь, стоянка автотранспорта перед магазином ещё не успела просохнуть...

— Если бы мы не изменили схему, мощность разряда была бы много больше, и те, кто на улице, могли погибнуть, — попытался объяснить Джордж, но Джулиус перебил его.

— Но мы видели! Всё получилось, канал держится, Даглас! В следующий раз мы повторим, чтобы уже ничего не...

Даглас не слушал, он оценивал убытки. Лаборатория восстановлению не подлежала. Разговор с руководством предстоял не просто тяжёлый, а невыносимый. Решено, он принимает предложение Гумилёва, если, конечно, после такого грандиозного фиаско тот не откажется от своих слов. Если откажется, Даглас уйдёт из корпорации, и будет работать где угодно, но с одним условием — никаких близнецов. Он готов заниматься чем угодно, хоть туалеты мыть, лишь бы рядом не было русских и близнецов. К чёрту строящийся ЦЕРН, к чёрту такую науку.

— Я разберусь, — сказал он тихо. — А вы собираете свою задницу в горсть и убираетесь отсюда, куда угодно, только чтобы я даже эха вашего не слышал.

— Но...

— Живо!

Кругловы заткнулись и начали выбираться из руин.

— Стоять! — приказал им Даглас.

Коп, который, онемев, стоял и слушал препирательства яйцеголовых, тоже очнулся. Дарк обратился к нему:

— Офицер, будьте добры, отведите этих двоих к медикам, это очень важно. Боюсь, они всё

же облучились.

Братьев увели. Смотреть на них и вправду было страшно — красная кожа кое-где свисала лоскутами, брови и волосы выгорели. Но ничего, выживут. Такие всегда выживают.

Зазвонил мобильный. Всё, начинается вынос мозга.

— Слушаю. Я. Сожалею, сэр, всё очень плохо. Ничего, сэр. Вообще ничего. Жертв, по счастью, нет, если не считать птиц на газоне. Как всегда, сэр. Отправил в лазарет. В лазарет, говорю, отправил. Отвечу, сэр. Всего доброго, сэр.

Часть первая. Эпизод 3

Барбара пристрастилась к покеру давно, ещё при Союзе. На деньги она никогда не играла, покер её интересовал скорее как спорт, или как искусство. Азарт — ненадёжный партнёр, госпожа Кравец (так за глаза звали Барбару клиенты и коллеги) предпочитала мастерство и психологию.

Удрав из страны победившего капитализма, Барбара какое-то время путешествовала по Средиземноморью. Однако через год пресытилась, и решила открыть для себя Новый свет. И поводом стал ежегодный чемпионат мира по покеру в Лас-Вегасе.

Госпожа Кравец оказалась серьёзным игроком, и дважды доходила до четвертьфинала, потом дважды — до полуфинала. Никто не сомневался, что на этот год она может и в финал попасть, хотя чемпионский титул, возможно, нынче ей и не достанется. Однако сама госпожа Кравец думала иначе.

Карты спутал молодой человек, который годился ей в сыновья.

Томас Майор Брайдер, бесшабашный стареющий юноша с бородкой, плотный, невысокий, отрекомендовался «расхитителем гробниц».

— Я не мумия, я просто так выгляжу, — сказала Барбара, когда он подошёл к ней в баре.

Он даже внимания не обратил на эту шутку, и даже наоборот — начал бить к ней клинья. Она и впрямь была ещё ничего себе, поди, узнай, что она ещё отца народов помнит.

Конечно, для Брайдера это было всего лишь приключение, и для неё это тоже была игра — мужчина явно подшофе, вряд ли осознаёт, что творит, но слово за слово, и у них обозначилась общая тема — клады. Если Брайдер не врал, то он довольно успешный кладоискатель.

Информация на специализированных форумах подтверждала: в прошлом — банковский служащий, потом воевал в горячих точках, потом занялся «разграблением гробниц», на счету несколько серьёзных находок, *idea fix* — найти сокровища понапе в Микронезии, чему Брайдер посвятил несколько экспедиций, пока безрезультатно. Раньше работал в команде, пока не взорвалась его яхта, теперь работает один. Почётный член обществ и братств.

Барбара думала — это на один вечер. Но в течение недели Томас неотступно следовал за ней, делал вычурные комплименты, приглашал в рестораны и обсуждал текущие игры (он тоже приехал на чемпионат, но играл в другой группе). Брайдер не просыхал: Барбара никогда не видела, как он пьёт, но Майор передвигался всюду той расслабленной, чуть раскачивающейся походкой, которая так присуща всем слегка нетрезвым людям. Создавалось впечатление, что он живёт под лёгким наркозом. Двигаясь, как пароход в тумане, Брайдер и играл, и общался будто адекватно, но у собеседника создавалось твёрдое впечатление, что разговаривает Майор с кем-то другим — милым, добрым и доверчивым существом.

Барбару это не напрягало. Ну, подумаешь, видит в ней Брайдер кого-то другого. Пить-есть не просит, наоборот — сам угощает, в общении мил и обходителен, шутит деликатно. Джентльмен!

Когда Барбара выиграла полуфинал, они здорово загудели. Они не спали всю ночь, несмотря на то, что Томасу в следующий вечер предстояла такая же игра. Брайдер прямо сказал, что его не интересует победа, он приехал расслабиться и покутить, как всякий уважающий себя пират. Поэтому они и кутили, и танцевали, и пели караоке, и играли на рулетке, и в блэк-джек, и в маджонг, и снова на рулетке, и всё время выигрывали, купили где-то карту клада понапе, договорились отправиться в плавание вместе, а напоследок поженились.

Барбара всё утро не могла понять, откуда у неё кольцо на пальце, а когда увидела свадебные фото — испугалась неимоверно. Не хватало связать себя узами брака на старости лет! С кем — с

мальчишкой! Кошмар и ужас!

Полдня она отмокала в ванной, вызвала в номер массажистку, специалистку по макияжу и мастера по ногтям — они вчера, оказывается, купили билетов мгновенной лотереи и стирали защитный слой ногтями (более половины были выигрышными, не джек-пот, конечно, но всё равно — не в убытке). К вечеру, обретя себя, Барбара вышла из номера — и в ресторане вновь столкнулась с Томасом.

— Привет, Барби! — закричал он, едва заведя в дверях. — Я сегодня играю, придёшь посмотреть?

— Привет, Майор, — сказала Барбара, едва приблизившись. — Послушай, вчера...

— Мы славно оттянулись, согласен. Сегодня я проиграю, потом мы дождёмся твоей победы — и махнём на Понпеи.

— Куда?

— Детка, ты меня удивляешь! Карта у меня в кармане, мы отправляемся, как только ты обуваешь всех этих напыщенных засранцев.

— Майор, может, нам не стоит торопиться. В конце концов, я уже немолода.

— Я тоже не юноша, что с того? Тебе не у шеста плясать, там землю копать надо.

— Землекоп из меня, боюсь, тоже аховый.

— Детка, не расстраивай меня, а то я, чего доброго, разозлюсь, а когда я злюсь — я трезвею. Мне ещё играть сегодня.

— Я хотела поговорить по поводу вчерашнего...

— Мы же вчера классно оттянулись, правда? — насторожился Брайдер.

Похоже, пока не протрезвеет, смысла говорить серьёзно не было. Барбара решила не торопить события. Майор протрезвеет, увидит, с кем он на самом деле крутил роман, испугается и сбежит. Ну, поженились они. Майор не помнит, а ей это, если подумать, тоже неважно, так что можно расслабиться и получить удовольствие, как любят говорить в Америке.

И она расслабилась. Они снова дали жару, и остановились только когда у Брайдера зазвонил мобильный, и его агент, писая кипятком, потребовал сию минуту явиться в зал, потому что через полчаса начнётся игра.

— Том, да ты пьян в сосиску! — выругался агент, когда Барбара с Майором шустрым кабанчиком метнулись в зал «Пасадена» отеля «Бонавентура», в котором и проходила игра.

— Генри, я всегда пьян в сосиску, поцелуй меня в брюки, — ответил Брайдер. — Детка, жди меня, я быстро.

И вышел к столу, где его ждали противники, трезвые, злые, и твёрдо настроенные на победу.

Всю игру Томас улыбался, заказывал невообразимое количество взяток и брал их все, без переборов. Соперники сначала нервничали, потом оказались абсолютно деморализованы, несколько раз переигрывали, потому что им казалось, что где-то здесь обман, а когда Томас завершил игру бесподобным флэш-роялем, один из соперников даже расплакался.

— Сукин сын, — только и выдохнула Барбара, когда Брайдер выиграл полмиллиона. Надо было спешно покидать зал, пока Томас не выдал их маленький секрет.

Как назло, вокруг стало ужасно тесно, не протолкнёшься. С одной стороны, вроде, и хорошо — в толпе пойдёшь, найдёшь человека. Но, с другой, — Майор в этом своём полусне всё видит, всё слышит, и не ошибается.

Вот и сейчас:

— Барби! Иди сюда!

Несколько минут позора перед телекамерами. Фотосессия под пристальными и недобрыми взглядами агентов — её и Тома. Бокал шампанского, который добил, наконец, Томаса, и его

отнесли в номер.

Барбаре пришлось отдуваться за двоих.

— Госпожа Кравец, не торопитесь, — попросил Льюис, её агент.

— Я вся внимание.

— Вам тут что — игры, мэм? Развлечения?! — спросил Генри резче, чем следовало.

— Сэр, мне тут именно что игры и развлечения, — холодно ответила Барбара. — И потише, кругом люди.

Льюис взял коллегу за локоть и легонько сжал — не торопись. Генри остыл.

— Мэм, вы понимаете, что ситуация возникла неловкая. Никто не ожидал, что Том сегодня будет так играть. Его хотели дисквалифицировать, но алкоголь допингом не считается, даже наоборот — притупляет реакцию. Признаюсь, я сам не ожидал, что Том выиграет, это неприятный сюрприз.

— Поздравляю вас, — Барбара улыбнулась агенту Брайдера. — К чему было шуметь?

— Да я...

— Спокойно, Генри, сейчас мы всё разрулим. Госпожа Кравец, — Льюис сделался крайне жёстким, — вы понимаете, чем чревата ваша идиотская выходка с браком. Конечно, вы не знали, что так всё обернётся, но в правилах ясно сказано: родственники и лица, состоящие друг с другом в браке, играть не могут, ни в отборочных играх, ни, тем более, в финале.

— Я сожалею.

— Тут не надо сожалеть. Тут надо разводиться, причём громко и со скандалом. Иначе нас дисквалифицируют, обоих.

— Но Томас, насколько я знаю, даже не собирается играть.

— Чёрта с два он не собирается! У него контракт, как и у вас! — опять вспыхнул Генри.

— Во-первых — контракт: играть до последнего. Не забывайте, что мы работаем на вас за комиссионные, и в наших интересах, чтобы наши клиенты играли и выигрывали. На кону — два миллиона долларов, из них пять процентов будут принадлежать или Генри, или мне. Сто тысяч долларов, согласитесь, больше, чем двадцать пять, а мы всерьёз надеемся получить эту сумму.

— А во-вторых?

— А во-вторых, все букмекерские конторы стоят на ушах: кто станет нынешним победителем. На вас и на Тома ставят невероятные суммы, причём на Тома куда выше, потому что у вас этот раз уже пятый, а у него — первый, он — тёмная лошадка.

— Я вам что — лошадь скаковая?

— Госпожа Кравец, вы не лошадь, но это Вегас, здесь ставят всё и на всех. Вам надо развестись...

— Может, мне ещё подыграть ему за столом?

— Я вас об этом не просил.

— Но подумали?

— Госпожа Кравец, я знаю, что вы хотите победить. Но скажу откровенно — этот год не ваш. Год за годом вы показываете всё более значимые результаты, но пока вам стоит подождать. Я бы вообще на вашем месте взял тайм-аут годиков на пять, а потом вернулся и с триумфом занял первое место.

— Посмотрите на меня, через пять лет я могу склеить ласты.

— Ну что вы, вы ещё всех нас переживёте. Не торопитесь, это большая игра, тут надо либо всё и сразу, либо издалека и неторопливо. Ждите нас завтра в номере у Тома, мы приедем с репортёрами. Вы ведь знаете, где он живёт?

— Знаю.

— Вот и ладушки. Поверьте — так будет лучше для всех.

Хрена с два, решила для себя Барбара. Нашли девочку, так она и испугалась. Этот мерзавец Льюис наверняка ставку на Тома сделать хочет, вон как елозит. Что и говорить, выиграл Майор красиво, будто песню под караоке исполнил.

Барбара вспомнила, как Том исполнял «La bamba». Там и смысл-то простой до идиотизма: чтобы танцевать бамбу, нужно немного грации, для тебя и для меня, детка. Я весь для тебя, я не матрос, я капитан, детка!

Ты не капитан, ты Майор, пошутила вчера Барбара. Я Майор, согласился Том. Но пел он бесподобно, будто родился с этой песней на устах.

И играл тоже, пусть даже и под градусом. Отчего-то во время игры в ушах у Барбары звучала именно эта песня. Будто Майор и играл не для себя, не для своего агента, а для неё.

Я весь для тебя, детка.

Барбара вдруг поймала себя на том, что думает о Майоре без кавычек и с большой буквы.

Но она приехала сюда не романы крутить, а выигрывать. Не для кого-то, не для денег даже, а для себя самой. От денег она решила отказаться с самого начала — отдаст на благотворительные цели, и всё тут. Тут дело принципа, и Майор здесь вовсе ни при чём. Всё равно он ей в сыновья годится.

План сложился в голове сразу, и поэтому, пока агенты со своими репортёрами ещё не приехали, она решила сама напрямь «мужа».

Оказывается, у Майора были свои планы на сегодня. Она застала его удирающим.

— Куда-то собрался, милый? — спросила Барбара, глядя на бледного, с мокрыми после душа волосами, мужа.

— Вы кто? — спросил Том.

Надо же, и впрямь на трезвую голову не узнаёт. Хотя во взгляде что-то похожее на узнавание читается.

— Читай по губам: я... твоя... жена...

— Бабушка, Господь с вами, я вам во внуки гожусь, — надо отдать должное Брайдеру — за словом в карман он не лез, хотя на трезвую голову у него получалось немного грубо. Даже не немного, а совсем грубо.

— За такие слова я могу потребовать развода, — сказала Барбара. — Вернись в апартаменты, милый, не будем смущать горничных.

— Я полицию вызову!

— Я уже вызвала, не беспокойся. И пожарных, и неотложку, так что давай быстрее.

Она грубо втолкнула его в номер и захлопнула дверь.

— Э... Барби? Барби, ведь правильно? — спросил Том.

— Угадал.

— Мэм, я надеюсь, не успел сделать с вами ничего предосудительного.

— Майор, хватит мямлить, мы одни, говори начистоту.

— Окей, мэм, я перебрал, простите меня, готов дать развод.

— Развод? Вот ещё. В кои-то веки меня взяли замуж, не целованную практически девушку, и я упусти своё счастье? Нет, Майор, теперь вместе в болезни и здравии... ты должен помнить.

— За что вы так со мной, мэм? Я был невежлив?

— Я не с тобой, мне ты и нафиг не нужен. Меня здорово взбесил мой агент.

— А я здесь при чём?

— А ты здесь при том, что вчера спьяну выиграл полуфинал. Знаешь, кто ты после этого?

— Видит бог, я даже не помню, что вчера было...

— Хватит мямлить, я сказала, будь мужиком!

— Мэм, в вашем присутствии я робею быть мужиком.

— Ах ты, жук навозный!

Они сцепились и начали драться.

Несмотря на то, что Барбара брала уроки бокса и регулярно посещала тренировки, а Брайдер выглядел рыхлым тюфяком, схватка затянулась. Том блокировал удары, сам тактично не атаковал, хотя пару раз Барбара точно раскрылась и могла пропустить хук.

— Дерись, говорю, — часто дыша, говорила Барбара.

— Некогда мне, — пыхтел Майор.

— Тюфяк!

— Старуха!

— Это не оскорбление.

— Э... Стерва?

— Слабак, даже оскорбление придумать не можешь!

Майор зажмурился и выпалил такое, что стыдно повторить даже в неприличном обществе.

— Чего? — опешила Барбара.

Брайдер покраснел. Драка прекратилась.

— Повтори, что сказал, — потребовала Барбара.

— Э... Обойдётся.

— Тюфяк!

— Сама тюфяк.

— Да я тебя... — она собралась уже пнуть Майора в коленную чашечку, но запнулась об ковёр и полетела прямо к нему в объятья.

Какое-то время они стояли так: Том держал Барбару на руках, а она трепыхалась в его руках, как рыбка, и в голове у неё отчего-то по кругу вертелось «Yo no soy marínero, yo no soy marínero, soy capitán, soy capitán, soy capitán».

— Поставь, как было, — сказала она.

— Не поставлю.

— Я тебя на двадцать лет старше.

— После сорока все выглядят одинаково.

— Ты меня сам бабушкой назвал.

— Виноват.

О следующем часе своей жизни Барбара не рассказывала никому.

Часть первая. Эпизод 4

Правый

Мы в то утро едва не совершили прорыв в мировой науке, равный, наверное, только изобретению колеса. Не стоит недооценивать колеса, вы просто слишком к нему привыкли. Концепцию колеса никто ещё не переплюнул, и не упоминайте крыло или атомную энергию. Крыло без колеса значит мало, а вся атомная энергетика — это такой же паровой двигатель, только на другом горючем.

Впрочем, открытия не случилось. Не сумели договориться в нюансах, слово за слово, фэйсом об тэйбл... Кончилось всё тем, что мы разодрались, потом к ядре фене разнесли лабораторию, да ещё и облучились по самое не балуйся. Стоя в развалинах лабы, Даглас, наш шеф, сделал в тот момент то, что делают в таких случаях все начальники полицейских участков в голливудских фильмах — велел сдать значки и пистолеты. В смысле — отстранил от полётов. Ну, вы поняли.

На Дагласа нельзя сердиться, мы испытывали его терпение в течение последнего полугода, а он покрывал нас перед руководством за все те косяки, которые мы себе позволяли. За что был вне подозрений. Потому что, несмотря на все наши с Егором скандалы и разногласия, пользы от нас всё равно было больше, чем вреда. Видит бог, если бы можно было прожить эти пару часов заново, я всё сделал бы точно так же.

Однако в то утро мы превысили лимит косяков многократно.

Сперва мы пропустили встречу с отцом родным.

— Не забываем: утром у нас завтрак с *podatelem blag!* — предупредил Даглас за день до. — На банкете вечером его не будет, он в Москву улетает, так что будьте добры...

Разумеется, это нам. Остальные-то не такие раздолбаи, как близнецы Кругловы. Нам Даглас звонит по десять раз на дню, даже если мы находимся в одном помещении. Что делать — нас постоянно нужно спускать с небес в лабу, иначе ни результатов, ни отчётов.

«Подателя благ» Даглас произносит по-русски, как и «отца родного». Так уж вышло, что прозвища в нашем интернациональном коллективе раздаю я, и приклеиваются они насмерть. А прозвища я придумываю на русском.

В России популярен миф о засилье русскими специалистами американских компаний. Русских здесь, конечно, как собак нерезаных, но я бы не сказал, что больше, допустим, чем индусов. Или китайцев. Или латиносов. Америка — огромный плавильный котёл наций, и здесь совершенно неважно, какой ты национальности. По-английски все говорят одинаково плохо. Мы на этом фоне выглядели вполне себе ничего, особенно после трёх лет Массачусетского технического универа, оконченного экстерном.

Однако отцом родным нашей лаборатории тоже был русский, по фамилии Гумилёв. Причём русским не только по происхождению, но и по гражданству, как и мы. Это был какой-то магнат, владелец заводов, газет, пароходов, и в его благонамеренность и приверженность науке мы не очень верили. Знаем мы этих русских нуворишей, от слова «вор». И хотя на его официальном сайте было написано, что он, якобы, вообще из наших, из ударенных будущим, и даже что-то сечёт в науке, верилось в это с трудом.

Денег на исследование, Впрочем, он не жалел. Но и отчитываться приходилось за каждый потраченный цент. Даглас почти забил на эксперименты, занимаясь составлением смет и отчётов, и бредил Цюрихом, куда он собирался уехать сразу по окончании проекта, потому что

чистая наука его интересовала больше практического её применения. Егор тоже предпочитал теоретические выкладки, в отличие от меня, экспериментатора и прагматика до мозга костей.

Кто бы мог подумать, что всё так обернётся. Прагматиком должен был стать именно Егор, потому что большую часть нашей с ним совместной жизни он заботился обо мне, и был не то, что жёстким, но даже жестоким решателем проблем. Однако с того момента, как я обрёл самостоятельность мышления, Егор будто оттаял, размяк, и склонен был подолгу погружаться в себя, предоставив мне полную свободу действий.

Теперь все вопросы быта и практического применения теоретических выкладок моего брата легло на меня, но мне это нравилось. Я с наслаждением работал, заказывал еду, отдавал распоряжения консьержу, и слыл матершинником-виртуозом. Ругаться мне нравилось, тем более что ма это делала с таким смаком и мастерством, что я нехотя перенял некоторые её интонации и выражения. А уж «окунись в алебастр», подцепленное в незапамятные времена у капитана Бори Грузина, вовсе стало визитной карточкой нашей семейки.

Впрочем, о семейке потом. Нас ждал завтрак с подателем благ.

Конечно, мы сказали, что внесём завтрак в наше расписание, и тут же благополучно об этом забыли. На повестке дня стояли вопросы посерьёзнее, чем какие-то завтраки с приседаниями.

В лаборатории завёлся «крот». Причём не банальный какой-то промышленный шпион, а такой матёрый саботажник, враг народа. И хотя Егор мне не верил, я чуял — прошлый эксперимент, обернувшийся аварией на полигоне, спланирован и исполнен тайным врагом, который потом тщательно за собой подтёр всё дерьмо.

Впрочем, ругались мы не из-за шпиона.

Просто я попытался издали внушить Егору мысль немного изменить схему установки, фигурально выражаясь — пару контактов перепаять. Дел, в общем, на полчаса, а мощность установки увеличится в разы.

— Отставить, — сказал Егор. — Сначала проведём эксперимент так, как запланировали, а потом переключай, что хочешь. Но сначала я просчитаю...

— Да я просчитал всё, — перебил я. — Всё будет как в аптеке, должен получиться стабильный канал, только с наименьшими энергозатратами, и безопаснее, чем прошлый раз. Я даже свой КПК не пожалею, чтобы запулить...

— Никаких «запулить», — сказал Егор. — Всё будет по плану. Ты в прошлый раз тоже запулил, подстанция сгорела.

— Так там и напряга другая была, ты чего! Даглас же сам сказал, что это не моя вина.

— А чья? Шпиона твоего? Если бы ты меня слушал, мы бы чуть позже всё сделали, как ты придумал, и никто бы не пострадал.

— Если бы я тебя слушал, нам бы полтора миллиона на эксперимент не отстегнули! Вспомни, если бы я там всю схему не перепаял, нас бы до сих пор по всему полигону собирали.

— Это случайность была, и не факт, что благодаря тебе мы все не погибли. Наоборот — если бы не влез в установку, может, всё нормально бы прошло. Ты же сам потом признался, что едва штаны не испачкал...

Ну, у меня в любом бы случае не получилось — сфинктеры у нас контролирует Егор, и держит это дело на таком контроле, что приходится толкать его, чтобы он вывел нас в туалет.

Я ещё не говорил, что мы ишио-омфалопаги?

Самый распространённый вид сиамских близнецов: две ноги, два туловища. Репродуктивная и выделительная системы — общие, остальное поврозь. То есть с головы по пояс примерно — мы свои собственные, а ниже — общие, и с этим приходится мириться. Хотя с каждым днём мириться хочется всё меньше. Жаль, что операции по разделению таких уродов, как мы, не делают, давно бы уже разбежались. С девчонками не познакомиться даже, не то,

чтобы семью завести. И дело не в том даже, что девчонки нас боятся — на самом деле они не против романтических приключений, но мы с Егором друг друга стесняемся.

Словом, недовольство друг другом, невозможностью решить нашу маленькую проблему, неустроенность личной жизни и всё такое — это та пороховая бочка, на которой нам приходится сидеть. И порох иногда взрывается. Любая научная конференция, любая вечеринка с нашим участием непременно заканчивается скандалом. Сначала мы спорим, потом договариваемся не мутить воду, а потом, когда всё вроде успокаивается, находится какая-нибудь мелочь, которая раздражает меня или Егора, и мы срываемся. Сначала просто ругань, потом мордобой, потом крушение всего подряд.

Нам несколько раз намекали уже, что неплохо бы сходить на курсы по управлению гневом, но то ли мы такие неподдающиеся, то ли курсы были так себе. Мы поломали там всю мебель, обозвали всех нехорошими словами (ну, ладно, ладно, обозвал я, а Егор только горланил, что в жизни больше в этот дурдом не придёт), и несколько дней провели на общественных работах. На какое-то время это нас успокоило, но проблема так и осталась не устранённой.

Вот эта не устранённая проблема и поглотила нас с самого раннего утра. Вечером мы вопрос внешнего контура отложили до утра, но утром Егор не упомянул о ней ни полусловом, видимо, рассчитывал, что я забуду. А я не забыл, и решил, что если уж мой братец молчит, то я распоряжусь обо всём в лабе, а с Дагласом как-нибудь договорюсь, и вместе мы уже уломаем Егора.

Но когда мы уже спускались к такси, чтобы ехать в «Мариотт», на завтрак в обществе Андрея Гумилёва... знакомая фамилия, не то писатель такой, не общественный деятель был... я сказал:

— Ну, хватит дуться. Давай заскочим на десять минут в лабу, я тебе всё объясню!

— Мы опоздаем.

— Никуда мы не опоздаем: до отеля десять минут на автобусе из лабы. Всё равно за два часа до встречи вышли. Мы только туда — и сразу обратно.

При нашем взрывном характере на компромиссы между собой мы идём слишком легко. На самом же деле это не компромисс, а дешёвая напшлёпка. Думаю, это потому, что мы хотим усыпить бдительность друг друга. Рано или поздно все эти компромиссы заканчиваются побоищем, но мы продолжаем себя обманывать, что таким образом пытаемся найти общий язык.

Егор согласился. Видимо, полагая, что в лабе откажется принимать мою точку зрения. Но меня не проведёшь, в конце концов, интуиция — это моя суперсила, а не его. Суперсила Егора — в последовательности выполняемых операций. Я решил, что всё равно сделаю по-своему, и будь что будет (хотя я был уверен, что получится как надо).

Левый

А я подумал — хрен ты у меня замкнёшь.

Конечно, озарения Юсины были всегда весьма кстати. Мы с ним были как Моцарт и Сальери: я ломал голову, как нам добиться эффекта туннеля хотя бы на долю секунды, а Юся, пользуясь только наитием, тыкая буквально пальцем в небо, получал результат, превышавший самые смелые мои выкладки. Я думал, что унаследую дедушкин инженерный талант, а оказалось, что всё досталось Юсе. Мне же достались таланты моей биологической матери, проживающей ныне в государстве Израиль — теория. Не могу сказать, что разочарован: если проблему не удаётся решить с наскока, Юся сдувается, как воздушный шарик, и тогда приходится пахать мне.

Сопоставлять данные в поисках закономерностей или флуктуаций — мой конёк. Только приходится носить наушники, потому что Юся производит слишком много шума. Тишины хочется неимоверно, вся моя работа проходит по ночам, пока Юся спит. Мы оба жаворонки, но из-за кручёности Юси мне приходится вести образ жизни совы. Поэтому днём, как правило, я безвольная развалина, которая клюёт носом. Характер от этого портится необычайно: дня не проходит, чтобы мы с Юсей не ругались. Я очень ценю его инсайды, но можно же и меня понять: озарило тебя, так подожди немного, наступит время и для твоих проверок... Юся не ждёт. Юся пятнадцать лет был в оукленном состоянии, и пяти лет бодрствования для него слишком мало, чтобы успокоиться. Но ещё десять лет терпеть эти взрывы темперамента и счастливых возгласов внезапного понимания — увольте.

Лаборатория соединяется с главным корпусом Центра прикладных исследований «Лайтиер Инкорпорейтед» длинной застеклённой галереей, вдоль которого протянуто несколько траволаторов, потому что длина галереи — больше двухсот метров. Это сделано на тот случай, если в лабе что-то пойдёт не так. Калифорнийский филиал корпорации «Световой год» (я предпочитаю русское название) расположен в пригороде Сан-Франциско. Это очень удобно — мы одновременно и под крылом компании, и на расстоянии от неё, потому что головной офис расположен в Лос-Анджелесе, а тамошним боссам лениво кататься во Фриско, так что у нас здесь относительная вольница. Наш руководитель, Даглас Дарк (Юся тут же окрестил его Дональдом, но сам так никогда не называл, в отличие от всех остальных), стоял за нас стеной, и мы, ограждённые от всяких глупостей, делали своё дело.

Проект «Порт» был американским вариантом международных исследований в области — только не смейтесь — телепортации. В Израиле, в Великобритании, в Индии, Китае и России теоретические обоснования нуль-транспортировки начались одновременно, кто-то продвинулся дальше, кто-то вообще не продвинулся, но большинство склонялось к мысли, что подобные технологии будут доступны нам ещё очень нескоро.

А между тем пространственно-временные приключения вещества будоражили умы учёных и писателей. Каких только безумных идей не выдвигали лучшие умы человечества, но пока что все склонялись к мысли, что энергии для мгновенной трансляции в континууме вещества массой в один грамм, будет требоваться в разы больше, чем до сих пор вырабатывала вся земная энергетика, включая паровые машины.

До сих пор все опыты по телепортации сводились к копированию атомов вещества и воспроизведению их в другом месте. Но для переноса макротел этот способ не подходил. Я предложил не уходить далеко от старика Эйнштейна и использовать для транспортировки материальных объектов «червоточины» в пространстве-времени, нечто среднее между чёрной дырой и фантастическими «звёздными вратами».

В чёрной дыре время и пространство меняются местами. Если создать квази-чёрную дыру, которая не будет втягивать в себя окружающую материю, а лишь вывернет кусок континуума шиворот навыворот, получится своеобразная мембрана, через которую можно попасть из одного места в другое.

Когда я впервые выдвинул эту мысль, Юся завыл.

— Гад! Сволочь! — причитал он, радостно кусая кулак, отчего у него получалось «гаф-фолофь». — С языка сорвал! Я ведь тоже об этом думал!

Эта мысль и стала нашим дипломным проектом. Я в ту пору очень перенапрягся, возводя под нашей безумной теорией теоретическую базу, и фактически диплом защищал Юся. Нас едва не распяли за дерзость, но опровергнуть мои выкладки значило углубляться в суть проблемы, а этого профессуре нашего университета не хотелось, поэтому нам выдали диплом и вышвырнули за ворота. Где нас и подобрал Даглас, присутствовавший на защите. Он и камня на камне не

оставил от моих построений и предложил изучать проблему уже в Центре.

Лаборатория была оборудована такими приборами и автоматами, что впору было самым приплачивать за возможность на них работать. Но платили нам, и мы дневали и ночевали в этом раю.

Сначала у нас мало что получалось. Теория настолько расходилась с практикой, что в пору было идти переучиваться, либо вообще выметаться из науки. Расчёты постоянно не совпадали, промежуточные данные никогда не коррелировали между собой, будто их брали с потолка. Но мы были упрямы.

Переброска нанограмма воды на один метр заняла у нас полгода времени, пока всё, наконец, не совпало, и эксперимент должен был увенчаться успехом, но, во многом благодаря спонтанному решению Юси заглубить предохранители на всех щитах полигона, всё пошло прахом. Эта история окончилась гибелью мощной подстанции, питавшей собственно полигон, лабораторию, главный корпус и небольшой кампус, в котором жили учёные и обслуживающий персонал нашего филиала. Но крах эксперимента был и его удачей. Дело в том, что подстанция сгорела именно из-за правильности наших с Юсей расчётов. Энергия, поддерживающая «сопротивление» континуума, выделилась.

Обратный удар последовал сразу за включением установки. Питание снаружи отключилось, но установка продолжала работать за счёт энергии, выделяемой каналом (Юся зовёт его линзой) переброски, который держался ещё две секунды после того, как приборы зафиксировали перемещение объекта.

Чудовищное самоуправство Юси, который в последний момент влез в установку со своими очумелыми ручками, стоило мне бесконечно долгих секунд прощания с жизнью. Я понял, что вновь дошёл до предела.

Впервые такого предела я достиг пять лет назад, во время довольно странных и антинаучных приключений, когда мы с Юсей обрели друг друга и семью. Но полгода на острове Понпеи в Микронезии смягчили мой тяжёлый подростковый нрав, мы жили в своё удовольствие, не думая ни о чём, и Лэйла со Змеем, наши приёмные родители, тоже не знали с нами проблем. Мы с Юсей жадно учились, закончили экстерном школу и готовились поступать в лучший технический вуз мира — Массачусетский университет.

Так далеко мы собирались уехать ещё и по той причине, что Лэйла, наконец, забеременела, и у неё со Змеем должен был появиться свой собственный ребёнок. Любовь к родичам, как говорят в России, прямо пропорциональна расстоянию до них, поэтому мы с Юсей решили остаться любимыми детьми на расстоянии, чем докучливой обузой под боком. Расчёты оказались верными: Змей звонил едва ли не каждый уик-энд и требовал подробных отчётов о наших успехах (он терпеть не мог электронную почту). Лэйла, едва родила, засыпала нас фотографиями нашей сестры Виктории (это она в честь нашей уральской соседки назвала). Красоты новорожденных младенцев мы не понимали, но на каникулах, подержав кроху на руках, исполнились неподдельной нежности к сестре, пусть и неродной.

Учёба нас затянула очень сильно, но Юся больше налегал на экспериментальную физику, а я — на теоретическую. Перспективы мы перед собой видели разные, и трудно было предположить, чем же мы будем заниматься в будущем.

И вот оно, будущее. Новенькая, специально для проекта отведённая лаборатория, опытная модель телепортирующего устройства, которому мы даже названия придумать не успели. Вернее, устройство ничего не телепортировать не будет. Оно только откроет портал, через который мы переместим макрообъект (шарик для пинг-понга) из точки А в точку В.

После первого взрыва мы договорились во всём следовать плану, и я, чего греха таить, купился. Юся прекрасно умеет усыплять внимание. Он соглашается, подсказывает, как легче

реализовать ту или иную задумку, всем вокруг говорит, какой молодец его брат, а под конец наносит предательский удар в спину, говоря, что всё надо делать не так, а вовсе даже наоборот.

Вот и сейчас Юся предложил снова изменить ход эксперимента, буквально перед самым его началом.

— Смотри, — сказал он, и открыл фальшпанель, за которой прятались все электронные схемы и блоки устройства: — Вот тут мы меняем полярность, этот блок становится ненужным, там добавляем сопротивление, диапазон частот увеличится, и всё пойдёт, как по маслу. И вот ещё, Саймон специально эту плату сделал, если в том месте перегорит.

Разумеется, я тут же разозлился (в последнее время это происходит всё чаще и чаще):

— Ты рехнулся?! Ты помнишь, что в прошлый раз было? И ты какими-то незначительными переменами хочешь компенсировать выброс?

— Егор, ты не понимаешь! — и Юся затянул свою любимую песню про заговор, про какого-то «крота-саботажника», который специально подослан, чтобы сорвать эксперимент.

— Окунись в алебастр! — рявкнул я (это единственное ругательство, которое я себе позволяю, и которое доходит до Юси). — Никаких блоков, никаких плат, никаких шпионов. А Саймону я ещё хвост накручу, за то, что он за моей спиной с тобой шепчется.

Обычно с алебастром хорошо доходит, Юся знает, что это уже предел. Однако нынче, видимо, шлея крепко попала ему под хвост.

— Да я всё просчитал, вот, посмотри, — он протянул мне свой карманный компьютер, — я же специально тебе схему подсказывал, чтобы лишние детали казались важными, и именно их надо было испортить. Я и программу писал, чтобы...

— Юся, нет, — сказал я.

КПК в его руке зазвонил, но Юся в сердцах швырнул его об пол, только брызги в разные стороны.

— Я тебя подводил когда-то? — завёл он свою старую песню. Знает, что подвёл, но так же знает, что я ему никогда об этом не напомню.

В девяносто девятом по вине Юси — хотя он и не мог предположить, что так получится — погибли люди. Много людей. Больше десяти тысяч. Мы не говорили с ним на эту тему никогда, и я знаю, что где-то в глубине души Юся очень сожалеет о своём необдуманном поступке. Я верю в его интуицию, но рисковать жизнями людей мне по вполне понятным причинам не хочется.

— Никаких изменений, — повторил я.

— Ну почему, всё ведь в рамках эксперимента, даже заземление получится, если излишек образуется.

— Не испытывай моё терпение. Мы всё сделаем, как задумали раньше. Если всё пойдёт, как надо, следующий этап будет полностью твой.

— Да я что, из конца-то в конец, для себя прошу, что ли? Пойми — если эта сволочь опять умудрилась влезть в систему, она опять чего-нибудь напортачила. Я в прошлый раз затем и переделал всё, чтобы беды не вышло. Если мы сейчас не внесём изменений, может обойтись не только взрывом, но и трупами, понимаешь? Егор! Мы ведь скакнуть можем вообще до Нобеля! Ты автор идеи, я её только реализовывал, ни слова не скажу против! Разреши мне сделать по-своему, ну, признай, что я прав, до того, как я окажусь прав!

Теперь мобильник зазвонил у меня. Я его швырять не стал, просто отключил.

— В чём проблема? В следующий раз, по-твоему сделаем, но сейчас не надо всё портить, пускай хоть раз эксперимент пройдёт в запланированном режиме.

— Предчувствие у меня, понимаешь? Пред-чув-стви-е, русским языком говорю! Мы до сих пор живы исключительно из-за него. Ты же всегда в него верил, чего сейчас ерепенишься?

— И сейчас верю. Но технике безопасности я верю больше, она старше тебя.

То, что сказал дальше Юся, я повторять не буду. Это было очень сильно и очень обидно. Ответить мне было нечем, поэтому я расколотил клавиатуру ближайшего компьютера. Монитор, об который я тюкнул несчастный кейборд, покачнулся и упал на пол. Корпус его треснул, хорошо ещё, что электронно-лучевая трубка выдержала.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это — война? — прищурился Юся.

Часть первая. Эпизод 5

— Да хрена с два, — сказал Том прямо перед телекамерами.

— Прости? — Барбара сделала вид, что не расслышала.

— Я сказал: хрена с два ты выиграешь, — повторил Том.

— Это что — вызов?

— Хрена с два это вызов, я констатирую факт.

— Правильно говорить: констатирую.

— Не поправляй меня, я всю жизнь на этом языке говорю!

Репортёры веселились. Скандал всё же случился, хотя и не совсем тот, который им обещали агенты сладкой парочки. Молодожёны, самому молодому из которых было сорок шесть лет, едва не подрались, решая, кто из них победит в финальной игре.

Генри и Льюис были раздавлены в самые первые минуты интервью. Они ожидали увидеть драку и семейную лодку, разбившуюся о скалу нерушимых правил чемпионата. Но всё оказалось не совсем так, как они ожидали.

Барбара с Брайдером наотрез отказались разводиться и покидать чемпионат.

— Вы понимаете, что все правила этому противоречат? — спросил Льюис. — Вас вышвырнут из зала ещё до начала игры.

— Почему?

Льюис поморщился — как можно что-то не понять?

— Вы будете подыгрывать друг другу, — объяснил он. — Это же очевидно — два миллиона в любом случае достанутся вам обоим, кто бы ни выиграл.

— А если мы откажемся от денег?

— Как это — откажемся? — опешил стоящий рядом Генри.

Репортёры уже снимали, и на лицах телевизионщиков читался неподдельный интерес.

— Запись уже идёт, да? — уточнила Барбара, глядя в камеру. — Я... то есть мы с Томом обращаемся к организаторам чемпионата с просьбой разрешить нам участвовать в финале. В случае победы одного из нас обязуемся перечислить выигранные деньги на благотворительные цели.

— Эй-эй, госпожа Кравец, я пока что ваш агент, — попытался вмешаться Льюис.

— Вы уволены, Джонатан.

— Вы не можете так поступить со мной, Барбара! Погодите, давайте договоримся, я...

— Вот чек, можете обналичивать. Прощайте.

Льюис принял чек, но продолжал стоять на месте. Он не верил, что это произошло именно с ним. Вот так, легко и просто — уволен?

— Миссис Кравец... или миссис Брайдер? — спросил репортёр.

— Просто Барбара.

— Барбара, как вы оцениваете ваши шансы в предстоящей игре?

— Томас хороший игрок, но, думаю...

— Простите, но кроме вас играют ещё двое...

— Мне кажется, это уже неважно. Уверена, что эта игра будет моей.

Вот тут Том, до сих пор абсолютно безразличный к происходящему, будто проснулся, и, как бы, между прочим, вставил:

— Хрена с два...

Далее прямо перед камерами разгорелся семейный скандал, едва не завершившийся дракой. Всё это походило на делёж шкуры неубитого медведя, и бог весть, каких ещё слов наслушались

бы телезрители в вечерних новостях, если бы не появился представитель оргкомитета соревнований и не привёз документ, позволяющий супругам участвовать в финальной игре (при условии отказа от выигрыша). Супруги примирились, был подписан контракт, и все разошлись.

Супруги остались наедине.

— Ну, как? — спросил Том.

— Отлично!

— Ты уверена?

— Майор, я себя чувствую на семнадцать лет!

— Младше?

— Хамло. Я чувствую себя вообще на семнадцать лет!

— Осторожней с выражениями. Если кто услышит — мне припаяют совращение несовершеннолетних.

— Усохни.

Игра была напряжённой, несколько телеканалов транслировали финал в прямом эфире. Основными соперниками сразу стали Барбара и Том. Казалось, что играют только они вдвоём. Зло, ожесточённо, будто они и не муж и жена вовсе, а заклятые враги.

Комментаторы тут же разделились во мнениях: одни были в восторге от Брайдера, другие души не чаяли в Барбаре.

— Такого у нас ещё не было! Смотрите, кажется, они сейчас бросят карты и устроят мордобой!

— Хочу напомнить зрителям, что кто бы из этих двоих не выиграл, они не получают ни цента из призового фонда. Согласно контракту, два миллиона долларов уйдут в благотворительные организации. Разумеется, если выиграют эти двое. Но, кажется, сомнений в этом ни у кого нет.

— Говорят, букмекерские конторы сейчас осаждаются тысячами болельщиков. Вы на кого-нибудь поставили?

— На Барбару. А вы?

— А я на Брайдера. Надеюсь, он меня не подведёт.

— На Брайдера? Вы, как я погляжу, не любите рисковать.

— Вы совершенно правы: один к пяти, что победит Томас. Смотрите, он опять выигрывает! Плакали ваши денежки!

— Ну, нет, я верю в эту женщину.

На официальных и подпольных тотализаторах ставки и впрямь были от одного к пяти до одного к семи. Болельщики ревели и стонали после каждой взятки. Соперники Барбары и Тома теперь только пасовали, потому что понимали — быть героями сегодняшнего вечера им уже не суждено.

В это время служба безопасности оргкомитета вела собственное расследование. Сыщики прошерстили всех букмекеров Вегаса, и нашли-таки место, в котором оба фигуранта сделали ставки. Находка службу безопасности поставила в тупик.

И Барбара, и Том сделали ставки. Правилами это не запрещалось, если сумма выигрыша не будет превышать призового фонда.

Ставки были таковы: тысячу Барбара ставила на себя, и пять тысяч ставил Том.

Идиотизм какой-то. В чём хитрость? Неужели они и впрямь играют по-честному? Вот так просто отказываются от двух миллионов? Просто чтобы выяснить, кто лучше играет?

— Они чисты, — доложил начальник службы безопасности боссу.

— Невероятно, — сказал босс. — Ловкие сукины дети. Ладно, будем надеяться, что мы никогда не узнаем, в чём подвох.

— Сэр, всё! — сообщила по селектору секретарша. Казалось, она была счастлива.

— Эмма, на кого вы поставили?

— Конечно, на Барбару! Она такая душка!

— Окей, игра была честной, старуха заслужила свой диплом.

— Она не старуха, сэр.

— Ей шестьдесят пять.

— В таком случае вы — старый хрыч. Вам шестьдесят шесть послезавтра исполняется.

— Принято, Эмма, — рассмеялся босс. — Идёмте и наградим эту старую гримзу.

Публика напоминала разбушевавшийся океан. Триумф Барбары, женщины, отказавшейся от двух миллионов долларов ради спортивного интереса, стал триумфом миллионов домохозяек, коротавших свои вечера за покером по дайму за игру.

Как ни странно, все соперники тоже радовались за Барбару.

Том — потому что Барбара выиграла честно. Остальные двое — потому что Барбара объявила, что более в чемпионате принимать участия не будет.

Часть первая. Эпизод 6

Примерно в это же время все сотрудники проекта «Порт» дружно отмечали день рождения братьев Кругловых. Даже Дональд явился, хотя все были уверены, что после взрыва в лаборатории Дарк если не уволит близнецов, так уволится сам, настолько они его достали.

Но дела оказались не так плохи. Интуиция Джулиуса и тут не подвела. По его просьбе Саймон, механик и системотехник проекта, который, собственно, и приволок в лабораторию всю электротехнику для отвода лишней энергии, подключил все камеры и датчики напрямую к серверу Центра, и данные поступали непосредственно в базу данных проекта. Как только пошла перегрузка электросети, сработала защита, полностью отрубавшая лабораторию от сети всего Центра. Большинство данных, полученных во время злополучного эксперимента, сохранились, и братья в который раз вышли победителями, разве что лабораторию с дорогостоящей аппаратурой разнесли в хлам.

— А теперь — главный сюрприз нашего праздника, — объявил Дарк, постучав вилкой по бокалу. — Торт!

Только что закончился конкурс на самый странный закидон, в котором выиграл Раджеш Нараян, математик-прикладник — он не мог пить в женской компании. Вот и сейчас он сидел трезвый, как бык, и ожидал торта.

Заиграла музыка, и в зал вкатили огромный торт, из которых на мальчишниках обычно выпрыгивают полуголые красавицы.

Ожидания не обманули публику. Рейчел, младшая сотрудница проекта, дама сорока лет, состоящая, казалось, из одних складок и сжатого в куриную гузку рта, выпорхнула из торта в одном бикини, держа в руках большой конверт.

Народ завизжал от восторга, и даже братья, смущённые незаслуженным праздником, присвистнули от удивления.

— Вау, Рейчел, ты вся как торт! — похвалил помощницу Дональд, и принял из её рук конверт.

— Итак, вследствие разрушения нашими безумными гениями лаборатории, дирекция нашего замечательного Центра решила с завтрашнего дня отправить всю нашу лабораторию отбывать наказание в ссылку. И это... — Даглас извлёк из конверта веер авиабилетов. — ЭТО ГАВАЙИ!

Все загалдели, захлопали в ладоши, Рейчел состроила распутное лицо и томно произнесла: «Мальчики, я вся ваша!» Радовались все так, будто уже прилетели на Гавайи. Джордж и Джулиус виновато улыбались, принимая поздравления.

Праздник закончился далеко за полночь, народ разбредался каждый в свою сторону — кто спать, кто продолжать веселье. За Рейчел приехал муж, они вызвались подвезти Дагласа до дома.

— А почему на Гавайи? — спросила Рейчел, обернувшись к шефу с переднего сиденья.

— Нам нужно обработать все данные и представить руководству готовый отчёт по проекту.

— Невероятно. Опять Гумилёв чудит, да?

— Это не наше дело. Днём будем работать, вечером — дружно отдыхать. Под нас уже заказан маленький отель.

Разговор с инвестором состоялся на днях.

Близнецы, конечно, дали жизни. Разбабахать такой научный центр — это они с размахом, фундаментально решили вопрос с реконструкцией здания, давным-давно стоящий перед дирекцией.

Надо что-то решать, иначе доля гумилёвской компании в корпорации «Light Year Inc.» может и уменьшиться, а другой такой площадки в мире нет, если не считать индийский «Банголор»... но, по соображениям безопасности, Андрей предпочитал пока что Соединённые Штаты.

Бюджет проекта не резиновый. Андрей мог выделить ещё максимум пять миллионов — в ущерб будущему проекту. Хотя... А почему не развернуть новый проект там же, не срывая с места Дагласа и его команду? В конце концов, терраформирование можно плотно завязать на внепространственные коммуникации.

Андрей позвонил Дарку, и в ответ на его горькие жалобы на русских гениев, сказал:

— Я знаю, как разрешить наши маленькие проблемы. Сниму для вашей команды отель, и вы там друженько обработаете всю информацию, пока я разгребаю наши авгиевы конюшни. У русских это называется «творческий отпуск».

— Вы серьёзно?

— Когда я шутил?

— Вы, русские, постоянно шутите. У вас самые неулыбчивые в мире физиономии, но шутите вы постоянно, это я знаю давно и навсегда.

— В данной ситуации нам всем не до шуток, вы не находите? Я не могу начать новый проект, пока не выйдет на финишную прямую старый.

Даглас немедленно взял себя в руки.

— Да, сэр, я весь внимание.

— Вам хватит месяца подготовить детальный отчёт о ходе эксперимента и о результатах проекта в целом?

— Я бы попросил буфер в одну неделю.

— Я даю вам шесть недель общего срока. Надеюсь, успехов у нас больше, чем катастроф.

— Если вы о перспективах...

— Я всегда говорю о перспективах. Вы читали Кэрролла?

— Безусловно.

— Помните слова Чёрной королевы о том, что приходится бежать изо всех сил, чтобы только остаться на одном месте?

— А чтобы попасть куда-то, нужно бежать в два раза быстрее?

— Именно. Время — наш главный враг. И мы должны опережать его на два шага минимум. Промедление смерти подобно.

— В общем, чем скорее закончим, тем скорее займёмся новым проектом. В новое дело беру всех, кроме близнецов.

— Надеюсь, на Гавайях обойдётся без взрывов? — пошутила Рейчел.

— На Гавайях будет очень хорошо, — пообещал Дарк. — У меня для всех вас ещё маленький сюрприз, но говорить о нём не буду.

Автомобиль остановился, Даглас поблагодарил Рейчел и её мужа, и вышел на улицу. Окна в доме были тёмные, значит, Люси уже спала.

Дарк открыл дверь, разулся, и на цыпочках прошёл в спальню. Дыхание жены было глубоким и ровным. Даглас поцеловал её в висок и отправился в свой кабинет.

Здесь он включил компьютер и снова принялся читать отчёт.

Даглас не рассказал Рейчел, что разговор с инвестором начался совсем с иного.

— Сэр, мне кажется, что проект кто-то хочет уничтожить.

— Очень интересно, Даглас, продолжайте.

Отчёт Саймона О'Коннора был короток и прост, и выводы системотехник делал неутешительные.

В команде завёлся «крот». Настоящий замаскированный враг, целью которого было уничтожение проекта. Во внутренней сети «Порта» нашлись следы вредоносных вирусов, которые оба раза срывали эксперимент, подменяя значения основных параметров энергоснабжения.

— Это теория заговора какая-то!

— Вы не верите в заговор?

— Сэр, это, простите, совсем уже...

— Даглас, послушайте меня. Все со всеми договариваются, все ищут способов обойти закон, либо использовать закон в корыстных целях. Всегда были, есть и будут закрытые клубы различной степени влиятельности. Эти клубы иногда борются за сферы влияния, иногда объединяются, иногда распадаются. Большей частью они представляют клубы производственных магнатов и магнатов энергетических. С ними в связке идут магнаты мультимедийные, потому что массовые коммуникации не могут развиваться без денег, а продажи увеличиваются за счёт массовых коммуникаций.

Время от времени происходит смена клуба. Это зависит от технологических новшеств, упрощающих получение прибыли. Всякий раз подобная смена парадигмы влечёт за собой экономический кризис, который, в свою очередь, влечёт смену клуба, контролирующего мировую экономику. Думаю, вы и сами можете мне сказать, какая технология постепенно захватывает мир.

— Телекоммуникации?

— Именно. Это не только средство, облегчающее логистику. Мы входим в постиндустриальную эру, когда больше ценится не продукт, а услуга. Очень скоро всё человечество накроет глобальная сеть, в которой максимально облегчится коммуникация, вплоть до мгновенной передачи эмоции на тысячу километров.

— Что-то страшное вы рисуете.

— Отнюдь. Согласитесь, человеку от жизни нужно немного — новизна ощущений, понимание и нежность.

— А еда? А одежда?

— Посмотрите на современных молодых людей. Мы проводили мониторинг — большинство из них, возвращаясь домой, прилипают к экранам мониторов, и практически не обращают внимания на вкус еды, которую они поглощают. Они мыслят локациями: коммуникация с преподавателями или коллегами — пропуск в сознании — коммуникация с родителями или детьми — пропуск в сознании — коммуникация с друзьями — пропуск в сознании — коммуникация с масс-медиа. Вспомните себя. Вы чётко помните то, как вернулись домой?

— Э... На такси.

— На каком? Цвет обивки кресел, музыка, игравшая в салоне, как выглядел водитель, пейзаж за окном?

Даглас задумался. Нет, ничего подобного он не помнил, вернее, воспоминания были, но где-то на периферии сознания.

— По вашему молчанию слышу, что вы понимаете, о чём я говорю, — сказал Гумилёв. — Это особенность человеческой психики — запоминать то, что может быть связано с коммуникацией. Вы едите хлеб? — задал он неожиданный вопрос.

— Очень редко, — растерялся Дарк. — А какое это имеет?..

— Самое прямое. Вы ведь сами спрашивали о еде. Хлеб — это еда, богатая клетчаткой, он разбухает в желудке и придаёт ощущение сытости, это дополнительные калории при скудном рационе. Сейчас есть множество дешёвых калорийных продуктов, достаточно вкусных и содержащих суточные дозы витаминов, белков, жиров и углеводов. Разумеется, когда вас ничего не отвлекает, вы будете обращать внимание на вкус, свежесть и способ приготовления еды. Но когда ваше внимание сосредоточено на коммуникации, рецепторы работают уже не так чётко. Вы попросту не обращаете внимания на вкус еды. Таким образом, вопрос питания в будущем энергетическом веке сведётся к пилюле. Я даже не исключаю возможности эволюции человека в энергетическое существо, бестелесное, которому не нужна будет пища.

— Это отвратительно.

— Вот видите! Вам противно то новое, о чём я говорю. Это нормально. Так же и мировой закулисье в её теперешнем состоянии претит будущее, в котором ей не будет места.

— Простите, но ведь это неминуемая стагнация. Человек перестанет к чему-то стремиться...

— И вот тут мы с вами пришли к самому главному. Вы работаете над проектом, который обеспечивает бесконечное развитие для человечества. Развитие в космос. Создание новых миров. Космические трассы на многие миллионы световых лет.

— Космонавтика?

— Космонавтика — это лишь локальное развитие. Мгновенное перемещение в пространстве, нуль-транспортировка, трансгрессия — вот что даст мощный толчок к развитию человечества, которое уже начало хиреть на нашем шарике. Согласитесь: сейчас всех интересуют только деньги и гаджеты, плюс — в какой стране ты провёл отпуск.

У Дарка голова закружилась. Гумилёв казался ему сумасшедшим — и одновременно гением.

Конечно, то, что он верит в заговор — это полный бред.

Но что этот бред оказался реальностью — ещё больший бред. Гумилёв обещал разобраться с возникшими трудностями, но Даглас чувствовал, что разбираться придётся самому.

О'Коннор писал, что по фрагментам кода не может определить, какими именно программистами разработан вирус-саботажник, но работал явно не новичок.

Фрагменты прилагались.

И что-то в этих цепочках алгоритмов казалось Дагласу знакомым. Что-то из молодости, когда Люси ещё ходила на своих ногах, и они вместе работали на Пентагон.

«Лаборатория уходит из зоны прямого контакта. Миссия под угрозой срыва. Дарк может догадаться. Требуется вмешательство группы зачистки».

Чен перечитал донесение. Он был абсолютно спокоен. Вряд ли Дарк догадается, что враг у него практически под боком. Конечно, весьма печально, что теперь целью китайской разведки стал именно Даглас, до сих пор служивший таким удобным прикрытием для операций Чена. Однако нынешняя миссия сулила невообразимые перспективы для изысканий самого Чена.

Встреча с китайским резидентом прошла полгода назад. Резидент передал Чену пакет с информацией и предложил работу. Целью КНР были изыскания американцев в области телепортации.

— Телепортация? — улыбнулся Чен. — Это же пустая трата ресурсов. Китай собирается вложить деньги в заведомую пустышку? Господин заместитель, я кое-что понимаю в технологиях, уверяю вас, это уловка американцев, чтобы выявить иностранные резидентуры.

— Поэтому мы и не используем наших людей, а предлагаем эту работу вам, как, так сказать, частному предпринимателю. Но у нас есть все основания полагать, что это абсолютно реальная разработка, в которой активное участие принимают русские.

— А вы, как завещал великий Мао, решили воспользоваться попутным ветром?

— Все эти лозунги Мао про ветер перемен, стену и мельницу — лишь красивые слова. Сам-то он перемен точно не терпел. Нас ждут великие потрясения из-за великих знаний. Вы слышали о волнах Кондратьева?

Чен слышал.

— Тогда вы знаете, что любая технологическая революция неминуемо приводит к экономическому кризису. Меняются производительные силы, меняются люди, меняются государства. Кризис грядёт, это я вам могу сказать уже сейчас. Он будет связан с информационными технологиями, с этой дурацкой компьютерной сетью, которую я терплю только за картинки с голыми бабами. Если Кругловы успеют поставить на поток свою адскую машину перемещений, всё будет ещё хуже.

— Но ведь ваша экономика сейчас интенсивно развивается, вы легко переживёте кризис.

— Следует ли мне понимать это, как отказ от сотрудничества?

Чен сказал:

— Я, верно, понимаю, что если я откажусь, вы всё равно найдёте людей, которые сделают это для вас?

— У нас есть варианты.

— Вас устраивают расценки моей организации?

— Мы даже удвоим гонорар, если технология и впрямь окажется не пустышкой.

Они ударили по рукам.

Чен сливал китайскому правительству информацию по проекту, но не всю. Сливки он оставлял себе. Целью Чена было эти исследования, по меньшей мере, затормозить, а при благоприятных обстоятельствах — вообще прекратить. Разумеется, заполучив сначала все данные по проекту.

Он не боялся мести китайской разведки. Стремление амбициозного азиата контролировать все высокотехнологические исследования в мире, наконец, начало приносить плоды. «Порт» был первой крупной удачей Чена.

Того, что открыли братья Кругловы, достаточно было, чтобы получить неограниченную власть над ведущими экономиками мира. Логистика, транспорт, энергетические ресурсы — всё

становилось ненужным. И власть эта может оказаться в руках Чена.

В том числе — власть над Китаем, который сейчас финансирует и формально контролирует миссию.

Миссия вовсе не была под угрозой срыва — она была завершена. Но группа зачистки всё же требовалась.

Это будет серьёзная потеря для мировой науки.

Часть первая. Эпизод 8

Левый

Говорил в основном Юся. Я опять не выспался, и как бы приятно мне не было видеть Виксу на мониторе, глухое раздражение на брата, вскочившего ни свет, ни заря, мешало расслабиться. Тем более взрыва в лаборатории я ему ещё не простил.

— Вы где шатаетесь?! — возмущалась Вика. — Я смотрю, а вас всё нет и нет в сети, испереживалась вся.

— А что случилось?

— Специально ведь не звонила по уральскому времени, хотела по вашему, американскому, первая поздравить... Вы, где были?

— Виски пьянствовали.

— Я не поняла: вы с кем сейчас разговариваете?

— Шутка. День рождения отмечали. Слушай, а чего такая связь хорошая? У вас широкополосный интернет появился, что ли?

— Юся, ты хоть иногда письма читаешь, которые я вам пишу? Мы с мамой уже день как в Турции.

— Как вас угораздило?

— Повторяю для особо внимательных: я досрочно все экзамены сдала, ещё в марте, папа нам с мамой за это подарок сделал. Кстати, скоро сюда ваши должны прилететь.

— Вот тихушники, нам ничего не сказали.

Я вздохнул: Лэйла писала об этом десять дней назад, но Юся был слишком занят поисками шпиона, поэтому прочитал письмо из дома невнимательно.

— Мальчики, может, тоже прилетите? Мы тут соскучились уже все давно.

Не знаю, как Юся, а я тоже скучал. Очень хотелось увидеть Виксу не через заторможенный и нестабильный видеосигнал, а живьём. Последний раз живьём мы общались перед нашим отъездом за бугор. Она всё ещё была маленькой девочкой, всего-то двенадцать лет. Я тогда даже не знал, что влюблюсь в неё однажды по самые уши.

Конечно, она присылала нам свои фотки, мы регулярно созванивались, и даже год назад отослали Вике современный лэптоп со встроенной веб-камерой, чтобы устраивать «сеансы космической связи». Но это было не то. Я хотел вживую убедиться, что она стала именно такой, какой выглядела на фотографиях.

— Извини, Вика, не можем. У нас творческая командировка на Гавайи.

— Мне кажется, вас обманули. На Гавайях люди отдыхают!

— А мы вот работать едем, потому, как за полноценных людей не считаемся. Знаешь, какое определение человеку дал Аристотель?

— Двуногое без перьев.

— Умница.

— Но вы ведь тоже двуногие.

— Это формализм. Нам тут предлагают шашку — сняться на российский герб. Егор будет на восток смотреть, а я — на загнивающий запад.

— Трепло ты! — засмеялась Вика. — Егор, а ты чего молчишь?

— Он вчера перебрал немного, — ответил за меня Юся.

— Юся, я тебе при встрече нос сломаю! Егор, чего ты молчишь?

— Я ещё не проснулся, у нас шесть утра, — проворчал я, тронутый, однако, вниманием к моей персоне. Юсе я показал кулак.

— А чего вы так рано поднялись? — спросила Викса.

— Самолёт через четыре часа, надо успеть шмотки собрать, себя в порядок привести, вот, с тобой ещё поговорить хотели.

«Хотели», как же. Я вчера ночью предлагал связаться, так нет — не могу, спать хочу. Будто нарочно.

— Так вы что, серьёзно, что ли, на Гавайи летите?

— Когда мы тебя обманывали?

— Да сплошь и рядом. Вон, Егор в прошлый раз сказал, что вы лабораторию взорвали.

— Что?! — Юся сурово посмотрел на меня.

— Ты спал в это время, после процедур...

— Я тебе это припомню, — пообещал он, а сам опять осклабился Виксе: — Это он тебя обманул, там не лаборатория была, а небольшой город. Ты мне вот что скажи: твоё намерение стать сыщицей ещё не истаяло? Ты не передумала в Омск уезжать?

— Мне кажется, ты сегодня делаешь всё, чтобы вывести меня из душевного равновесия. Я в позапрошлом году решила туда поступать. Сам знаешь — я, если что решила, не отступлю. Секция каратэ, пять километров ежедневно с ускорением...

— Драмкружок, кружок по фото, а мне ещё и петь охота...

— Тебе не учёным быть, а диктором на радио, язык без костей. Это высшая школа милиции, между прочим.

— Не сердись. Честное слово — восхищаемся!

— Тебе всегда надо мной смешно!

— Что поделать, такой уродился...

— Это ты кому-нибудь другому рассказывай, я-то знаю, какой ты уродился, — язвительно заметила Викса.

Честное слово, противно слушать, как они друг друга подкалывают. На языке нормальных людей это называется «ревность». Как это называлось в нашем случае — я не знал. Глупо ревновать брата, такого же уродца, как и я сам, к такой красавице, которой стала Викса. Что я могу знать о её жизни там, в уральских Понпеях? Может, у неё давно уже молодой человек имеется, и даже не один. Нормальный, двуногий, и без перьев, которого не приглашают фотографироваться на российский герб.

Я не стал больше терпеть этих мыслей, что всегда роятся в голове, когда мы разговариваем с Виксой, и выдернул шнур из сети.

Компьютер потух.

— Ты чего? — возмутился Юся.

— Ничего. Давай собираться, скоро такси приедет.

Юся немного поворчал, но спорить не стал. У нас и впрямь конь не валялся, надо было собирать чемоданы. А Виксе мы в следующий раз что-нибудь со врем.

Полтора часа у нас ушло на сборы, душ мы для бодрости принять не успевали. Юся обиженно молчал. Я чувствовал себя виноватым, надо будет извиниться.

Такси приехало за час до начала регистрации. Водитель-индус по-английски говорил плохо, так что багаж нам вынес консьерж, он же уложил чемоданы в багажник.

— Спасибо, Ди-Джей, без вас бы мы совсем пропали, — сказал Юся.

— Надолго улетаєте?

— На месяц.

— Корреспонденцию пересылать, или оставлять в ящике?

— Оставляйте.

Мне хотелось добавить: будь вежливым, как носорог, и чистеньким, как хрюшка, тогда куплю тебе пирог и поцелую в ушко, но, думаю, Ди-Джей эту шутку бы не оценил, тем более что на левой мочке он носил клипсу с фальшивым бриллиантом (видимо, прокалывать боялся).

Мы уселись на заднее сиденье такси, двигатель завёлся и машина поехала.

Поехала куда-то не туда.

— Не понял, — возмутился Юся, когда мы выехали на мост Сан-Франциско-Окленд Бэй. — Ау! Нам в аэропорт надо! Руси-хинди, бхай-бхай? — постучал он в стекло водителю.

Водитель в чалме обернулся, добродушно заулыбался белыми зубами, покивал — и продолжал гнать вперёд.

— Вот гадёныш! — Юся обернулся ко мне в поисках поддержки.

Не сговариваясь, мы начали молотить кулаками в стекло, отделявшее нас от индуса.

— Останови, сволочь, мы вызовем полицию!

Индус опять обернулся, открыл нешироко окошечко, будто хотел лучше нас расслышать, и с той же белозубой улыбкой прыснул нам из баллончика какой-то гадости, пахнувшей сиренью. Окошечко тут же закрылось.

Такого мы уже никак не могли ожидать. Будто по команде, мы глубоко вдохнули, чтобы задержать дыхание, и, естественно, полной грудью заглотнули этой гадости. Юся сидел ближе к двери, и ему достало воли и ума, чтобы ухватиться за ручку стеклоподъёмника и попытаться провентилировать салон.

Увы, стекло не опускалось. И двери тоже были заблокированы.

Тут нам и кирдык настал, понял я. Ко всякого рода анестезиям у нас была аллергия. У Юси глаза уже закатились, и я тоже чувствовал, что начинаю задыхаться, а всё тело чешется, будто его крапивой настегали. Изображение поплыло, в ушах бухал молот. Потом я отключился.

Правый

Очнулись мы, судя по всему, часов через девять-двенадцать, потому что пустыня вокруг нас была вся красная от заходящего солнца, а небо на горизонте уже приобрело глубокий фиолетовый оттенок.

Кости жутко ломило — видимо, мы так и ехали всё это время в положении сидя. Разве что автомобиль сменился. Теперь это был какой-то пикап, и мы сидели в его кабине, а за рулём сидел мрачный латинос.

— Вы кто? — спросил Егор. Мне показалось, что он очухался немного раньше меня, и ждал, пока я приду в себя.

— Рон, — ответил латинос.

— Куда вы нас везёте, Рон?

— Куда просили — туда и везу.

— Кто просил?

— Откуда я знаю, кто? Вас, бухих, навалили мне на пересечении пятьдесят восьмой и пятнадцатой, сказали, что вам до Вегаса, заплатили, забросили вещички в кузов — и вот.

Рон кивнул на указатель. До Лас-Вегаса оставалось двадцать пять миль.

— Это что — Невада?

— Да, парень, самый центр. Пустыня Мохаве.

— Твою мать, вот тебе и слетали на Гавайи, — сказал я Егору, а потом снова обратился к водителю. — У вас тут связь мобильная есть?

— В Вегасе точно есть, а на этом перегоне — вряд ли.

Мы какое-то время тупо глазели в лобовое стекло, наблюдая, как тьма окутывает пустыню.

— Это не твои шутки? — спросил Егор.

— Ты с дуба рухнул? Когда я так шутил?! Может, это Дарк нас разыграть решил.

— Точно не ты?

— Зуб даю.

— Эй, парни, вы на каком языке говорите?

Всем интересно, на каком языке мы разговариваем. Будто знание, на каком языке говорит собеседник, автоматически даёт знание самого языка.

— На русском.

— A! Kagdila-spasiba-karrashow! — обрадовался латинос. — Я-то думал — чего это такие молодые с утра нагрузились? А вы, оказывается, русские.

Хотелось наглубить, но среди пустыни я не решился. Вот доберёмся до Лас-Вегаса — тогда и наглублю.

Сначала мы увидели зарево из-за гор, а потом пикап взобрался на самый гребень — и нам открылась долина, сплошь залитая разноцветными огнями.

— Твою мать... — сказали мы по-русски в один голос.

— Tvaу-umatt? — переспросил Рон. — Что это?

— Это «красиво» по-русски.

Латинос несколько раз с удовольствием повторил это слово. Егор с укором посмотрел на меня.

Рон высадил нас на окраине, рядом с каким-то недорогим отелем.

— «Визу» принимаете к оплате? Или лучше «Мастер кард»? — спросил я у портье.

Принимались к оплате обе карты, и я протянул «Визу».

Расплатившись за ночь, мы отправились в свой номер. Комнатка оказалась бедновата и грязновата, на три звезды отель никак не тянул, но постель была чистой, душевая работала, туалет тоже, доступ к сети имелся. Ладно, отдохнуть по-человечески пойдёт.

Мы рухнули на кровать, и я тут же начал звонить Дагласу. Я был почти уверен, что в Лас-Вегас нас сплавил именно он. Конечно, на кой хрен ему такие возмутители спокойствия. Почти сто человек в команде, легко обработают весь массив данных, выяснят, что там мешало работать нашей «линзе», мы в бумажной работе и впрямь лишние. По крайней мере — я.

Трубка Дагласа была вне зоны досягаемости, или отключена, как сказал автомат. Я раз двадцать пытался набрать Дарка, но всякий раз нарывался на вежливый автоматический голос.

Я бросил телефон, подцепил лэптоп к сети и просмотрел электронную почту. Помимо спама там нашлось письмо от Дагласа, датированное сегодняшним утром. Очевидно, он отправил его нам из аэропорта.

Письмо было коротким:

«Парни, извините за неудачную шутку. Отдохните недельку в Вегасе, разберёмся без вас.

Дональд Даглас.

P. S. — Люси никогда не чистит корзину».

В прикрепленном файле был номер брони в пятизвёздочном отеле в центре города.

Егор несколько раз перечитал постскриптум и недоумённо посмотрел на меня.

От нечего делать я заглянул на новостной сайт CNN — и мне стало плохо. Я начал кликать все ссылки подряд в поисках подробностей, но подробностей не было.

Егор, казалось, был спокоен, но по плотно сжатому рту и прищуренным глазам было понятно, что он потрясён.

Самолёт, совершавший рейс Сан-Франциско-Гонолулу потерял управление и рухнул в

Тихий океан, на полпути к месту назначения.

Это был наш рейс.

Спать мы не могли. После непродолжительного спора я всё же убедил Егора позвонить Люси. Не зря же её упомянул в своём письме Дарк.

Люси, услышав мой голос, разрыдалась. Терпеть не могу, когда женщины плачут, потому что абсолютно не умею их успокаивать. Узнав, что мы в Лас-Вегасе, она сказала, что немедленно вылетит к нам. Мы сказали, что не стоит беспокоиться — с её-то ногами — и обещали вернуться первым же рейсом во Фриско.

Часть первая. Эпизод 9

В отеле «Даймонд» игровой зал находился прямо в ресторане, помещение было поделено на зоны, но обедающие или ужинающие внимательно следили за играющими, а играющие поминутно глотали слюну, оглядываясь на жующих. Встреча была назначена именно здесь, в самом шумном зале Вегаса.

— Полмиллиона, согласитесь, больше, чем сто тысяч, — невинно улыбнулась Барбара.

— Вы правы, госпожа Кравец, — кивнул Льюис. — Операция получилась вполне в духе одиннадцати друзей Оушена.

— А вы ещё не верили, что вас не будут проверять.

— Признаюсь, вы оказались более глубоким психологом, чем я думал. Не хотите продолжить игровую карьеру?

— Спасибо, я получила всё, что хотела.

Операция и впрямь прошла гладко. Спектакль, разыгранный Барбарой, Майором и Льюисом перед телекамерами, проглотили все, даже Генри, который после лихого увольнения своего коллеги боялся Майору даже слово поперёк сказать.

Расчёт был простым: Брайдер и Барбара поставили на себя маленькие суммы, чтобы устроители чемпионата подумали, будто у «молодых» и впрямь только спортивный интерес. Пока служба безопасности искала ставки самих игроков, Льюис преспокойно сделал несколько крупных ставок у разных букмекеров. В результате все ставки оказались выигрышными, и получилось пять миллионов долларов на руки. По пятьсот тысяч получили Льюис и Генри (сам он поставил на Брайдера пятьдесят тысяч — и проиграл). Четыре миллиона кэшем достались Барбаре и Тому.

— Я одного не пойму: как вы умудрились обмануть судей? Никто даже не догадался, что Том вам подыгрывает.

— Майор, ты мне подыгрывал?

Брайдер сделал брови домиком:

— Я? Подыгрывал? Ничуть.

— Но как тогда... — не понял Льюис.

— Майор был недостаточно пьян в тот день, — объяснила Барбара агенту. — Он относится к тому типу людей, для которых выигрыш — не главное, они получают удовольствие от процесса. А у Тома удовольствие ассоциируется с лёгким забытьём. Во время игры он был почти трезв и пытался меня обыграть, не удовольствия ради, а именно ради победы. Так что все его ходы были слишком логичными, из-за чего он проиграл.

— Пятьдесят грамм «Джонни Уокера» — и я выиграю хоть в шахматы, — согласно кивнул Том.

Льюис недоверчиво посмотрел на молодожёнов.

— Мне кажется, вы немного с приветом оба, — сказал он, наконец.

— С приветом, не с приветом, а четыре миллиона имеем, — улыбнулась Барбара. — Спасибо, Льюис, с вами приятно было иметь дело.

— С вами тоже, госпожа Кравец. Моё предложение остаётся в силе. В нашем бизнесе вас может ждать большое будущее.

— Моё будущее уже в прошлом, — ответила она, и Льюис попрощался с молодожёнами.

Барбара и Майор остались сидеть друг напротив друга.

— Что? — спросил Том, оторвавшись от стейка.

— Я ничего не говорила, — улыбнулась Барбара.

— Но подумала!

— Мне уже нельзя посмотреть, как ты ешь?

— Не надо делать этого так.

— Как?

— Нежно.

— А хотел бы, чтобы я грубо так хлопнула тебя по спине и сказала: «Парень, ты круто жрёшь это мясо»?

— Женщины не должны так смотреть на мужчин.

— Почему?

— Ну... я в это время не могу о еде думать.

— Хорошо, я отвернусь.

Барбара отвернулась, а Брайдер вернулся к стейку. Но буквально через несколько мгновений бросил вилку.

— Это издевательство.

— Что опять?

— Сидит мужик, а женщина боится на него посмотреть. Чувствую себя каким-то сексистом.

— Тебе не кажется, что ты раскапризничался?

— Барби, я просто смущён.

— Если тебя это успокоит, я тоже не в своей тарелке.

— Разумеется, не в своей, ты всё время смотришь на мой стейк.

— Ты жаловался, что я смотрю на тебя.

— Ненавижу тебя.

Они немного помолчали.

— Окей, давай одновременно скажем, что нас смущает, и покончим с этой неловкой ситуацией, — сказал Том.

— На счёт три?

— Давай.

Том взял на себя отсчёт: вилкой по бокалу. Раз. Два. Три.

— Мы не пара, — сказали они хором.

— Чёрт... — чертыхнулись они тоже в один голос.

— Заткнись! — сказали они друг другу.

Это было уже слишком.

— Ненавижу тебя, — выпалил Брайдер, пока Барбара пыталась придумать что-нибудь, чтобы не говорить с Майором в унисон. — Ты мне все карты путаешь.

— Ты мне тоже.

— Так, хватит, мы ругаемся, будто муж и жена.

— Мы и есть муж и жена.

— Заткнись. Мы сейчас пойдём и попросим нас развести, иначе я не знаю, как терпеть твоё присутствие.

— Ты мне в сыновья годишься.

— Ты выше меня на голову.

— Ты храпишь ночью.

— А ты... ты... ненавижу тебя!

— Повторяешься.

— Не сердь меня, а то... тьфу, ну послушай, что мы несём! — расстроился Брайдер. — Так даже Лэйла со Змеем не сюсюкают.

— Кто?!

— Да так, есть у меня пара знакомая... Слушай, всё было действительно очень здорово, но так долго продолжаться не может. Давай так — мы сейчас встанем, разойдёмся, и больше не будем встречаться.

— Я прямо сейчас могу уйти.

— Сидеть. Ты представляешь, как я буду выглядеть: я жру стейк, а женщина уходит?

— Как ты будешь выглядеть?

— Или неудачником, или негодяем. Подожди, пока я доем.

— Так ты говоришь всё время.

— А ты смотришь!

— Не ори на меня!

В это время в зоне с блэк-джеком началась потасовка. Барбаре и Тому из-за толпы зевак, моментально окруживших место конфликта, ничего не было видно, но по крикам, доносящимся из эпицентра событий, можно было понять, что чересчур удачливых игроков обвиняют в мошенничестве. Барбара невольно отвлекалась на шум.

— Ты слышишь, что я тебе говорю? — спросил Майор.

— Что? — Барбара обернулась к нему.

— Я поел, говорю. Можем выметаться.

— За тебя заплатить?

— Как ты смеешь?! Эй! Да куда ты всё время смотришь?!

Барбара смотрела туда, где толпа расступалась перед охранниками и скрученными в бараний рог виновниками беспорядка.

Виновниками были её внучатые племянники.

— Не может быть, — открыл рот Майор. — Что здесь делают эти маленькие негодяи?

— Кто? Егор и Юся?

Трудно было понять, что больше удивило молодожёнов: присутствие в игровом зале людей, которых они не ожидали встретить, или то, что супруг тоже откуда-то их знает.

— Ты их знаешь? — хором спросили они друг у друга.

Сиамских близнецов, отчаянно ругающихся на русском, довели до выхода, где передали копам. Через минуту охранники вернулись.

— Мистер, — спросила Барбара у одного из них. — Кто эти... эти двое?

— Мошенники, мэм, — ответил он. — Их попросили по-хорошему выйти из-за стола, они полезли в бутылку. Теперь в участке поиграют.

Барбара вскочила из-за стола и побежала к выходу. Том, несколько обиженный таким пренебрежением, смотрел ей вслед. Будто почувствовав его взгляд, Барбара остановилась и обернулась на него. Потом спокойно вернулась к столику и спросила:

— Ты со мной?

Том сделал надменное лицо:

— Мы же, вроде, обо всём договорились.

Барбара молча развернулась и снова пошла к выходу.

Часть первая. Эпизод 10

Как близнецы оказались в Лас-Вегасе, не мог понять ни Чен, ни его люди. Проверка через базы данных аэропорта и финансовых операторов подтвердила донесение о том, что близнецы живы.

Это был неприятный сюрприз. Решаемый, но неприятный. Чен не привык, что цель, намеренно или случайно, уходит из-под удара.

— Чен, я не понимаю, как это произошло.

— Спокойно, Сильвер, это не твоя вина, за чистку отвечают другие люди.

Прямой канал с Сильвером случался крайне редко, только когда операции действительно грозила опасность. Однако сейчас Чен не склонен был разделять беспокойство агента.

А Сильверу не нравилось спокойствие босса.

— Чен, они очень умные, а мы уже допустили одну промашку. Надо действовать осторожнее.

— Сосредоточься на текущих задачах. Мне нужно, чтобы из закрытых баз Центра исчезла вся информация по эксперименту.

— Чен, ты меня слышишь? Они наверняка уже знают, что вся лаборатория кормит рыб, и попытаются скрыться. Может, мне лично разобраться с ними, пока они мне доверяют?

— Сильвер, не надо меня раздражать. Я прекрасно знаю, что делать. Конец связи.

Конечно, братья могут оказаться умнее, чем кажутся на первый взгляд. Требуется их обездвижить, чтобы не рыпались, пока за ними не приедет специальный человек.

Часть первая. Эпизод 11

Левый

Вернуться первым же рейсом не получалось. На обеих картах почему-то не осталось денег. Юся позвонил в банк, и там сказали, что транзакция прошла ночью, в Лас-Вегасе, и нечего валить с больной головы на здоровую. Если карточки при вас, мистер Круглов, никто кроме вас и не мог снять с них деньги. Куда вы спустили за ночь десять тысяч — понятия не имеем!

Потом мы сидели перед ноутбуком и недоумевали. Ночью кто-то пытался взломать наш брандмауэр, но защита была настроена отлично — никакой брешки ночные хакеры пробить не сумели.

Немного подумав, мы удалили все письма с почтового ящика, так и из памяти ноутбука. Всё важное мы и так помнили, а неважное может показаться важным для взломщиков. А Юся даже на всякий случай отформатировал.

— С нашего ноутбука сейчас в сеть выходить не стоит, — сказал я, прикинув и так, и этак. — Наверняка его теперь будут отслеживать, и попытаются взломать сразу онлайн.

— Да кому мы нужны?

— Видимо, кому-то нужны. Сам про саботаж все уши прожужжал.

— Ага, проняло?! — позлорадствовал Юся. — А говорил — нету шпионов, нету.

Я решил не вестись на провокацию и промолчать. Если подумать — глупо радоваться тому, что самые худшие твои предчувствия сбываются.

— И что сейчас делать? — спросил Юся примирительным тоном. — Вообще без доступа к информации оставаться?

— Почему? Меняем апартаменты.

В пятизвёздочном отеле терминал может быть прямо в люксе. На крайний случай, наверняка найдётся точка доступа в сеть в каком-нибудь бизнес-центре.

Нам повезло — в люксе имелось всё, что только душа пожелает, и всё это было оплачено. Я всегда говорил, что Дональд — отличный начальник.

Был...

Уже отсюда мы попытались связаться с Люси и попросить у неё помощи: купить нам обратные билеты. Однако она не брала трубку — не то не могла снять трубку, не то и впрямь решила лететь за нами сама. Собравшись с духом, мы позвонили в дирекцию Центра, но там с нами даже разговаривать не захотели.

Оставалось просить денег у Лэйлы и Змея. Честно говоря, не хотелось. Не потому, что это унижительно — как раз ничего унижительного в этом не было. Просто не хотелось напрягать близких людей. Собственно, поэтому мы и Виксе ничего не сообщили о том, в какой переплёт попали.

Чёрт, а вот ей-то надо было: она же знает, что мы собирались лететь в Гонолулу, наверняка переживает, узнав о крушении самолёта. Ладно, с ней потом свяжемся, а пока... что нам делать?

— А давай выиграем? — предложил Юся.

— Чего?

— Давай, говорю, выиграем тысячу долларов.

— Ты предлагаешь в рулетку играть?

— Не обязательно. Можно в карты сыграть.

— А если проиграем? У нас всего сто долларов.

— У меня чутьё, ты не забыл? Давай, поищем, какие в блэк-джеке правила.

Идея была дурацкая с самого начала, но, как ни странно, едва мы разобрались в этой игре, оказалось, всё не так страшно, и можно выходить на охоту. Терять нам всё равно было нечего, мы оделись поприличнее, и спустились в игровой зал.

Мы разменяли единственную нашу сотню на фишки, и отправились сначала к рулетке. Юся сказал, что надо на маленьких ставках опробовать его хваленую интуицию. И с первого раза выиграл десять баксов.

— Вау, это круто! — сказал он. — Мы не тем зарабатываем на жизнь. Крупье, ставлю ва-банк на zero!

Я даже пикнуть не успел, когда крупье сказал, что ставок больше нет.

Разумеется, выпало zero. Мы стали обладателями двухсот двадцати долларов. Не задумываясь, Юся опять поставил ва-банк, и опять выиграл, и наш выигрыш удвоился.

— Не дразни гусей, — шепнул я ему. — Смотри, как на тебя этот крупье смотрит.

— Это свободная страна, пускай смотрит, — отмахнулся Юся. — Ладно, пойдём к блэк-джеку.

Конечно, мы оба были дураки, и совсем не разработали тактику. Нам надо было меняться: сначала играть удачливому Юсе, потом мне. По крайней мере, так было бы не так подозрительно, почему мы всё время выигрываем. Я бы точно сотни две продул.

Но Юся шёл напролом. Он быстро выиграл десять тысяч, и теперь готовился перейти к более крупным суммам.

— Юся, окунись в алебастр! — сказал я. — Не жадничай, нам этого вполне хватит вернуться домой хоть на такси.

— Я в такси больше не езжу! погоди, я восстановлю те бабки, которые у нас украли с карты — и пойдём ужинать.

Но удача уже отвернулась от нас. Дилер вызвал подмогу, и нас окружили гориллы в чёрных костюмах.

— Господа, администрация казино приносит вам свои извинения за доставленные неудобства, но мы вынуждены задержать вас для выяснения личности.

— В чём дело, док? — тут же полез в бутылку Юся.

— У нас есть основания полагать, что вы нечестно играете.

— С чего бы это?

— Вы считаете карты.

— Мне просто везёт сегодня.

— Видимо, не совсем, — улыбнулся дилер.

— Постойте, — вмешался я, — а почему нельзя считать карты? Все люди умеют считать. Мы совсем не против, если наши соперники тоже будут считать.

— Это противоречит уставу нашего казино.

— Простите, но нас никто не ознакомил с уставом вашего казино.

Вокруг начала собираться толпа. Отчего-то она сочувствовала не нам, а игорному дому.

— Так, стоп! — взял слово Юся. — давайте мы заберём выигрыш, и если вы так боитесь с нами играть, мы уйдём в другое казино.

— Боюсь, мы не можем вам этого позволить.

— Эй, но мы честно играли!

— Мы всё это выясним.

— Твою мать, — сказал я по-русски. — Верните нам нашу сотню, и мы уйдём.

— Господа, не обостряйте обстановку, пройдёмте к выходу.

Один из горилл попытался взять Юсю за руку, но за долю секунды до этого Юся на

рефлексе дёрнулся и разбил горилле нос. Толпа охнула, и на нас навалились остальные.

— Надеюсь, вы понимаете, что это значит — война? — пыхтел Юся, пытаясь увернуться от захватов, а сам тыкал кулаком будто наобум, но неизменно попадая охранникам то в ухо, то в глаз. Однако горилл было слишком много, а я драться не умел. Как-то не научились мы драться вдвоём.

В общем, нас скрутили и сдали копам за дебош.

Копы были такими же негодяями, как и вышибалы в казино. Они даже права нам не зачитали, как это всегда в кино показывают. Нам нацепили наручники, хотя тут вышло довольно нелепо: две руки сцепили, а третья осталась свободной.

— Эй, как насчёт наших прав? — спросил я.

— В суде будешь права качать, — пообещал один из копов.

Юся плакал от несправедливости. Он всегда от несправедливости плакал. Хотя, казалось бы, большой мальчик, и должен понимать, что никакой справедливости не существует, и везде побеждает только грубая сила.

Правый

В участке нам зачитали права, сказали, что мы можем сделать один телефонный звонок, и вообще — вели себя не в пример культурнее патрульных. Правда, легче мне от этого не было: на ночь нас оставили в кутузке. Бесплатного адвоката обещали утром, жрать принесли какую-то кашу и апельсиновый сок. Сок мы выпили, а кашу есть не стали.

В кутузке было тесно от пёстрого люда — в основном вполне достойного внешне, но все ли они такие же несправедливо обвинённые, как мы, понять было невозможно.

Наш внешний вид арестантов интересовал недолго — время было позднее, и почти все засыпали, прислонившись к стене или друг к другу. Нам места не нашлось, но мы и не хотели спать. По крайней мере, я не хотел. Мой возмущённый разум кипел, грозя сорвать крышку; даже разбитый в драке носик свистел. Ну, дай бог, адвоката дадут нормального, мы завтра от этого казино камня на камне не оставим.

Хотя, если честно, мне было глубоко фиолетово: эти деньги, которые я не заработал, всё равно удовлетворения не приносили. Мне даже зуба выбитого не было жаль, и того, что я букву «р» из-за этого сейчас не выговариваю. Англоязычным не понять этой печали, английский язык изначально картавый. Зуб я себе потом вставлю. Золотой. Как цыган наполовину, я должен иметь во рту золотой зуб...

На самом деле мне хотелось отвлечься от неприятных мыслей о гибели команды. Может, это Гумилёв такую пакость задумал? А что: открытие уже совершено, все результаты исследований хранятся на закрытом сервере Центра, одним махом устранил претендентов на Нобеля — и пользуйся на здоровье.

С другой стороны — данные не обработаны, зачем гробить всю команду, когда массив полученных результатов не обработан? Нелогично — придётся новую команду нанимать.

Но крушение самолёта точно не случайно, каждая клеточка моего мозга вопила о том, что это заговор всего плохого против всего хорошего.

Возможно ли, что Даглас о чём-то догадался? Ведь я говорил ему, что неудачи нас преследуют едва ли не с начала проекта, намекал на саботаж. Он мне не верил тогда, но ведь что-то этот его постскриптум должен был означать. Может, он догадался, кто шпион, и сообщил Люси?

Но тогда Люси сказала бы нам об этом.

При чём здесь корзина, которую она никогда не чистит? Это какой-то код, его обязательно нужно разгадать.

Под утро мы сумели заснуть, но сна было часа полтора, не больше. Потому что пришёл адвокат.

Адвокат оказался кислым чуваком. Выслушав нас, он сказал, что нам проще признать свою вину и отбыть пару недель на общественных работах. Ладно бы просто надули казино, а то ведь ещё и в драку полезли... Ну, как не надули. Выиграли же подряд десять тысяч? Как это у вас получилось, можете объяснить? Я, конечно, буду настаивать на вашей невинности, но адвокат игорного дома «Даймонд» от моих доводов камня на камне не оставит.

Мы плюнули на этого адвоката и сказали, что сами будем себя защищать. Мне показалось, что он даже обрадовался. Ну конечно, зачем ему заведомо проигрышное дело?

— И как мы будем доказывать нашу невинность? — спросил Егор.

— Увидишь.

Судья Кимби, рассматривавшая наше дело, долго не могла поверить своим глазам, когда я безошибочно угадывал, какой стороной падает монета, легко обыграл пристава в игре «на пальцах» и в блэк-джек, а так же на детской рулетке.

— Это невероятно, — сказала она. Адвокат игорного дома «Даймонд» злобно смотрел на нас, вытирая платком ладони.

И тут нам нанесли последний сокрушающий удар.

— Это вопиющий факт бессовестного использования природных способностей в корыстных целях. У ваших соперников нет ни единого шанса победить в честной борьбе! — сказала судья. — Я передаю рассмотрение вашего дела в антимонопольный комитет. Вы будете содержаться под стражей до момента вынесения приговора, или будете выпущены под залог. Сумму залога назначаю в сто тысяч долларов.

Вот так. Похоже, физиономии у нас были те ещё, потому что адвокат игорного дома прямо светился от счастья, глядя на нас.

— Подсудимые, кто-нибудь может внести за вас залог?

— Да, ваша честь, — прозвучал за нашими спинами уже давно позабытый голос.

Мы с Егором обернулись так резко, что стукнулись лбами.

В проходе между скамьями стояла наша двоюродная бабушка Барбара Теодоровна Кравец.

Часть первая. Эпизод 12

Левый

Из-под стражи нас освободили тут же, в зале. Пока Барбара оговаривала какие-то тонкости с судьёй, мы с Юсей стояли, тупо таращась на неё. Откуда она выпала?

Наконец, решив все вопросы, наша двоюродная бабушка подошла к нам.

— Вы что — не рады? — спросила она.

— Наверное, рады, — сказал я.

— А что с лицами?

— В шоке от приятного сюрприза, — сострил Юся.

— Вы чего такие злые? Кризис семейной жизни?

— Чего?

— Ну, психологи утверждают, что у совместной жизни есть так называемые периоды кризиса: три года, пять лет, семь, пятнадцать. Вроде как человек устаёт от рутины.

— Вы специально за нами прилетели, чтобы лекцию по психологии прочесть?

— Во-первых, я только вчера узнала, что вы в городе. Во-вторых, через полмира я летела совсем по другой причине. А в-третьих, давайте уже уходить отсюда, вон, следующее заседание проводить собираются.

Мы покинули зал.

— Что у тебя с дикцией? — спросила Барбара у Юси.

Вчерашний выбитый зуб действительно серьёзно искажал Юсину речь, вместо «р» получалось «л».

— Даже не хочу говорить на эту тему, — сказал Юся.

На противоположной зданию суда стороне улицы располагался «Старбакс», и мы с Юсей, не сговариваясь, ломанулись прямо туда — хоть немного перекусить. В кафе мы успели ещё несколько раз, как следует полаяться из-за пустяков, и нашей спутнице это очень быстро надоело.

— Вот что, братцы-кролики, — сказала Барбара по-английски, предварительно хлопнув рукой по столу, чтобы привлечь к себе внимание. — Хватит выяснять отношения при посторонних, тем паче на своём языке, это просто невежливо. Что, так трудно уступать в мелочах?

Мы промолчали. Не потому, что нам нечего было сказать. Скорее наоборот — слов было слишком много.

Мы не умеем уступать. Постоянное напряжение уже стало естественным нашим состоянием. А это чревато последствиями.

Почти сто лет назад в Бостоне на спиртовом заводе произошла авария: из-за усталости материала лопнули одна за другой заклёпки, стягивающие стальные листы огромного, с пятиэтажный дом, резервуара. Стенки разошлись, и в город мощной волной хлынула патока. Её было так много, что волна достигала четырёх метров в высоту. Она даже опрокинула железнодорожный состав. Люди и животные, угодившие в сладкий плен, погибали от удушья. Правительство вынуждено было направить в город армию для устранения последствий катастрофы. Старые дома в этом районе Бостона и по сей день пахнут карамелью.

Мы с Юсей были сейчас похожи на этот чан с патокой: вот-вот заклёпки сорвёт, и мы затопим всё вокруг тягучей ненавистью. Хотя на самом деле мы не ненавидели, просто сильно

вымотались, устали видеть одно и то же лицо что в зеркале, что повернув голову. Все люди могут уединиться, побыть хоть какую-то частичку времени в одиночестве, чтобы понять ценность другого человека. Нам такая медитативная практика недоступна.

Барбара, наверное, что-то такое понимала в жизни, потому что смягчилась.

— Ладно, извините — у вас стресс, и всё такое. Как вы вообще здесь оказались?

Вот тоже вопрос. Как рассказать в двух словах историю, которую сам до конца не понимаешь?

— Нас похитили, — ляпнул Юся.

— Кто? — удивилась Барбара.

— Дональд Дарк.

— Утка?

Мы объяснили, почему Дагласа зовут... звали Дональдом.

— Погодите, — Барбара помотала головой. — Как он мог вас похитить, если, по вашим словам, разбился в самолёте?

Пришлось разъяснять всё с самого начала.

Барбара слушала, раскрыв рот. Я и сам слушал, потому что Юся рассказывал в лицах, он вообще склонен к какой-то театральности. Он всегда перетягивал на себя внимание, в какой бы компании не находился. Не специально, просто ему нравилось общество, и он со всеми старался быть милым. Вот и сейчас, сам того не желая, он устроил маленький моноспектакль, в котором главным героем был он. Ну, и я довеском.

— Ты точно не кино сейчас пересказываешь? — спросила Барбара, когда Юся закончил.

Брат посмотрел на меня.

— К сожалению, нет, — подтвердил я.

— Вау, — сказала Барбара на американский манер.

Вообще, выглядела она сейчас куда лучше, чем пять лет назад. Будто помолодела. Думаю, на нашем фоне она вообще голливудской звездой выглядела.

— Вам надо драпать, — сказала она.

— Куда? — спросили мы.

— Не надо при мне хором говорить, пожалуйста. Если я правильно поняла, на вас началась охота. Видимо, вы чем-то опасны для кого-то.

— Это как раз не секрет, — сардонически усмехнулся Юся. — Любая транснациональная компания будет рада закатать нас в бетон. Мы же практически вырыли могилу двигателям внутреннего сгорания, а заодно нефтегазодобывающей промышленности, гидроэлектростанциям и атомной энергетике. Фактически, против нас должна быть вся мировая олигархия.

— Да это неважно, — отмахнулась Барбара. — Для вас первостепенная задача сейчас — исчезнуть.

— Блин, мне это что-то напоминает, — сказал я. — Вы мне примерно то же самое говорили, когда мы вас из могилы выкопали.

— Но ведь я оказалась права? Ты что, жалеешь о том, что с тобой с тех пор случилось?

Жалел я, честно говоря, только об одном — что вообще на свет появился.

— Это всё артефакты ваши, — сказал я Барбаре.

— Они-то здесь при чём?

Я одно время посвятил целые каникулы, чтобы поискать информацию по этим самым волшебным фиговинам. Если эти артефакты существуют, и как-то циркулируют между людьми, то скрыть такую информацию просто невозможно, рассуждал я. Эти фиговины обязательно должны оставлять информационный шлейф: кто-то что-то слышал, кто-то видел, кто-то трогал, а кто-то вообще владел. Да весь мир должен трещать о магических амулетах на каждом

перекрёстке.

Правда, мы с Юсей не трещали — у нас форс-мажор был. Но форс-мажор не может быть у всех. Это не кладбище, где все умерли. Человек такая скотина — ему обязательно нужно похвастаться. Тщеславие — крючок дьявола, и клюёт на него каждый.

Я перечитал в поисках свидетелей весь интернет, прошерстил всю жёлтую прессу, но нигде ни словечком, ни запятой не упоминается о магической фигне. Вернее, косвенных данных — выше крыши: есть такие ресурсы в сети, на которых обсуждается различная эзотерическая хрень — кармы, чакры и прочая галиматья, но конкретно об амулетах ничего не говорится. Всемирный жидо-масонский заговор. И только один смелый человек во всеуслышание объявил о существовании могущественного артефакта — и, кстати, именно петуха. И зовут этого человека?.. Правильно — Александр Сергеевич Пушкин. «Сказку о золотом петушке» читали? Логично так же предположить, что существуют артефакты в виде золотой рыбки, в виде белочки, зеркальца, ну и, наконец, просто кольца с зелёным камнем. Помните? — «храни меня, мой талисман...»

Словом, думал я найти социальную сеть супергероев, а пришёл к выводу, что все владельцы артефактов рано или поздно начинают страдать манией преследования, и никто-никто не обменивается информацией друг с другом. Основной источник информации об аномальных предметах — ошибка хозяина, которая стоит ему или жизни, или самого артефакта. Была, конечно, у Юси теория небольшая, что аномальные штуковины, подобно Кольцу Всевластья, самолично выбирают себе носителя. Вроде как у них есть изначальные хозяева, к которым они стремятся. Типа — предмет ищет реинкарнацию изначального владельца. Но это уже запредельный бред, согласитесь?

— Как ты сказал? — обалдело переспросила Барбара.

— Запредельный бред?

— Нет, раньше. Реинкарнация?

— Да.

Барбара рассеянно уставилась в пространство.

— Кажется, я знаю, кто вам может помочь, — сказала она вдруг.

Правый

Очевидно, Барбара думала, что мы начнём скакать от радости, но случилось ровно наоборот: Егор сказал, что ему артефактов хватило на Урале.

— Ничего хорошего из этого не выйдет.

— погоди, — сказал я. — А что, может быть хуже, чем сейчас? Ты предлагаешь гордо сдохнуть?

— Я надеюсь, что кроме нас никто не сдохнет.

Опа! В ход пошла тяжёлая артиллерия. Ну, ладно, док, надеюсь, ты понимаешь, что это значит — война. Я мало жил, и жил в плену, таких две жизни за одну — это про меня!

В шахматах такая позиция называется «цугцванг», принуждение к ходу. Как витязь на распутье: налево пойдёшь — люлей огребёшь, направо пойдёшь — люлей огребёшь, прямо пойдёшь — люлей огребёшь, и думай быстрее, а то прямо здесь люлей огребёшь.

А история, которую нам поведала Барбара, была на самом деле крайне интересна. Далеко-далеко, на Тибете, недалеко от Лхасы, стоит буддийский монастырь Вангъял — на местном диалекте это означало «Держатель силы». На самом деле это оплот тибетских сепаратистов, и китайские власти давно ищут подступы к этой твердыне, но в том и штука, что Вангъял

недоступен боевой технике — это подземная обитель, и где конкретно она находится, на картах не найти, а наобум — придётся всю горную грядку бомбить. Войска КНР постепенно прочёсывают горы, но это всё равно, что иголку в стоге сена искать.

Раз в год туда тайными тропами добирается Его Святейшество Далай-лама, чтобы исцелить всех раненых бойцов за независимость Тибета. Далай-лама противник насилия, но отказать в исцелении не может. Дело в том, что Вангъял — это действительно «Держатель силы». Там хранится гидра — магический амулет, вот уже многие сотни лет, принадлежащий Великим Учителям. Именно гидру схватил в руки двухлетний Лхамо Тхондруб, когда странствующие монахи предложили ему выбрать любимые игрушки предыдущего Далай-ламы.

Свойства гидры доподлинно неизвестны, но люди, слышавшие о ней, утверждают, что она запускает процессы регенерации в организме. Чуть ли не мёртвых к жизни возвращает.

— То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет? — хмыкнул Егор. — Это утопия, я на это не подписываюсь.

— Понятно. Но разве это мешает рискнуть? Вас здесь что держит? Суд?

И тут до меня дошло. Егор боится! Боится, что ничего не получится. Боится, что умру я. Боится, что умрёт он. Боится, что мы оба выживем, а Вика выберет не его. Жить так, как мы живём, он уже привык, он двадцать лет так живёт, может и ещё двадцать прожить, его можно понять. Но с другой-то стороны — я хочу, наконец-то, узнать, каково это — спать, лёжа на боку или даже на животе. Хочу засесть в туалете с книжкой. Петь в душевой хочу. Хочу попробовать тёмного нефilterованного пива. В конце концов, я готов... нет, за Викасу я ещё пободаюсь, тут уступать глупо и предательски по отношению к Виксе — вроде как продал за лишнюю ногу и руку. Что же мне предложить такого, чтобы Егор рискнул? Меня окончательно задолбал этот дуализм нашего существования. И вечное это старшинство Егора.

— Если ты рискнёшь, я больше никогда не буду влезать в ход эксперимента, — сказал я. — Обещаю, торжественно клянусь и зуб даю — больше никаких предчувствий.

Чёрт, картаво получилось, весь пафос коту под хвост.

Но Егор привык быть старшим и главным. И он готов пройти путь вдвое длинней, чем требуется, лишь бы только он был главнее. Что ж, это его право, ведь по факту он старше меня на пятнадцать лет. Услышав, на какие жертвы я готов, он крепко задумался, но я уже точно знал, что он ответит.

Подлый я человек. Всё равно ведь обману.

— Я веду, — сказал Егор. — Но всё это до первого предупреждения. Понял?

Конечно, понял. Чего не понять? Предсказуем мой брат. За что мы все его и любим.

Часть первая. Эпизод 13

Сначала Том хотел с досады напиться. Но, взявши бутылку в руку, решил, что это будет профанацией возникшей проблемы. Потому что на самом деле хотелось не напиться, а найти и вернуть Барби. Алкогольное опьянение не шло ни в какое сравнение с той эйфорией, которую Том испытывал от общения с Барби. Это было... как клад отыскать.

Сейчас, после бессонной ночи Том прекрасно понимал, что поссорились они вовсе не из-за того, что у них нет будущего, а потому что не хотели расставаться. Ну, что с того что она старше него на двадцать лет и выше на голову? Нынче нравы значительно смягчились, и ладно бы, если бы Барбара была сморщенной старухой с фиолетовым париком на голове, но ведь она вполне себе красивая баба с образованием и чувством юмора, и ещё неизвестно, что в наши дни нужно ценить выше.

Любил ли он до сих пор?

Да что там, ни одна женщина не оставляла в его жизни ни малейшего следа, а Барби будто на тракторе проехала и оставила во-о-от такую борозду, не вылезешь.

Не говоря о том, что она тоже любит клады.

— Так, Майор, ты сейчас соберёшь задницу в горсть и отправишься искать свою жену, — сказал он отражению в зеркале.

Было страшно. Не так, как в Сальвадоре или Ираке. Там жизнь могла закончиться, а здесь — начаться. Но всё же он собрал задницу в горсть и вышел из номера.

Найти её было вовсе несложно: узнать, в какой участок увезли сиамских близнецов, во сколько будет суд и кто судья.

Правда, когда Брайдер получил исчерпывающую информацию по этим вопросам, оказалось, что суд уже начался. А так же то, что он не первый интересуется близнецами.

— А кто ещё? Такая красивая женщина, да?

— Вы про вашу супругу, мистер Брайдер? — улыбнулась секретарша. — Да, она спрашивала. А потом какой-то китаец, назвал мистером Ченом.

— Ах, Чен! — обрадовался Том. — Конечно, как я забыл. — Так они в центральном суде?

— Если поторопитесь, вы можете их застать, мистер Брайдер.

На такси до здания суда, было, минут десять, не больше. Том ехал и думал: что за, мать его, китаец?

Разумеется, он опоздал — в зале суда рассматривали уже дело о разбитой витрине. Майор ругал себя последними словами: какого чёрта он не узнал номер мобильного собственной жены?!

Он вышел на улицу и огляделся. Платиновую причёску Барбары он не увидел, зато заметил «шевроле» с китайцем, припаркованную на другой стороне улицы. Китаец изучал витрину «Старбакса».

Том спустился по лестнице от колоннады и обошёл «шевроле» сзади.

Он не ошибся — китаец наблюдал за Барбарой и близнецами, сидящими в кафе и о чём-то горячо спорящими. Подавив первое желание сразу ломануться к Барби, Том проследовал до угла, потом поменял направление, и как можно незаметнее, занял наблюдательный пост за колонной у здания суда.

По мобильному он выяснил номер кафе и позвонил туда.

— «Старбакс».

— Девушка, будьте добры, у вас сейчас за столиком сидит красивая женщина в сопровождении сиамских близнецов. Женщину зовут Барбара Кравец. Попросите её к трубочке,

скажите, что это Том.

— Минуточку, сэр.

Видеть Барбару Брайдер не мог, но он надеялся, что она спокойно воспримет его звонок в кафе, и не вызовет подозрений у китайца. Судя по тому, что китаец не поменял позы, то всё было нормально.

— Слушаю, — раздался в трубке бесконечно дорогой голос.

— Барби, детка, если ты стоишь спиной к витрине, то не оборачивайся.

— Майор, что за шутки?!

— Барби, прости меня за вчерашнее и не перебивай. За вами наблюдает с улицы какой-то козёл, он сидит в «шевроле». Он пасёт близнецов.

— Ты ничего не путаешь?

— Барби, я воевал.

— Это было давно.

— Барби, послушай меня. Садись обратно за столик, и вели парням быть начеку. Через минуту подъедет патрульная машина и копы начнут шмонать узкоглазого. Вы в это время должны быстро выйти через чёрный ход, я вызываю туда такси. Ты всё поняла?

— Том, я не знаю...

— Делай, как я сказал! Стой! Продиктуй мне свой номер.

Том глубоко вздохнул, вызвал такси, а потом набрал 911.

— Алло, полиция? Напротив суда стоит «шевроле», это азиатский наркодиллер. Осторожнее, у него ствол.

Через минуту послышался вой сирены, и полицейский «форд», мигая проблесковыми маячками, остановился рядом с китайцем. Начался обещанный шмон. Теперь можно было уходить.

Часть первая. Эпизод 14

Это есть наш последний и решительный, как сказал бы Юся, boy. Как бы Барбара не делала вид, что не боится, но звонок Тома здорово её напугал.

Однако Майор не подвёл, и всё случилось именно так, как он сказал. Патруль появился моментально, и Барбара с мальчиками очень быстро покинула помещение и села в жёлтое такси, урчащее во дворе.

Выбора, куда ехать, не стояло.

— Ко мне в отель, это не обсуждается, — сказал Том по телефону.

— Почему к тебе?

— Потому что я пока неизвестен, а вы уже засветились все вместе. Ждите у номера, я уже еду.

Братья не стали бузить, видимо, лицо двоюродной бабушки было весьма красноречивым.

— Спасибо, что водитель не индус, — единственное, что сказал Юся.

К отелю они подъехали одновременно с Брайдером.

— Майор? — не поверили братья. — Нет, так не бывает.

— Бывает, — ответил Томас. — Если вы читали труды социолога Милгрэма, то должны знать, что все люди знакомы друг с другом через шестое рукопожатие.

Братья трудов Милгрэма, разумеется, не читали, но в общих чертах с этой теорией знакомы были.

Все четверо поднялись на двадцать восьмой этаж.

— А как долго вся эта канитель продлится? — уточнил Юся, когда Томас паковал шмотки.

— В случае удачного стечения обстоятельств — не более двух недель. Не забывай: Далай-ламу мало отыскать, к нему нужно пробиться и убедить взять с собой. Кстати, это очень хорошо, что вы так поправились.

Организм восстанавливается за счёт всего того, что в нём уже есть, большей частью — за счёт жиров. Но была так же одна тонкость: если всё же ребятам повезёт и они уломают Его Святейшество, накануне им придётся есть очень много мела.

— Кальций есть только в костях. Ну, ещё немного в почках, если у вас имеются такие проблемы. Растить кости за счёт других костей — это, согласитесь, нонсенс. Так что в пути жрите мел.

— А в Катманду с мелом напляжёнка? — уточнил Юся.

— Да бог её знает, эту Катманду. Но всегда лучше быть заранее готовым. И не забудьте тёплую одежду — в Тибете в это время года может быть и прохладно.

Майор в это время то выглядывал в окно, то в коридор гостиницы.

— Чего ты суетишься? — спросила Барбара, когда ей надоело это мельтешение.

— Да так, показалось...

— Дежавю — это сбой матрицы, — сказал Юся. — Что показалось-то?

— «Шевроле» на парковке. Цвет тот же.

Близнецы выглянули в окно. В здании напротив парковка располагалась в цокольном этаже, и в проёме отчётливо был виден бежевый «шевроле». Юся мгновенно изменился в лице.

— Я тоже её видел. Номер тот же.

— Ты запомнил номер?

— Я запоминаю все повторяющиеся комбинации.

— А как ты определяешь, что они повторяются?

— Просто запоминаю все комбинации...

— Ты параноик.

— Человек напрасно считает паранойю психическим заболеванием, — пожал Юся плечами. — По мне — это не атрофировавшийся ещё природный инстинкт всегда быть начеку. Рудимент вроде аппендикса.

— Да кому мы нужны?

— Я уже говорил — мы стоим на любимой мозоли у всех.

Томас, дежуривший теперь у двери, подняв вверх палец:

— Цыц. Кажется, сосед вернулся. Барби, достань-ка у меня из сумки пару рубашек поскромнее, есть идея. А вы, молодые люди, снимайте ваши лохмотья.

Сосед Тома был дрессировщиком, выступал в собственном шоу с орангутангом Оззи. Они уже несколько раз пили втроём, так что дрессировщик легко согласился помочь Майору.

Сосед с орангутангом в сопровождении Барбары спустились в холл. Издалека дрессировщика с орангутангом можно было принять за сиамских близнецов, тем более дрессировщик прекрасно скопировал переваливающуюся походку Егора и Юси. Они сели в такси у главного входа. Через десять минут, под командованием Майора, в холл спустились уже сами близнецы, вышли через южный вход, поймали такси и отправились в аэропорт налегке, только с карманами, набитыми деньгами.

К этому времени Барбара с дрессировщиком ехала к автостанции, то и дело, поглядывая в зеркало заднего вида. «Шевроле» с китайцем сидело на хвосте. С одной стороны, это было хорошо — маскировка сработала. С другой стороны, это было плохо. Во-первых, китаец умудрился быстро выпутаться из неприятностей с полицией, что говорит о его опыте. Во-вторых, он практически сразу их нашёл, не прошло и часа. В-третьих — вдруг, он охотится не на близнецов, а на неё? Она же сейчас, вроде как, миллионерша.

Что ж, был только один способ проверить это.

Такси остановилось. Сначала вышла Барбара. Она открыла заднюю дверь и помогла выйти на улицу обезьяне. Следом вышел дрессировщик. Барбара посмотрела на китайца, остановившегося рядом.

Бинго! Как он разозлился! С каким визгом и чёрными следами на асфальте развернулась его машина. Барбара в приступе благодарности обняла дрессировщика и поцеловала Оззи.

— Алло, Том! — позвонила она Майору. — Мы угадали, ему нужны близнецы!

— Окей, детка, у нас началась регистрация.

— Ты вернёшься?

— Есть сомнения?

Сомнений у неё не было.

В это время что-то сильно ударило Барбару в спину. Она уронила телефон и упала на колени. Кто-то закричал, дрессировщик круглыми от страха глазами смотрел ей за спину и пытался спрятать орангутанга. Оззи скалился, будто улыбался, но Барбара точно знала, что обезьяны так выражают агрессию.

— Что? — спросила она. Послышался удаляющийся рёв автомобильного двигателя — при развороте китаец отломил глушитель.

Поясницу ломило. Голова кружилась. По спине что-то текло.

Барбара потрогала спину и поднесла ладонь к глазам. Кровь.

— Меня что, убили? — спросила она.

Часть первая. Эпизод 15

Он их потерял. Их вообще все потеряли. Но Чен — не все. Даже наоборот.

Тут же, по закону подлости, вышел на связь резидент. Его беспокоил факт гибели учёных.

— Чен, вам не кажется, что вы перегнули палку?

— Господин заместитель, я всё делаю так, как вы попросили. Угроза ликвидирована.

— Но материалы?! Материалы неполные!

Чен помолчал. Потом сказал:

— Мои люди работают над этим. Виновные будут наказаны.

— Что мне ваши виновные? Мы ждём от вас результатов, а не их наказания, господин Чен, это в ваших же интересах.

— Вы не пожалеете...

— Я уже сто раз пожалел, что мне отдан приказ сотрудничать именно с вами.

Чен раздражённо плюнул.

Проблема была, в общем, даже не в том, что близнецы сбежали. Чена сильно тревожил этот рейс в Катманду. Он абсолютно не понимал, что им может понадобиться в Непале.

Почему не Россия, откуда они родом, не Микронезия, где живут их приёмные родители, не Израиль, где живёт их родная мать, а именно Непал, где нет вообще ничего. Не на встречу же с Его Святейшеством Тэнцзином Гьямцхо, Далай-ламой Четырнадцатым?

При воспоминании о Далай-ламе Чену стало неудобно. Некогда Его Святейшество явил Чену настоящее чудо и предложил вынести из случившегося урок. Может, ускользающие сиамцы и есть тот урок?

В любом случае их нужно догнать. Не давать разрывать дистанцию. Негодяи оказались на редкость скользкими. Чен выругал себя который раз за этот день. Неужели трудно было в поисковике пробить все имена, фигурировавшие в досье Кругловых? Ещё недавно это было бы проблематично, но сейчас, когда сеть проникла всюду, ни одно имя не существует в реальном мире, не отражаясь в интернете.

Ладно, чего уж теперь локти кусать.

Он отправил шифровку Сильверу:

«Беру операцию под личный контроль. Приказываю ускорить работу по зачистке базы данных проекта. Срок — неделя».

Он возьмёт близнецов в Катманду. Следующий рейс через семь часов, вряд ли Кругловы уйдут далеко.

Я не знаю, обрадовали меня слова Майора, или огорчили. Он сказал, что китаец охотится за нами. Но у меня в голове, будто солнце вспыхнуло: мы сейчас единственные, кто знает по проекту абсолютно всё, фактически — являемся хранителями идеи. И если убить нас, то идея тоже умрёт, и человечество опять будет буксовать в ближнем космосе несколько десятков лет или даже веков.

Я вспомнил, как мы с Юсей читали роман «За миллиард лет до конца света». Там Гомеостатическое Мироздание не давало учёным и изобретателям совершать открытия, опережающее их время. Дескать, из-за этих открытий нарушится баланс сил в природе, исчезнет стабильность. Сейчас я чувствовал себя астрономом Маляновым, которого прижали в собственной квартире злобные силы, и деваться мне некуда. Вернее, нам деваться некуда — Малянов тоже был не один.

— Так охота, получается, объявлена на нас? — спросил Юся.

— Получается, что так, — сказал я.

— Надеюсь, они понимают, что это значит — война?

— Хватит уже изображать из себя Баггса Банни, у тебя для этого зубов маловато. Мы в меньшинстве, — остановил я брата. — Нам нужно добраться до точки.

— Вот именно. Нам нужна точка, — согласился он. Слишком легко согласился.

— Говори, что ты опять задумал?

— Я? Это ты сказал про точку!

— Я имел в виду...

— ...монастырь.

— Окунись в алебастр! Какой монастырь, если его даже китайцы найти не могут.

— У китайцев нет моей замечательной интуиции.

— Ты хочешь сказать, что сможешь найти путь в Вангъял без проводника?

— И не такие крепости брали.

— Отставить брать крепости. Даже если ты угадаешь, мы своими ногами туда точно не дойдём.

— Почему это? Какой-то Далай-лама, немолодой уже человек, дойдёт, а мы, значит, слабаки?

— Может, он верхом на каком-нибудь овцебыке едет.

— И мы поедem.

— Отставить, я сказал. Ты с твоей хвалёной интуицией полностью подчиняешься мне, забыл?

Юся скис.

— Нам проще отыскать Далай-ламу и уговорить его, чем искать в горах какие-то тайные тропы. Мы там дуба дадим, даже верхом на овцебыке. Знаешь, что в горах разрежённый воздух? А вдруг мы дышать не сможем?

— Ладно, — проворчал Юся.

Самолёт был уже на полпути к столице Непала. Майор с нами не полетел, у него внезапно прервалась связь с Барбарой, и он поспешил на её поиски. Спасибо, что вывел из-под удара. Всё-таки эта теория Милгрэма про шестое рукопожатие, видимо, и впрямь работает, особенно

сейчас, когда расстояния, благодаря средствам связи, сократились. А очень скоро все будут знать всех, и такое начнётся...

Мне открытость информации не кажется чем-то ужасным. Если честно, только в сети я чувствую себя абсолютно свободным, и даже забываю, что прикован к брату надёжнее, чем Прометей к скале. И только в сети никто не пытается выклевывать мне печень, там все равны, все абсолютно одиноки перед своими мониторами. И при этом — они все вместе. А мы с Юсей наоборот — вроде вместе всегда, но единства давно уже нет.

Может, что-то действительно изменится, когда мы попадём в этот Вангъял?

Я даже не заметил, как уснул. Юся растолкал меня через несколько часов:

— Просыпайся, заходим на посадку.

Самолёт долго мотало и трясло — видимо, не очень благоприятные погодные условия были в Катманду. Странно, что у меня в сознании Катманду всегда ассоциировалось с жарой и пальмами, тропическое название.

В аэропорту было тепло, но большинство местных жителей, прилетевших или улетающих, несли подмышками куртки. Мы с Юсей решили не выделяться, и тоже приобрели в магазине две куртки-алюски с капюшонами. Не пригодятся — сложим в рюкзак, но мёрзнуть после Вегаса совершенно не хотелось. Я уже отвык от прохладного климата.

— Ну что, пойдём искать Далай-ламу? — спросил Юся.

— А чего его искать? — усмехнулся я, глядя на большой биллборд, к которому Юся повернулся затылком. — Здесь он, как и было предсказано.

Мы внимательно изучили информационную составляющую рекламного плаката. Международный форум буддистов начинался сегодня, и, если верить биллборду, через полтора часа с приветственной речью к делегатам обратится сам Далай-лама Четырнадцатый.

— Ну, думай теперь, как нам к Его Святейшеству прорваться, — предложил я Юсе.

Он задумался.

— Ну, давай сначала на открытие форума попадём, а там уже разберёмся.

— Давай.

На форум съехалось и слетелось более пяти тысяч человек. Все ли они были буддистами — не знаю, но в храмовом комплексе Сваямбунатх, в котором проходило открытие, народу набилось — яблоку упасть негде. На площади перед комплексом тоже собралось несколько тысяч человек, и тоже не понять — то ли просто зеваки, то ли истинные последователи учения принца Сиддхартхи Гаутамы. Все ждали прямой трансляции речи Далай-ламы.

— Ну? — нетерпеливо спросил я у Юси.

— Не нукай, не запряг. Давай пробиваться внутрь.

— Через такую толпу?!

— Знаешь что? Окупись в алебастр! — ласково предложил Юся. — Если у нас и есть шанс встретить его лично, так он здесь! Идём, времени мало.

Говорил Юся, будто наждаком по коже драл. Кажется, мы достигли своего предела. Если затея с разделением окажется пустой — поубиваем друг друга нафиг.

Мы пробивались к главной ступе комплекса, перед которой была установлена трибуна, целый час. Нас толкали, наступали на ноги, народ уступал дорогу неохотно, но нам выбирать не приходилось — не всегда цели достигаются счастливыми озарениями, чаще всего это муторная долбёжка в одну точку.

Наконец, толпа стала вообще непроницаемой. Мы подняли головы, и увидели, что умудрились пробуриться почти к самой трибуне. Юся, повертев головой, обрадованно шепнул:

— Вот оно!

— Что?

— Он будет автографы раздавать!

Я посмотрел направо. Там находился невысокий помост, посреди которого стоял стол. Какие-то люди подносили к столу картонные коробки. Над помостом трепетала на ветру растяжка с рекламой какой-то книги — на таком расстоянии я разобрать не мог. Видимо, после речи Его Святейшества он должен был устроить автограф-сессию.

— В такой толпе?! — ужаснулся я.

— А что? Нормальный мужик, не гордый. Почему нет?

— А вдруг террористы?

— Думаю, тут охрана куда профессиональней, чем у некоторых глав государств.

Я всё равно не понимал, что задумал Юся:

— Ты хочешь автограф, что ли?

— Я хочу сократить дистанцию, понял?! У нас есть реальный шанс законтачить с Далай-ламой, и если его просрём — другого не будет. Так что соберись и думай, как реализовать голевой момент. Мотивации у нас хоть отбавляй.

— Как бы нас охрана в три этажа не отмотивировала.

— Ты пошутил? Егор, да ты успехи делаешь!

— Будешь трепаться — отмотивирую. Причём на русском.

Вдруг толпа зашевелилась, загудела, и мы увидели, как на трибуну поднимается Далай-лама, давно знакомый нам по плакатам и телеящику.

Он улыбался и говорил без бумажки, не особенно долго, но и не слишком коротко. Это не была пустая болтовня свадебного генерала, вроде «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Я заслушался, и Юсе опять пришлось возвращать меня к реальности:

— Хватит медитировать, пора действовать. Я успел подсчитать — книжек будет около ста, а чуваков, которые готовятся получить автограф, раз в десять больше. Нам не нужно попадать в очередь, нам важно вырваться на свободное пространство. Вон, смотри — просвет образовался. Туда и прыгаем. Три-четыре!..

— Не смей, нас расстреляют на месте! — зашипел я.

— Доверься мне, я знаю, что делаю.

И мы ломанулись вперёд так отчаянно и самоотверженно, что прочная мембрана оцепления лопнула, и мы буквально растянулись на мостовой. Я крепко приложился лбом к брусчатке. Не знаю, заметил ли Далай-лама меня, но искры из моих глаз можно было видеть из космоса.

Правый

Нас скрутили там же, где мы упали. Я не успел понять, где же до сих пор пряталась охрана, эти дюжие ребята будто из воздуха соткались. Прижали нас мордами к мостовой, сверху придавили коленями, и я понял, что путешествие закончилось. Как говорится: прощай, жена, прощайте, дети, прощай, любимый «ЗиЛ-130»...

— Ваше Святейшество! Ваше Святейшество! — завопил я что было сил. — Автограф! Мы хотим автограф!

Колени сверху надавили ещё сильнее, и крик мой мгновенно превратился в сипение.

Не знаю, слышал ли старик мой вопль, или просто обратил внимание на инцидент в толпе, но через пять минут давление сверху ослабло, нас подняли на ноги и толкнули к столу, за которым сидел Далай-лама. Я оглянулся. Буддисты смотрели на нас с ненавистью. Да, ребята, долго вам ещё до просветления.

Мы подошли к столу и нависли над Хранителем Учения, я мог даже кончиками пальцев

дотянуться до его очков.

— Простите охрану, они выполняют свою работу, — улыбнулся Его Святейшество.

Вот тут меня и перекосило. Я просто не знал, что говорить. Как-то неловко было просить у такого занятого человека выполнить нашу личную просьбу. В конце концов, почему мы? В мире миллионы людей, которым на самом деле нужно помощь.

Но тут в бой вступил Егор.

— Скажите, Ваше Святейшество, у вас глаза становятся синим и зелёным, когда вы исцеляете?

Его Святейшество не изменился в лице. Он посмотрел на нас, молча взял книгу, открыл её, и что-то быстро начал писать на шмуцтитуле. Потом закрыл книгу, улыбнулся и сказал:

— Удачи.

И мы ушли, даже не поблагодарив Держателя Знания за автограф. Книгу прижимал к груди Егор.

Я не знаю, какое сердце и ум надо иметь, чтобы в одном полунамёке прочесть мольбу о помощи, информированность о всемирной тайне. Видимо, такие же, как у Егора, потому что он и вложил в эту фразу всё, что было у нас в жизни, и чего мы от этой жизни ожидали.

На форзаце был адрес и время. Даже не адрес, а название — Молочная Долина. На карте Долину мы отыскивали очень быстро — это была смотровая площадка на окраине города.

Мы шли туда пешком, потому что денег у нас не осталось — в толпе кто-то обчистил наши карманы. Всю дорогу мы спорили — обманул нас Далай-лама, или действительно назначил встречу.

Для тайной встречи это было слишком обычное место — обрыв на краю бескрайней пропасти, в которой, похожие на сладкую вату, вечно клубились облака. Сейчас они были нежно-оранжевыми из-за уходящего за зубчатый горизонт солнца. Туристы постепенно рассасывались, потому что становилось холодно. Фонари на площадке отчего-то не загорались, несмотря на быстро наступающие сумерки.

— Ты думаешь, он придёт сюда, на этот проходной двор? — злорадно спросил Егор, когда мы остались совсем одни.

— Если написал место и время, значит, придёт. Иначе просто послал бы на хутор, бабочек ловить. Зачем Его Святейшеству нас обманывать?

— Потому что любая религия — это обман.

— Не обман, а утешение!

— И что, утешился ты? Мёрзнем тут на ветру, как цуцики, не жавши.

На площадке, наконец-то, загорелись галогеновые фонари. Я подумал, что если Егор будет меня доставать, дам ему в морду, если дотянусь. Или вообще брошусь вместе с ним в пропасть. Я точно знал, что старик не обманет, не такой это человек, а Егор со своими сомнениями уже задрал.

Именно в этот момент Его Святейшество и появился на площадке, совершенно один. Не поздоровавшись, даже не кивнув нам, он подошёл к парапету и легко вскочил на него. Обернулся на нас — видим ли? — и сказал по-английски:

— За мной.

А потом сделал шаг вперёд и с шелестом исчез в пропасти.

Это было настолько неожиданным и невероятным, что я сперва даже забыл, как дышать. Мы с Егором подошли к тому месту, где только что стоял Держатель Учения. Внизу была тьма. Ни крика, ни звука ударов тела о камни. Только ветер завывал.

— Твою мать... — сказал Егор.

— Не теряй времени, — сказал я, когда способность дышать восстановилась. — Лезем.

— Ты свихнулся?

Егор не был возмущён, он был напуган. Думаю, он тоже понимал, что нам придётся прыгать. Это — путь. И его нужно пройти. Далай-лама проверял нас. Если прыгнем — значит, действительно нуждаемся в помощи, значит, действительно последний шанс хотим использовать. А если струсим — значит, нам и так неплохо.

Всё это я подумал, но, видимо, вслух. Потому что Егор обозвал меня фанатиком чокнутым.

Не думайте, что мне не было страшно. Было. И Егор смотрел на меня полными ужаса глазами. Но я сделал шаг. И Егор тоже сделал шаг. Мы влезли на парапет — и тоже прыгнули.

Сразу же перехватило дыхание, в груди стало тяжело, а в животе — пусто, рот сам собой открылся, чтобы заорать от животного ужаса.

И вдруг всё закончилось.

Часть первая. Эпизод 17

Чен долго не мог решиться повторить безумную эскападу близнецов.

Умом он понимал, что это не самоубийство, и что там, в пропасти, куда только что шагнули сначала старик, а потом сиамские уроды, есть что-то, что защитило их жизни. Но вот так взять и прыгнуть со скалы? Да они психи!

А Далай-лама изменился, постарел за то время, как Чен видел его в последний раз...

На память опять пришли события десятилетней давности, когда Чен, тогда ещё семнадцатилетний юноша, только что принятый в члены триады, оказался в Лхасе с целью наладить бизнес, и случайно попал в перестрелку между сепаратистами и китайской армией. Граната разорвалась в трёх шагах от него, и настигнутого осколками умирающего Чена вынесли с поля боя тибетцы.

Очнулся он на каталке под капельницей, в абсолютной тишине. Чен не сразу понял, откуда струится мерцающий свет, заливающий окружающие ширмы то сиреневым, то розовым, то золотистым цветом. Только потом стало понятно, что светится жидкость в капельнице. Сама по себе.

Жутко болела правая рука. Скосив на неё взгляд, Чен едва сдержал крик — руки не было. Видимо, оторвало во время взрыва, или ампутировали позже. Но Чен чувствовал руку, каждую её клеточку. Он попробовал шевельнуть отсутствующими пальцами — и увидел их: полупрозрачные, и тоже едва заметно светящиеся в унисон с жидкостью. Кости, нервы, кровеносные сосуды, мышцы — будто в научно-популярной книжке о человеческой анатомии. С каждой минутой оторванная рука становилась всё реальнее, словно проявляясь из небытия. На уши неприятно давил какой-то звон.

Наконец, рука перестала светиться и стала прежней, если не считать отсутствия татуировки триады на локтевом сгибе.

Чен осторожно встал с каталки. Он был абсолютно гол, и с удивлением осматривал сам себя. Всё тело оказалось гладким, будто только что появившимся на свет. Ни ран, ни шрамов, даже следов от удаления аппендикса не осталось.

Жидкость продолжала светиться. Чен завернулся в одеяло и пошёл посмотреть, откуда она поступает.

Источником жидкости был немолодой уже, но вполне здоровый мужчина в оранжевом одеянии. Чен сначала не узнал его без очков, но через минуту понял, где видел это лицо. Тэнцзин Гьямцхо, более известный как Далай-лама Четырнадцатый, полусидел-полулежал в специальном донорском кресле, и странная фигурка на его груди тоже пульсировала сиренево-розово-золотым светом.

— Ты китаец? — спросил Чена Держатель Учения, который, оказывается, был в сознании.

Чен кивнул, холодея до самых кончиков пальцев. Теперь его подвергнут пыткам, как вражеского лазутчика. Он понял, где оказался — в легендарном Вангьяле, тибетском монастыре, в котором оживают мёртвые, прозревают слепые и выздоравливают немощные.

Но ничего страшного не произошло.

— Не бойся, тебя выведут тайными тропами. Попробуй воспринять случившееся как урок, — сказал негромко Далай-лама и прикрыл глаза.

Они у него тоже светились — синим и зелёным.

Чену дали одежду, завязали глаза и повели какими-то тайными коридорами. Он чувствовал, что его вывели на улицу.

Сейчас расстреляют, подумал Чен, но вместо этого его легонько подтолкнули — и юноша

плюхнулся во что-то холодное.

Он развязал глаза и обнаружил себя в сугробе на обочине дороги. И рядом — никого.

Каким образом он оказался в горах штата Колорадо, Чен не мог понять до сих пор, но возвращаться в Китай не стал. Нашёл ближайшую китайскую диаспору в Колорадо-Спрингс, снова вступил в триаду, и постепенно стал тем, кем он стал.

Хватит воспоминаний. Нужно действовать.

На площадке стоял флагшток. Каждое утро здесь поднимали флаг Катманду. Нож-стропорез легко перерезал бечеву, и Чен рывком выдернул верёвку.

Бечева на растяжение казалась крепкой. Один конец верёвки Чен привязал к основанию флагштока, а второй скинул в пропасть. Рисковать не хотелось. Если ниже двадцати метров ничего не окажется, он полезет вверх.

Трудней всего дались первые пять метров — ветер гулял жесткий, и Чену никак не удавалось стабилизировать себя относительно стены, бечева резала руки даже сквозь перчатки, но он быстро приноровился. Далее спуск оказался более управляемым. Чен осмелел и даже умудрился упереться ногами в стену, но в это время верёвка лопнула, и он полетел спиной вниз, барахтаясь в воздухе, словно лягушка в молоке. В ушах зашумел ветер, истошный крик заметался в пропасти, отражаясь от многочисленных стен.

А потом вдруг наступила тишина, и Чен, больно ударившись затылком, проехался по каменному полу на спине. Он медленно открыл закрывшиеся во время падения глаза. Кругом царила полутьма, на каменных стенах нервно дрожали в небольших лампадках оранжевые язычки пламени.

Похоже, он попал по адресу. Теперь узнать бы, в какую сторону увёл близнецов Далай-лама. Поднявшись на ноги, Чен пошёл сначала туда, откуда тянуло теплом.

Идти пришлось долго. Коридор вёл вниз и оканчивался стальной решёткой, за которой виднелось что-то вроде прачечной или котельной. Здесь полуголые люди кидали в топку не то уголь, не то кокс, кругом клубился пар. Очевидно, Чен оказался в вентиляционной шахте. Неужели это и есть потроха подземного монастыря?

Он порыскал вокруг в поисках двери, не нашёл, и отправился в противоположную сторону.

Падение наше прекратилось почти сразу, это только страху мы натерпелись на час. Вектор ускорения неожиданно изменился с вертикального на горизонтальный, и нас будто в спину кто-то вытолкнул в длинный узкий коридор, освещённый масляными лампами. Его Святейшество, убедившись, что мы тут, повернулся к нам спиной и повёл за собой.

Он ничего не говорил, а мы ничего не спрашивали, хотя я откровенно не понимал, как у нас получилось оказаться в подземелье, если мы только что падали в пропасть. Но я решил ни о чём не спрашивать, и Егор шёл молча, и оставалось только надеяться, что это не предсмертная галлюцинация, подкинутая мне подсознанием перед сокрушительным ударом о камни.

Метров через сто коридор закончился, и мы вышли под открытое небо, всё в звёздах. Навстречу выскочило несколько лысых монахов в белых халатах поверх оранжевых простынок. Его Святейшество показал на нас и что-то сказал. Нас тотчас бережно, но твёрдо взяли под руки и куда-то повели.

Это оказалось помещение, напоминавшее поликлинику. Мы с Егором уже совсем осмелели, и даже спорили между собой, глюк это, или всё настоящее. Когда нас пригласили в кабинет на медосмотр, мы ржали, как идиоты, и монах с фонендоскопом на шее спросил по-английски:

— Вы что, пьяны?

Мы сбивчиво объяснили, что не особенно верим в происходящее. Пока мы хихикали над глюком в белом халате, он осмотрел нас, прослушал, и уточнил:

— Я правильно понял, что вы хотите разделиться?

Я кивнул. Егор кивнул тоже.

— В операционную, — сказал монах.

— Что, вот так сразу? — испугался я.

В дверях возникли два могучих монаха, которые здесь, видимо, исполняли роль санитаров, и они ловко уложили нас на медицинскую каталку и привезли в маленький стерильный бокс, где помогли раздеться догола, помыли, надели на каждого по фланелевому фартуку, и покатали дальше.

Так мы оказались в операционной.

Насколько я успел понять, тут было сразу несколько столов, отгороженных друг от друга ширмами. Видимо, пациенты уже были готовы к процедуре, потому что вокруг сновали монахи в белых халатах, таскали какие-то коробки, склянки, катетеры... Словом, сериал «Скорая помощь», коего я большой поклонник.

— А что, Его Святейшество на брудершафт исцелять будут? — спросил я, и тут же захлебнулся своими словами: чьи-то пальцы ткнули меня пару раз в туловище — и я полностью потерял чувствительность.

Кун-фу какое-то. Наверное, наш давнишний друг, капитан Глеб Татарин, дорого бы дал, чтобы изучить такие приёмы. Увы — я не запомнил, куда меня ударили. Просто тело стало чужим, словно кусок мяса.

— Не уроните нас, — проворчал Егор. — Юся, ты здесь?

— Здесь я, здесь. А где антинаучный артефакт?

Его я так и не увидел, этого артефакта. Потому что в операционную зашёл какой-то другой здоровила, такой же, как санитары, но прилично говорящий по-английски.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я буду вас оперировать.

— Скажите, а вы нас двуручной пилой разделять будете, или у вас гильотинные ножницы предусмотрены? — спросил Егор, и мы хором заржали.

Однако хирург шутить не хотел или не умел. Он подошёл к столу, пощупал наш пульс и посмотрел на часы.

— Считайте до ста, — велел он, надевая нам на лица маски.

— У нас аллергия на анестезию, — предупредил Егор.

— Вслух считать-то? — пошутил я.

— Заткнись, — посоветовал Егор.

Мне перетянули руку жгутом и воткнули в вену толстую иглу.

— Эй, эй! — попытался я протестовать, почему-то по-русски. — Говорят же вам — у нас непереносимость...

Но хирург ткнул мне пальцем в лоб — и я выключился.

Снаружи была только небольшая каменная площадка, с которой уходило вглубь горы ещё несколько туннелей. На этот раз потянуло не теплом, а лекарствами, и Чен пошёл на запах.

Вскоре он услышал монотонное «омм... омм...»

Осторожно, чтобы не нарушать тишины, Чен двигался по коридору, и вскоре попал в помещение, более походящее на обычную клинику, нежели на монашеские кельи.

Кругом было пусто, только горело дежурное электричество. Не испытывая больше никаких колебаний, Чен вынул стропорез и пошёл на звук. И тут же столкнулся нос к носу с лысым здоровяком в белом халате. Как уж он умудрился неслышно прокрасться мимо — неизвестно, но факт оставался фактом — без шума не обойдётся.

Чен ткнул монаха ножом в живот. Монах пропустил удар и упал под ноги победителю, визжа, как свинья, и заливая пол красным. Откуда этот здоровяк вышел? Не из этой ли полуприкрытой двери?

Монах с кряхтеньем начал подниматься, за дверью послышались взволнованные голоса — видимо, тихий час оказался не таким уж и тихим. Что ж, ладно, будем действовать жёстче.

Ударом ноги Чен отбросил истекающего кровью здоровяка к другой стене, беспрепятственно прошёл по коридору и попал в операционный зал, перегороженный ширмами и освещаемый мерцающей жидкостью.

Чен узнал её. Кровь богов, ихор. Видимо, так и происходит процесс восстановления — ихор поступает в вены, и весь организм восстанавливается, отрастает то, что удалили. Главное, чтобы циркулировала жидкость...

На руке с ножом повис очередной монах. Чен вывернулся из захвата и ударил монаха. Тот оказался проворнее первого, и снова бросился в бой, отчаянно что-то выкрикивая. Прямой удар в челюсть — и санитар упал. Это что — всё ваше хвалёное кун-фу?

Из-за ширм начали выскакивать, как пули из автомата, всё новые и новые монахи в белых халатах.

— Остановитесь! — закричал один из них. — Что вы делаете?

Чен не отвечал. Он расшвыривал монахов, заглядывая то за одну ширму, то за другую. С каждой опрокинутой ширмой шанс отыскать цель только увеличивался.

— Господин... как вас там... прекратите немедленно! — кричал монах. — Это святое место.

— Заткнись!

Чен шёл по кругу, за ширмами лежали тибетцы, и терпение иссякало. Неужели опять мимо? Да что это такое?!

И вдруг Чен наткнулся на Кругловых. Братья лежали спокойно, и, если даже дышали, то совсем незаметно. Абсолютно новенькие, уже не мерцающие, каждый сам по себе, в окровавленных распашонках — видимо, разделили их совсем недавно. Достаточно не ножа, а удара ребром ладони в основание черепа.

Чен почувствовал на себе чей-то взгляд. Он заглянул за ширму и встретился глазами с Его Святейшеством. Глаза старика светились всё тем же синим и зелёным огнём, что и десять лет назад. Гетерохромия, вспомнил Чен. Так по-научному называется, когда у человека разные глаза.

Взгляд у Его Святейшества оказался для буддийского святого слишком тяжёлым и воинственным, и силы необыкновенной, Чен даже отступил перед этим напором.

Перехватив нож поудобнее, Чен готов уже был нанести смертельный удар по близлежащему Круглову, как его подсекли, и, высоко задрав ноги, Чен второй раз за сегодня больно ударился об

пол.

Чен вскочил на ноги раньше, чем на него навалились трое монахов. Ударил одного ногой в пах, двух других располосовал ножом и толкнул на Далай-ламу. Терапия закончена, пора умирать.

Монахи продолжали прибывать. Нет, они не нападали. Они схватили каталку с братьями и покатали прочь из зала.

— Стоять! — взревел Чен, но путь ему преградила живая стена.

Даже миллион бойцов не мог сейчас остановить Чена — слишком близко была цель. Движение, конечно, замедлилось, но не прекратилось. Чен, будто нож сквозь масло, шёл через толпу и оставлял за спиной убитых и покалеченных.

Ещё несколько санитаров попытались его остановить, но тщетно — видимо, это место не славилось бойцами, а выросло только вокруг чудесного артефакта. Братья, меньше уделяйте внимания духовным практикам, а больше — физическим упражнениям, думал Чен.

По коридору, которым увезли бесчувственных близнецов от неумолимого, словно терминатор, Чена, гулял сквозняк. Бегущих монахов, толкающих каталку, было прекрасно видно. Вот они толкнули дверь и исчезли в темноте дверного проёма. Всего пятьдесят метров пустого пространства. Чен пошёл быстрее.

Несмотря на облачность и ночь, естественный свет луны и звёзд на мгновение ослепил Чена. Он посмотрел налево, направо — и увидел монахов, которые бросали одного из близнецов в колодец. Они что — рехнулись?

— Эй, вы, стоять!

Двое монахов бросились навстречу Чену, но он не стал с ними связываться, а обошёл по дуге, быстро приближаясь к колодцу. Может, у них там убежище?

Чен не успел — второго близнеца монахи тоже успели сбросить в колодец, и теперь стояли, довольно улыбаясь. Он подбежал к колодцу — обычной квадратной дыре, обложенной камнем, но не увидел там ничего. Была какая-то странная мерцающая гладь, похожая на старое зеркало с помутневшей амальгамой.

За спиной стало очень шумно. Он обернулся через плечо. Теперь монахов было очень много, задавят не умением, а числом. Но всё же — зачем они бросили братьев в эту серебристую хрень? Не для того же, чтобы убить их раньше, чем это сделает Чен.

Чен понял, что времени искать лестницу или верёвку у него не осталось — близнецы опять уходят из-под носа. И он тоже прыгнул в колодец.

Ощущение дезориентации — где верх? где низ? — отступило так же внезапно, как и нахлынуло. Что-то подобное он испытал, падая в пропасть. Едва вестибулярный аппарат определился с положением в пространстве, Чен попытался найти точку опоры — и почти нашёл. Но поймать не успел — носок соскользнул с края плоской крыши, и перед лицом китайца понеслась старая кирпичная кладка многоквартирного дома. Послышался женский крик, полный ужаса, после чего Чен, пролетевший двенадцать метров, рухнул на закрытый пластиковой крышкой мусорный контейнер.

Начальника полиции индонезийского курорта Банда-Ачех звали Хари Бесар. Мать дала ему такое имя, надеясь, что жизнь единственного сына будет праздником [прим. автора — слово hari-besar, или праздник, состоит из двух слов где hari — день, besar — большой, великий], но уж чего-чего, а праздников у Бесара почти не было: давили на него и сверху, и снизу, и порой он думал, что лучше бы он стал рыбаком, как его покойный отец, утонувший ещё до рождения Хари. Вот, опять — нарисовались два иностранца и требуют помочь в розыске какого-то американца. Бесар, устав слушать, развалился в кресле, и устало смотрел на обоих — белого и африканца. Оба одеты не по курортному, видимо, только с самолёта...

— Кем он вам приходится? — сказал он, наконец.

— Друг. Коллега.

— Из Америки?

— Да. Он отправился в путешествие и потерялся.

Начальник полиции Бесар хмыкнул.

— А как вы объясните тот факт, что он незаконным путём проник на территорию Индонезии и сиганул с Курятника в мусорный контейнер?

— С курятника?

Курятником здесь называли первый многоквартирный дом европейского типа, построенный более пятидесяти лет назад. Дом был крепкий, не боялся подземных толчков, но со временем в Индонезии начали строить более современные дома, и Курятник из сверхсовременного элитного жилья превратился в трущобы. Самое странное, что именно его северную стену облюбовали иностранные самоубийцы, которые нет-нет, да прыгали с крыши Курятника вниз. Некоторые убивались, некоторые выживали, но как они там оказывались — объяснить не могли. Собственно, по этой неясной причине респектабельные жильцы и покинули Курятник ещё тридцать лет назад.

Гости не могли объяснить, как друг оказался на Курятнике, и почему решил свести счёты с жизнью. Они просто ждали от несчастного звонка, не дождались, стали звонить сами, не дозвонились, и вот они здесь, в поисках дорогого человека.

— В госпитале ваш друг, — сказал Хари. — В коме. Будете забирать?

У каждого агента в немногочисленной команде Чена имелся в мобильном телефоне небольшой чип, позволяющий засечь друг друга в случае внештатной ситуации. Если телефон выключался более чем на час, чип начинал посылать сигналы на спутник. По GPS можно было разыскать попавшего в беду товарища, и либо выручить, либо помочь умереть без мучений. По правилам, на сигнал должен реагировать ближайший агент.

Телефон Чена, разбившийся в хлам, хранился в полицейском управлении. Ближайшие агенты — Теннесси и Чак — прилетели из Индии. Узнав, что шеф едва ли не при смерти, они озадачились — добивать шефа или нет? Не придя к общему решению, они решили сначала его навестить и узнать, насколько тяжело он попал.

Чен, как и сказал начальник полиции, был в коме. Теннесси и Чак вполне могли убить шефа, но решили дать ему шанс. Авось, выкарабкается.

Так операция приостановилась.

Часть вторая. Эпизод 2

Странное дело — семья.

Роберт Миллер никогда ни к кому не привязывался. Были у него приятельские отношения, были длительные деловые, но о семье, а тем более — о детях, он никогда даже в шутку не задумывался. При его профессии это даже вредно — иметь семью. Когда ты один, ты как бы в скорлупе, и никто тебя оттуда не выколупнет.

Но стоит один раз раскрыться — всё, пропал.

Миллер раскрылся пять лет назад, когда чудом спасся при цунами в Измите. Два подростка, Кемаль и Рифат, нашли его на берегу моря, и едва не ограбили, думая, что мужик окочурился. Кое-как объяснившись, пацаны за умеренную плату отвели Миллера обратно в Измит. Они долго бродили среди развалин, прежде чем отыскали отель, в котором остались вещи и документы Роберта, абсолютно настоящие, сделанные государственной конторой. Здание наполовину развалилось, какие-то мутные типы кружили вокруг, полиции не было и в помине. Роберт кое-как пробрался в свой номер (тот, по счастью, уцелел, и там никто не успел набедокурить). Документы остались в порядке, так что ничего восстанавливать не пришлось. Спустившись вниз, Миллер расплатился с пацанами, которые, по иронии судьбы, тоже оказались близнецами, хоть и не сиаемскими, как Кругловы, выпившие у Роберта, тогда ещё Ивана Ивановича, за несколько месяцев всю кровь.

Тут бы им и расстаться, и отправиться прожигать жизнь где-нибудь на Гавайях, и он, действительно, расстался с проводниками, но шум далеко за спиной заставил Роберта оглянуться, а потом кинуть вещи и броситься обратно. Его проводников жутко метелила уличная шантрапа, которая, видимо, издавала приметила, что белый человек как-то расплатился с деревенской босотой.

Миллер в два приёма разогнал шпану, поднял на ноги мальчишек, и взял с собой. Доведёт до первого полицейского участка — и сдаст.

Полицейским было не до осиротевших угланов. Город потрошили мародёры, людей не хватало, а тут ещё какой-то иностранец требует заняться несовершеннолетними. Дежурный унтер, пообщавшись с близнецами, объяснил Роберту, что дети потеряли единственных родственников и кормильцев, деваться им некуда, но если уж привёл — пускай сидят в углу и не путаются под ногами.

— А в Стамбуле их можно в какой-то приют отдать?

— Доберётесь — отдавайте.

Миллер позвал Кемалья и Рифата с собой.

Сначала было очень трудно — ни дорог, ни транспорта, кругом крики, плач, драки... В конце, измотавшись, Роберт побросал свои шмотки, рассовал деньги и документы по карманам, и дело пошло веселей. Они покинули город, угнали чей-то автомобиль, и пару десятков километров проехали, пока не кончилось горючее. Потом опять пришлось идти пешком, но местность пошла уже не тронутая разрушениями, и вскоре они смогли поймать транспорт, который подвёз их до Стамбула.

Миллер снял номер в отеле, отправил пацанов мыться, купил им одежду, обувь, сводил в парикмахерскую, и уже в таком виде отправился с ними в полицейское управление. Там Роберта поблагодарили, обещали передать сирот в органы социальной опеки... и тут Миллер, неожиданно для себя спросил:

— А я могу взять над ними опеку?

Офицер позвонил куда-то, спросил о чём-то, сокрушённо качая головой, цокал языком,

слушая ответ, потом сказал, что, к сожалению, такие вопросы быстро не решаются. Ребят увели.

А Миллер потерял покой. Несколько раз навещал пацанов в приюте, вполне себе благородном заведении, но чувствовалось Роберту, что сиротская доля этих ребят сейчас ничуть не лучше, чем была раньше.

Спустя месяц, так и не дождавшись конкретного решения по опеке, он подкараулил директора приюта и спросил, как можно усыновить Кемалья и Рифата Нури. Директор сказал, что процедура очень долгая, к иностранным гражданам присматриваются особенно внимательно... Роберт понял, что директор просит мзды.

— Десять тысяч долларов хватит?

Директор улыбнулся.

— Чего улыбаемся? Мало? — раздражённо спросил Миллер.

Сошлись на пятидесяти.

Директор управился за три дня.

Это оказалось хлопотное, но одновременно очень интересное дело — создавать семью. Найти хорошую школу, нанять репетиторов, чтобы парни скорее нагнали программу, подружиться с соседями, вообще, произвести впечатление «высоконравственного человека».

Парни сначала дичились. Они относились к Миллеру, как к белому господину, который, если захочет — осыплет милостями, а передумает — всыплет по первое число. Однако шло время, терпеливый Роберт доказал свои добрые намерения, и братья Нури, наконец, расслабились, и стали сами собой.

Кемаль, будучи по натуре торопыгой и смельчаком, не отличался остротой разума, компенсируя недостаток силой и ловкостью. Его Миллер сразу отдал в спортивную школу, где Кемаль тут же начал делать успехи. Рифат интересовался только компьютерами, был осторожным, умным, но панически боялся боли. По этой причине в школе братья всегда держались вместе и тянули друг друга, чем ещё больше вызвали уважение опекуна.

Несколько раз ребята спрашивали у Миллера:

— Амджа, почему ты не женишься?

— Нам что, втроём плохо? — отшучивался амджа Роберт.

И всё было хорошо, и Миллер начал забывать, что когда-то был весьма опасным человеком, и фамилия у него не была такой бессмысленной и обычной, как сейчас.

Правда, в последнее время опасения вызывал Кемаль — с тех пор, как он устроился на работу, сославшись на то, что хочет сам купить себе мотоцикл, он стал отдаляться, но Роберт полагал, что так всегда с детьми, которые взрослеют.

Пока не зазвонил телефон, и Миллер не вспомнил старое правило разведчика — никогда не расслабляться.

— Иван Иванович, это Викса Цыпуштанова, помните меня? — сказал телефон девичьим голосом. — Я почти на сто процентов уверена, что нашла именно вас...

Он дослушал до конца. Это могла быть ловушка, но Роберт Миллер считал, что так заморачиваться Контора не стала бы.

Часть вторая. Эпизод 3

Викса узнала барсука сразу, как увидела. Парень, ежедневно прибиравший в их комнате, носил эту штуку на шее. У Виксы между лопаток пробежал холодок: а вдруг у него и другая фигурка есть, соединять с которой барсука ни в коем случае нельзя? Но прошло дня два, ничего не случилось, и природное любопытство Виксы в который раз победило осторожность.

— Мехмет, а можно твой кулончик примерить? — спросила она.

Мехмет, до сей поры сально улыбавшийся — надо же, русская «Наташа» сама тащит его в тёмный угол поболтать — резко изменился в лице и попытался сбежать.

— Стоять! — прошипела русская «Наташа». — Иними свои очки, когда с тобой девушка разговаривает.

— Я управляющему пожелаю.

— Это я пожелаю — скажу, что ты ко мне приставал. Сними очки немедленно!

Как и следовало ожидать, у Мехмета глаза оказались синим и зелёным. Не очень обычно для турка.

— Где взял барсука?! — продолжила допрос Викса.

— Нашёл!

— Где? При каких обстоятельствах?

— Не помню!

— Я сейчас позвоню в полицию, и у тебя эту штуку отберут.

Мехмет попытался вырваться, но русская «Наташа» оказалась не такой хрупкой, как казалась с виду. Лёгкий тычок в лодыжку, и Мехмет едва не упал на пол.

— Ох!

— Стой спокойно! Мне всё равно, как ты пользуешься этой штукой, хотя мог бы и более грамотно распорядиться таким везением. Я хочу только предупредить: тот, у кого ты спёр эту штуку — опасный человек, убийца, и если ты знаешь, кто он и где живёт — немедленно скажи мне.

Мехмет угнал машину год назад. Мехмету вовсе не нужна была машина, он проходил мимо, увидел, что салон не заперт, а в замке зажигания — ключи, вот и решил прокатиться пару кварталов.

— Прокатился?

— Ага.

— Что за машина, номер?

— Не помню я номер! Обычная машина, «форд», красный, кажется...

Мехмет едва не плакал.

— Успокойся, — сжалилась Викса. — Вспоминай, как звали владельца. Наверняка в бардачке шарил.

Мехмет шарил. Но права находились не там, а на лобовом стекле. Роберт Миллер.

— Миллер?

— Миллер, точно помню! Не турок совсем, вот я и испугался.

— Ладно, поверю. Вот что, Мехмет, драпал бы ты отсюда. А ещё лучше — избавься от этой штуковины, счастья она тебе не принесёт.

Мехмет испарился, будто и не было. А Викса отправилась искать телефонную книгу.

Робертов Миллеров в Стамбуле жило немного. Один. И Викса позвонила ему.

Миллер не брал трубку, у него работал автоответчик. Викса наговорила сообщение на русском: представилась и предложила встречу неподалёку от отеля.

— Если вы не придёте, я буду знать, что это именно вы, — закончила она своё обращение.

Странно, она совсем не боялась. Она знала, что Мезальянц — хладнокровный и жестокий убийца (о страшной смерти понапе Сорри она до сих пор не могла вспоминать без дрожи), но за свою жизнь почему-то не переживала.

Потому что сейчас её больше всего тревожила жизнь Егора и Юси. И она никак не могла решить, чья жизнь ей более дорога.

В назначенный час она приоделась, и вышла на улицу, ожидая появления хищника. В кармане у Виксы лежал баллончик с перцовым газом.

— А ты изменилась, — услышала она знакомый голос за спиной.

Как бы не готовилась Викса к этой встрече, а всё равно шпион оказался ловчее. Она подскочила на месте и обернулась к говорящему.

Мехмет спокойно смотрел на неё, с таким видом, будто они даже незнакомы.

— Ты?

— Я, — сказал стоящий рядом с Мехметом невысокий, загорелый, лысый, как бильярдный шар, но зато с пышными усами мужчина в безупречном костюме кремового цвета.

— А вы кто?

— Тот, кому ты звонила.

— Иван Иванович? — совсем обалдела Викса. — Что с вашим лицом?

— Ты об усах?

— Нет, вообще... вы сделали пластику?

— Видишь, сама всё поняла, зачем спрашивать?

— А вы что, разве знакомы? — Викса ткнула пальцем в Мехмета.

— Знакомы с кем?

— Ну, вот, с Мехметом...

Иван Иванович посмотрел на Мехмета.

— Вообще-то его зовут Рифат. Он мой... воспитанник.

— Вы тут школу киллеров открыли, что ли?

— Девочка, если ты позвала меня, чтобы наговорить гадостей — могла не стараться. И так — что за дело? Хочу заранее предупредить: шантажировать меня не надо. Хотя, полагаю, ты не для этого звонила.

Викса стояла и не знала, что сказать этому человеку. Она помнила его циничным, жёстким человеком, она знала, что он убил Сорри и мог убить остальных, но страха перед Мезальянцем по-прежнему не было.

Но больше всего её занимал Мехмет.

— Ваш воспитанник работает в нашем отеле?

— Здесь работает его брат, Кемаль, — во взгляде Ивана Ивановича начала появляться тень понимания. — Барсук у него, правильно?

— Да. Я прижала его, и он раскололся.

Мезальянц держал удар, хотя Викса видела, как ему... больно?

— Кемаль никогда не умел врать и изворачиваться, — сказал он тихо. — Ты его отпустила?

— Я сказала, что вы убийца и будете его искать.

Иван Иванович кисло улыбнулся:

— Мне нравятся твои методы.

— А мне нужна ваша помощь.

— Девочка...

— Виктория.

— Виктория, ты мне сейчас сообщила самую дрянную новость за последние пять лет. Я был

уверен, что мои сыновья... воспитанники доверяют мне...

Он не стал рассказывать, что именно испытал, когда у него угнали автомобиль. Миллер всего на пару минут заскочил в магазин — купить сигареты — а когда вышел, машины уже не было. Он вспомнил, что на брелоке висел барсук, и сначала ужаснулся. Он хотел позвонить в полицию, а потом испугался ещё больше: вдруг найдут, вдруг увидят барсука, вдруг узнают, зачем амулет нужен?

В прострации он прошагал несколько кварталов в сторону дома, и увидел свою машину. Она была припаркована на обочине, без ключей, но целая и невредимая. Видимо, угонщик прочувствовал силу барсука и не захотел расставаться.

Несколько дней Роберт не мог спать, есть, пить и думать о чём-то, кроме как об украденном артефакте, даже в больницу загремел с подозрением на инфаркт. Но отлежался, и в одно прекрасное утро понял, что неизвестному угонщику должен ноги мыть и воду пить! Вор будто жёрнов с шеи украл. Видимо, так эти артефакты дебильные и переходят из рук в руки — кто-то стибрил, и попался на крючок магической железяки.

Но всё это были слишком интимные, слишком мягкие мысли, чтобы доверять их чужой, в общем-то, девице.

И теперь оказывается, что собственный сы... да сын же, Мезальянц давно относился к парням, как к сыновьям! И собственный сын обокрал его, да ещё и разболтал первой же девчонке, у кого спёр артефакт?!

— Амджа, что случилось? — спросил Рифат, до сих пор с середины на половину понимавший, о чём опекун говорит с этой красивой русской девушкой.

— Кемаль... — сказал амджа. — Кемаль попал в беду.

— Из-за неё?

— Нет. Из-за меня.

Какое-то время амджа стоял, сдерживаясь, а потом разразился такой длинной и громкой тирадой, что Рифату и Виксе стало страшно. Из приличных русских слов там были только междометия и местоимения.

— Где он?!

— Не знаю, — растерялась Викса.

— Ну, ты же меня за этим отыскала, нет?! Мало показалось, как вы об меня тогда ноги вытирали, так ты сейчас добить решила?

Викса сжала губы и ударила Мезальянца в нос. Тот, видимо, окончательно утратил бойцовские качества, потому что пропустил удар, и кровь закапала у него из носа.

Вид крови вернул Виксе и уязвлённому опекуну ощущение реальности. Викса быстро залезла в сумочку, достала стерильные салфетки и помогла Мезальянцу остановить кровь. Рифат от этого зрелища сомлел.

— Чего это он у вас такой малахольный? — спросила Викса у Ивана Ивановича.

— Тонкая душевная организация, не то, что у тебя, — немного гнусаво из-за заткнутого носа ответил Мезальянц. — Хорошо ударила, весь костюм мне испортила.

— Не надо было глупостей говорить. Я вам совсем по другой причине звонила.

— Вот так вдруг увидела моего... увидела Кемалья — и сразу позвонила?

— Я и не собиралась звонить, я думала, что делать. А тут случайно Мехмет... то есть Кемаль. Это как судьба, понимаете? У меня мальчики пропали...

— А откуда у тебя штатовская виза? — спросил Мезальянц уже в самолёте. — Мне потребовалось вложить в их экономику полмиллиона баксов, а ты...

— А я в школе хорошо училась, — ответила Викса.

У Виксы после невольного путешествия в Микронезию появилась цель — путешествовать

по миру. Лэйла — лучшая Викина подруга по переписке, — подсказала ей, что для этого нужно сделать.

Оказалось, что в мире куча международных детских конкурсов и обменов. От Викисы требовалась лишь примерная учёба и заинтересованность в победе. На Виксу в школе едва не молились! Она участвовала во всех олимпиадах, во всех соревнованиях, углублённо изучала английский, переписывалась с детьми из четырёх стран, словом — проявляла чудеса воли и упорства. И они через три года дали плоды: Виксу начали приглашать на все эти международные встречи, форумы, выставки. Сначала из области подталкивало вверх управление образования, которому нужны были галочки в плане работы. Затем подключилось управление культуры, и Виктория Цыпуштанова стала палочкой-выручалочкой области аж на международном уровне.

Разумеется, Лэйла со Змеем порой помогали деньгами — Викины родители, обычные милиционер и медсестра, не могли финансировать все зарубежные поездки дочери. Но для четы Монтазио это не было в тягость.

Одноклассники Виксу, кстати, тоже любили — она не зазнавалась, всегда давала списывать, а если кто пытался ей хамить, или даже наносил оскорбление действием — прибавала обидчика на месте.

— Стало быть, — усмехнулся Мезальянц, — ты тот самый продукт советской педагогики — гармонично развитая личность?

— Я вам нос сломаю.

— Вижу, что погорячился — старших уважать тебя не научили.

— Даже наоборот — объяснили, что уважение надо заслужить.

— Вот как? То есть я, взрослый седой человек...

— Лысый.

— Не лысый, а бритый.

— Без разницы, седины я не вижу.

— А возраст мой ничего для тебя не значит? Что я жил дольше тебя, видел больше тебя, знаю больше тебя...

— Ваш опыт я, безусловно, уважаю и даже побаиваюсь, потому что знаю, что вы умеете. Но уважать просто возраст? К возрасту можно относиться снисходительно, но это слово не является синонимом уважения.

— А учёная степень? Военское звание?

— Это уже вопрос субординации. Безусловно, я буду вынуждена подчиняться приказам старшего по званию, когда буду работать в милиции. Но если он вдруг окажется дураком, могу ли я его уважать? Учёная степень тоже может быть получена за какую-нибудь ерунду. Так что уважение можно только заслужить.

— То есть мне придётся твоё уважение заслуживать?

— А оно вам нужно? Я ведь даже не знаю, почему вы согласились мне помогать.

Если бы Иван Иванович сам это знал...

Кемаль сбежал из дому. Просто исчез, даже переодеться не зашел. Может, испугался, что отберут барсука, может, переживал, что не смог выкрутиться и выдал имя опекуна. Мезальянц теперь очень жалел, что объяснил Кемалю и Рифату, что это за артефакт, и почему амджа с ним не расстанется. Ему казалось, что доверие — лучший способ достучаться до пацанов. И с Рифатом это, похоже, сработало, а вот Кемаль нуждался, видимо, в другом подходе. Может, в сильной руке? Рифат рассказывал, что тётка с дядькой, у которых они жили до землетрясения, наказывали за малейшую провинность. Так что, некоторым требуется всыпать по первое число, чтобы они чувствовали внимание и живое участие в их судьбе.

После известия о предательстве Кемаля, — а иных слов в лексиконе Мезальянца не

нашлось, — Иван Иванович стал подозревать, что и Рифат к нему относится тоже как-то потребительски. А что? — амджа покупает шмотки и еду, амджа никогда не спрашивает, зачем нужен роутер или широкополосный интернет, амджа никогда не даёт компьютеру устареть, амджа, не скупясь, даёт то, что требуется.

— Мне надо уехать, — сказал Мезальянц Рифату на следующий после встречи с Виксой день. — Ты сможешь самостоятельно прожить две недели?

— Амджа, можно, я с тобой? — спросил Рифат.

Иван Иванович продумывал этот вариант. С одной стороны — лестно. С другой стороны — Рифат умный, мог просчитать ходы наперёд, и предположить, что амджа всё равно не возьмёт его с собой. К тому же, вполне возможным мог оказаться вариант, что Рифату понравилась Викса, и он хочет поближе познакомиться.

— Не стоит, Рифат. Не обижайся.

— Не обижайся.

Последнюю фразу они произнесли в один голос. Если бы Мезальянц умел — прослезился бы. Но он не умел, поэтому слёзы выступили только у Рифата. Мезальянц неловко обнял воспитанника и пошёл собирать вещи в дорогу.

Когда сумка была упакована, он позвонил в отель, где жила Викса, и попросил соединить с номером госпожи Цыпуштановой.

Трубку сняла Викса.

— Я в деле, — сказал Мезальянц.

В это время у Викса плела заговор.

Из Микронезии прилетели Монтазио — Лэйла, Змей и маленькая Вики. Встреча была шумной, полной объятий, радостных возгласов, детского лепета и сюсюканья. Когда у мамы случился очередной приступ «Викусенька-маленькая-сладенькая-иди-я-тебя-полюбаю», Викуся-большая отозвала Лэйлу на пару слов.

— Лэйла, мне нужно свалить, — сказала она подруге шёпотом.

— Ты с дуба рухнула, мать? — удивилась Лэйла по-русски, но с сильным акцентом. — Мы только приехали, а ты — «свалить».

— Лэйла, это важно. Я по мальчикам соскучилась.

— Я тоже соскучилась. Потерпи немного, мы туда собирались на Рождество...

— Ну... — Викса мучительно искала повод, чтобы сказать правду — и не беспокоить Лэйлу. Если ей сказать, что Егор с Юсей пропали — она бросит всё и сама улетит в Штаты. За мальчиков Лэйла землю рыть будет.

— Я люблю их, — выпалила Викса, зажмурившись.

Прошло несколько секунд томительного молчания.

— Ну, выдыхай уже, выдыхай, — сказала Лэйла.

Викса выдохнула и открыла глаза.

— Объяснись, мать, что ты мне такое сейчас сказала.

Викса покраснела.

— Я их люблю.

— Я тоже.

— Я не так люблю.

— Я поняла. Сразу двоих?

— Не знаю.

— Дура. И сама изведёшься, и мальчикам головы заморочишь. Ты же не сможешь быть с кем-то одним!

— Вот я и хочу разобраться в чувствах.

Лэйла посмотрела на Виксу с подозрением.

— Не могу понять — врёшь ты, или правда влюбилась.

— Да я сама понять не могу. Лэйла, ну пожалуйста, ну отправь меня к ним!

— Без фанатизма, мать, без фанатизма! И без глупостей там. Сведёшь их с ума — я тебе сама вендетту устрою, поняла?

— Поняла.

— То-то. Виза у тебя есть?

— Да, у меня трёхмесячная ещё не истекла.

— Мать, я на себя грех беру, будешь должна.

— Лэйла, всё, что захочешь!

— Ужас, на старости лет сводничеством занялась, — пробормотала Лэйла. — Повторяю — без глупостей!

Операция прошла без сучка, без задоринки. Мама для порядка покуксилась, но она так умилялась Виксе-маленькой, что сопротивляться не стала.

Ах, если бы мама с Лэйлой знали! Они узнают, конечно, но потом, когда Вика вернётся с победой.

Только бы успеть вовремя.

Часть вторая. Эпизод 4

С самого начала они договорились — никаких уже «Иванов Ивановичей», его зовут Роберт, в крайнем случае — мистер Миллер. Если вдруг ФБР решит взять их в оборот — не юлить, говорить правду, потому что ложь легко проверяется. Они разыскивают друзей, которые пропали. Всё, держаться этой версии и не выдумывать новых.

Консьерж, худощавый афроамериканец, сказал, что братья уехали на такси за два часа до регистрации на рейс, они сами об этом говорили, но об этом он уже говорил федеральным агентам. А вы кто, собственно?

— Невеста, — сказала Вика.

— Чья?! — хором спросили Роберт и консьерж.

— Это вас не касается, — ответила девушка. — Мы можем осмотреть квартиру братьев?

Консьерж, деморализованный признанием госты, легко согласился показать им апартаменты братьев Krugloff. Всё равно там ничего не было.

Дверной проём был крест-накрест перекрыт жёлтой лентой с надписью «место преступления». Консьерж открыл дверь, и Вика легко проскользнула под запрещающий знак и осмотрелась. В апартаментах царил бардак: федеральное бюро расследований перерыло здесь всё, и вряд ли оставило хоть какую-нибудь улику.

— Что ты хочешь здесь найти? — спросил мистер Миллер.

— Не знаю... Намёк какой-нибудь...

— Пока не знаешь, какой намёк, искать его бесполезно.

— А что вы предлагаете?

— Вспомни все имена, которые они тебе говорили. Ты же сказала, что Юся там что-то подозревал.

— Саботаж он подозревал. Говорил, что в лаборатории «крот».

— Вот от лаборатории и надо плясать.

— От неё наверняка уже и федералы пляшут.

— Нам нужна не сама лаборатория, а список работников. Если «крот» среди них, он не должен был лететь тем рейсом, правильно?

Вика растерялась.

— Я не подумала.

— Я так и понял. Пошли, нам здесь больше делать нечего.

Они вышли из квартиры, и тут консьерж заговорщицки спросил:

— А вы разве не хотите знать, кто ещё сюда приходил, кроме федеральных агентов?

— Кто же?

— Женщина, — подмигнул консьерж Виксе. — Симпатичная, но на костылях. Я подумал — может, у них что-то романтическое, а тут вы говорите, что невеста...

— Не поняла, — посуровела Вика. — Вы на что намекаете?!

— Спокойно, мисс, я ведь не знаю, чья вы именно невеста...

— О женщине ещё можно? — попросил мистер Миллер.

— Ну, такая... эффектная. Если бы не костыли...

— Почему костыли?

— Она ходила странно. У моего брата церебральный паралич, он примерно так же ходит.

— Ты что-нибудь про костыли и паралич знаешь? — спросил Роберт у Вики.

Та отрицательно помотала головой. О таких подробностях речи не шло.

— Ладно, поставим галочку. Едем пробивать список.

Уходя, мистер Миллер сунул консьержу в карман президента Франклина и сказал:

— Если федеральные агенты будут нами интересоваться, скажите, что мы остановились в отеле «Метрополитен». Всего хорошего.

— Зачем вы ему это сказали? — спросила Вика. — Он же позвонит в бюро!

— Совсем наоборот. Мы зарекомендовали себя хорошими людьми, которые беспокоятся о судьбе близких и которым нечего скрывать. Он и рта не раскроет, пока о нас не спросят.

— Откуда вы знаете?

— Опыт. Вежливость и дружеское отношение ценятся очень дорого, а не стоят ни копейки.

Вика с сомнением хмыкнула.

Список погибших они нашли быстро — он висел в сети. Пока Вика пыталась выцарапать из открытых источников, кто именно работал под началом доктора Дарка, мистер Миллер изучал прессу на предмет упущенных деталей. И когда Вика готова уже была идти напролом, и звонить в Центр прикладных исследований, чтобы там получить полный список сотрудников проекта «Порт», Роберт громко присвистнул.

— Что случилось? — спросила Вика.

— У тебя хорошее зрение?

— Не жалуюсь.

— Смотри сюда.

Вика встала из-за компьютера и подошла к Роберту.

— Видишь эту женщину?

На фотографии с похорон в толпе скорбящих была запечатлена сидящая в кресле молодая женщина в чёрном костюме.

— И?

— Вот другое фото.

В другой газете та же женщина принимает соболезнования мэра. Подписано — Люси Дарк, вдова доктора Д. Дарка.

— Ну, что я должна увидеть?

— Не торопись. Вот главный ракурс.

На третьей фотографии, панорамной, Вика не сразу увидела Люси, но когда заметила — ахнула. У Люси были костыли.

— Обалдеть можно.

— Учись, пока я жив.

— Между прочим, если бы мы не заглянули к мальчикам на квартиру, мы бы ничего про костыли и не знали.

— Резонно. Но ты шарила наобум, а я применил методологию. Учиться тебе и учиться.

— Хватит уже, мистер Миллер. Я, кажется, никогда в вашей профпригодности не сомневалась.

— Принято. Ну что, нанесём визит миссис Дарк?

— Приходи к нам, тётя утка, нашу крошку покачать... — пробормотала Вика.

— Почему утка?

— «Тёмный» и «утка» на английском похоже звучат.

Дома «тёти утки» не было. Соседи сказали, что миссис Дарк, с тех пор как узнала о смерти мужа, потеряла покой — мотается туда-сюда, не может остановиться. Вот и сейчас уехала куда-то. Тут и федеральные агенты были, хотели что-то уточнить, а Люси в отлучке.

— Кажется, федералы и впрямь не зря хлеб едят, — сказал Роберт, выруливая прочь из комьюнити, в котором проживали Дарки. — Подозреваю, что эта Люси какой-то косяк допустила. Как бы из-за этого косяка и нам худо не пришлось.

— Я не отступлю! — предупредила Викса.

— Да кто бы сомневался, — усмехнулся мистер Миллер. — Невеста...

Звонок из Турции от Лэйлы оказался полной неожиданностью.

— Мать, ты как там, в чувствах разобралась? — спросила Лэйла.

— Я? Э... нет. Нет, ещё не разобралась, но близка к тому.

— Мальчики там далеко?

— Что?

— Мальчики, говорю, далеко?

— Э... нет, они сейчас туалет принимают... то есть душ... умываются, короче. Им же на работу...

— Мать, что ты несёшь?! Виктория, я требую немедленных и честных ответов!

В животе у Виксы стало пусто и холодно.

— Я готова, — сказала она. — Спрашивай.

— Что с мальчиками, ты выяснила?

— Что...

— Виктория, не заставляй меня разговаривать грубо! Мы с тобой подруги, но то, что ты меня использовала втёмную, заставляет меня думать, что дружба наша какая-то односторонняя.

— Как ты узнала?

— Мать, Змей регулярно звонит мальчикам, не думай, что мы вовсе не интересуемся их жизнью. От них больше двух недель ни слуху ни духу. Мы сначала чуть не умерли, когда думали, что Егор с Юсей полетели на том самолёте, но, слава Иисусу, в списках погибших их не было. Они нам сообщили накануне, что из-за несчастного случая взорвалась лаборатория и они на больничном. Но в больнице их нет, дома нет, на электронную почту не отвечают. Только странное письмо Змею, удивительно — Змей вообще не пользуется электронной почтой.

— А что в письме?

— Ничего. Видимо, кто-то из мальчиков по ошибке переслал письмо начальника.

— Какое письмо?

— Ваучер отеля в Лас-Вегасе и сообщение — «Люси никогда не чистит корзину». Виктория, я требую ответа.

Викса стала отвечать. Нет, Егора с Юсей она не нашла, хотя улетела именно на поиски. Да, зацепка есть, именно через Люси, хотя при чём здесь корзина — неясно. Да, всё серьёзно, мальчиков разыскивает ФБР, видимо, инвестор проекта сильно озабочен утечкой информации. Да, люблю. Юсю.

Как Лэйла умудрилась выжать из неё эти слова?!

Установилось молчание.

— Давно?

— Не знаю. Может, с детства, может, недавно.

— Бедная девочка... Найди их. Найди непременно. Маме твоей я пока ничего говорить не буду.

— Майк, вы настоящий герой, — сказала Кларисса. — Ещё бы немного — и парень умер бы от переохлаждения. По счастью, организм молодой и сильный, так что жить будет.

— Что у него с лицом?

— Рассёк щеку льдом, будет шрам, но ничего серьёзного.

— Он местный?

— Нет, я его не знаю. Он говорит...

— Что?! Он в сознании?!

— Да. Но ничего не помнит.

Сначала навестить парня приехал шериф Норберт.

Неизвестный сидел в кровати, половина лица была скрыта повязкой, воняло заживляющей мазью.

— Привет.

— Здравствуйте, сэр.

— Я Фил Норберт, местный шериф. Буду вести твоё дело.

— Да, сэр.

— Мне сказали, что ты ничего не помнишь.

— Абсолютно, сэр.

— Парень, тебя подобрал в горах Майк Дочеф. Он в этом городе что-то вроде большой шишки — у него цементный завод, он даёт рабочие места половине горожан.

— Это... кхм... круто?

— Не без того. Я хочу сказать, что он готов оплатить твоё лечение.

— Спасибо, сэр.

— Скажешь ему сам при встрече. У тебя, кстати, странный акцент.

Парень задумался.

— Думаю, английский не мой родной язык.

— Вот даже как? Какой же твой родной?

Парень замолчал. Потом удивлённо посмотрел на шерифа:

— Кажется, русский!

— Надеюсь, ты не бандит?

— Ничего не могу утверждать, сэр...

— Окей, думаю, пока твои руки и лицо не заживут, устанавливать твою личность всё равно проблематично. Я пробую, конечно, базы пропавших без вести и прочих разыскиваемых, но что-то мне подсказывает, что ты не из таких. Имя своё помнишь?

— Кажется, Егор.

— Yekhor?

— По-английски — Джордж.

— Окей, Джордж, отдыхай.

Изыскания шерифа ничего не дали. Никто, хотя бы приблизительно похожий, без вести не пропадал — ни в окрестностях, ни в штате, ни в стране.

Прошло несколько дней и Дочеф решил сам навестить спасённого.

Парень ему неожиданно понравился. Словарный запас богатый, будто парень университет, или хотя бы колледж закончил. Поболтав о том, о сём, Майк сказал Джорджу, что производит цемент и производные. Парень из вежливости сказал, что это очень интересно.

— Разве? — криво усмехнулся Дочеф. — Никто не думает о цементе.

— О воздухе мы тоже не думаем, — пожал плечами Джордж. — Однако дышим.

— Ну, о воздухе я кое-что знаю: в нём шестнадцать процентов собственно кислорода и семьдесят два процента азота, и по мелочи углекислоты и инертных газов.

— Я тоже кое-что знаю о цементе, — улыбнулся парень.

И довольно внятно изложил физические и химические законы, благодаря которым оксиды кальция, кремния и алюминия образуют крепкое соединение (требуется отжиг при температуре примерно четыре тысячи четырёхста градусов Фаренгейта). В качестве гидратизатора используется алебастр.

При слове «алебастр» Джорджа начинал разбирать смех. Почему-то «алебастр» показался ему таким смешным словом, что хохот прямо из живота рвался наружу, и Дочеф подумал, что у парня не все дома.

Но, несмотря на «полный бардак на чердаке», Дочеф был приятно удивлён. Почти никто из обывателей не знает, как получается цемент. Все знают одно — если развести его водой, серый порошок превратится в кашу, а потом застынет в той форме, в какую эту кашу заливают. И если спросить, чем отличаются друг от друга марки цемента...

Марки цемента, сказал Джордж, отсмеявшись, определяются по степени сжатия, от ста бар до шестисот, с шагом сто. Шестисотая марка относится к военным цементам. Самая распространённая марка — Портленд, Соединённые Штаты входят тройку лидеров по производству цемента, средняя стоимость тонны — сто долларов.

Дочеф открыл рот. Может, это Господь уронил парня под колёса «чероки»? Немного его подучить, разъяснить тонкости...

На следующий день Майк снова навестил пациента, и они поболтали более двух часов о королях и капусте. Дочеф всё больше проникался симпатией к Джорджу. Будет очень обидно, если он окажется банальным мафиози, хотя уровень подготовки этого молодого человека просто обескураживал.

Майк предложил Джорджу остаться в городе, пока к нему не начнёт возвращаться память. Снял ему комнату в городе, назначил оклад и устроил к себе на завод консультантом. Парню торопиться было некуда, и он взялся за дело.

Майк нарадоваться не мог. Джордж легко разобрался не только в производстве, но так же в маркетинге и логистике цемента и бетонных конструкций. Он настолько оптимизировал завоз сырья и сбыт готовой продукции, что Дочеф стал подумывать о завоевании рынка не только Колорадо, но и соседних штатов.

Но Джордж приносил не только бонусы, но и проблемы. Как-то зашёл с очередным пакетом договоров, и как бы между прочим, спросил:

— Сэр, разрешите личный вопрос?

Майк едва не поперхнулся своим кофе.

— Валяй, только быстро — видишь, сколько работы?

— Да, сэр. Как бы мне организовать водительские права?

Вот так вопрос.

— Права? А у тебя что — до сих пор нет прав?

— Нет, сэр. По городу я иногда езжу на вашей машине, сэр, шериф закрывает на это глаза, потому что я уже не поспеваю на своих двоих, но за пределы города мне уже не выехать. Мне нужен хоть какой-нибудь автомобиль и документы.

Самое обидное — он был прав. Ему действительно нужна машина, потому что на Джордже теперь висела и механизация производства. Ну, ладно, по Грэнби он и впрямь гоняет на джипе, спасибо Филу, что не лезет в бутылку. Но парню надо удлинить цепь, иначе он её порвёт.

— Окей, я поговорю с Филом, узнаю, что можно для этого сделать.

— Спасибо, сэр.

Права — это документы. Документы — это проблемы. Откуда человек, как здесь оказался, почему миграционная служба не знает ни о каком русском?

Хорошо, что Фил Норберт, несмотря на общую свою недалёкость, давно уже нашёл простой и эффективный способ легализовать парня. Скрыть Джорджа на Mountain Park не получится — слишком много на него сейчас завязано дел. К тому же зарплата тоже должна на какое-то имя начисляться — не за еду же он работает.

Год назад в горах погиб Роджер Абрахамс, приехавший из колледжа на рождественские каникулы. Документы покойного по инструкции уничтожались в присутствии специальной комиссии, но обычно этим занимался шериф, а специальный акт члены муниципалитета подписывали задним числом.

Норберт не уничтожил ни одного документа. У него была целая «картотека покойников», как он её называл. Фил не знал, когда и зачем ему пригодится эта куча документов, но — вдруг пригодится?

Вот и пригодилось.

По всем финансовым документам Джордж проходил как Роджер Исидор Абрахамс. Об этом не знал никто, кроме бухгалтера и делопроизводителя. Зарплата Джорджу выдавалась кэшем, в два раза меньше, чем по бумагам. Может, Джордж и подозревал о чём-то, но пока не рыпался. Возможно, и впрямь что-то помнил из своего прошлого, и оно не было безоблачным.

Впрочем, его отпечатки Норберт пробил сразу, как парень вышел из больницы. Джордж был абсолютно чист, система о нём ничего не знала. Джон Доу какой-то.

Так Джордж получил водительские права. А Дочеф продал ему за сто долларов свой старый «форд-эскорт». Майк никогда не выбрасывал свои старые автомобили, их у него со времён первого «плимута», на котором он гонял в школу, было ровно десять.

На «эскорте» Майк ездил в лучшие годы своей жизни — когда он только начинал своё дело и был влюблён в Сьюзен. «Эскорт» возил их в Калифорнию, в свадебное путешествие. На заднем сидении «эскорта» была зачата Элизабет (с тех пор она и ездила только там). «Форд» возил Майка почти десять лет, и именно в это время его заводик рос, как на дрожжах, и сам Майк набирал вес в городе.

А потом «форд» начал ломаться, всё чаще и чаще, заниматься ремонтом «счастливой» машины было некогда, и Дочеф поставил её в маленький ангар, где стояли его первый «плимут», подаренный отцом, и купленный на свои первые деньги «шевроле».

— Приведёшь в порядок — прослужит ещё сколько-то, — сказал Дочеф Джорджу. — Потом купишь новую.

Несмотря на то, что Джордж был ему обязан жизнью, Майк чувствовал перед парнем вину. Будто силой удерживает его в городе. На самом же деле у Дочефа будто родительский инстинкт проснулся. Он хотел не дочь, а сына, чтобы было кому передать дело. Майк не был старым, но Сьюзен уже точно не отважится на нового ребёнка, Бет спала и видела себя адвокатом в Лос-Анджелесе, а сам Дочеф с недавних пор начал тяготиться своим цементным детищем. Что толку, что он расширил производство? Азарт молодости прошёл. В жизни надо было что-то менять.

И вот представился такой случай — толковый парень, который никуда не торопится и ничего не помнит, идеальный случай начать жизнь заново. Пусть и чужую.

Единственное, что раздражало — это то, как Джордж спелся с Химейером. Все автомеханики округа отказались чинить старый «форд», и только Марвин-мать-его-так-Химейер взялся. И всё своё свободное время парень проводил в его компании за починкой «форда».

И главное — что там Химейер плетёт про Майка? Запретить Джорджу якшаться со строптивым автомехаником Дочеф не мог, но и просто стоять в стороне было нельзя. Марвина надо было выдавить из города. Чёрт, надо было просто купить парню новую машину, опять пожадничал, идиот.

Впрочем, Джордж, если даже Марвин что-то ему и плёл об этой истории с двумя акрами ничейной земли, никак не реагировал. Может, у парня чувство благодарности очень сильное — редкое в наши дни качество, мало кто может быть искренне благодарен, все больше досадают, что кому-то чем-то обязаны.

Часть вторая. Эпизод 5

Марвин не понимал, почему Джордж улыбается, когда слышит слово «алебастр». Этого не понимал никто, даже сам Джордж. Но, если в поле его зрения находился, допустим, алебастровый Иисус, или кто-то упоминал об этом материале, как по лицу Джорджа расплывалась довольная, изрядно тупая ухмылка.

Очевидно, в прошлом у парня было что-то невероятно смешное, связанное с гипсом.

— Подай мне свечной ключ, — попросил Марвин, когда Джордж закончил улыбаться.

Джордж полез в ящик с инструментами и достал ключ.

— Ну как, муниципалитет уже оформил тебе социальную страховку? — спросил Марвин, выкручивая одну свечу за другой.

— Майк говорит, всё уже сделано, — Джордж забирал свечи у друга и бросал в ведро. — Но ты же знаешь его — будет тянуть до последнего. Мне надо придумать план, как заставить его отдать документы.

— О, — протянул Марвин и вылез из автомобиля. — Это будет тринадцатый подвиг Геракла.

— Почему?

— Потому что, парень, всё в этом городе прогнило. И в стране тоже.

Прокаленные свечи уже ждали на краю верстака.

«Форд» 1985 года, который недавно получил в личное пользование Джордж, за последнюю неделю принял, наконец, облик американского автомобиля, а не старой повозки времён покорения Дикого Запада. Всё-таки Марвин был мастером на все руки.

— Ну-ка, садись за руль и заведи машину, — сказал мастер Джорджу.

Тот сел за руль и повернул ключ зажигания.

«Эскорт» послушно завёлся.

— Ага, я же говорил! — обрадовался Джордж.

— Для начинающего ты слишком хорошо разбираешься в машинах, — похвалил Марвин. — Ты уверен, что не работал в автосервисе?

— Руки не помнят, — пожал плечами Джордж. — Я рукам доверяю больше, чем голове. Возможно, у меня когда-то была машина, и я знаю, как она устроена?

— Ладно, глуши мотор.

Марвин закрыл капот и протёр его тряпочкой:

— Готово!

— Марв, ты просто маг и чародей! Сколько я тебе должен?

— Сейчас как дам в лоб — и мы в расчёте.

— Нет, Марв, правда! Ты же заново собрал тачку, просто с нуля.

Марвин не торопясь подошёл к рукомойнику, намочил руки и начал ожесточённо тереть их мочалкой. Смыв грязь, вытер ладони и лицо бумажным полотенцем.

На лице остались чернильные разводы. Джордж заржал.

— Чего ты? — удивился Марвин, посмотрел в зеркало — и всё понял.

— Опять ты со своими каракулями. Не мог выбросить в ведро?

— Я нечаянно.

— Нечаянно он... что, опять накрыло?

Джордж виновато улыбнулся. Бывали времена, когда он напрочь отключался от реальности, и черкал на любой поверхности один и тот же фрагмент электросхемы: замыкание на контур какой-то энергоустановки. Эта схема преследовала Джорджа в любое время суток. Он пытался

дорисовать систему, но выходила всегда какая-то ерунда. Эта лакуна бесила его больше, чем отсутствие бытовых воспоминаний. В этой схеме, как казалось Джорджу, спрятана вся его жизнь.

Умывшись заново, Марвин аккуратно присел на край капота и сказал:

— Джордж, я тебе просто помог. Если бы Бог дал мне такие мозги, как у тебя, Дочеф бы у меня в ногах ползал, и муниципалитет лизал задницу не ему, а мне. Это самое меньшее, что я мог для тебя сделать. Делай что хочешь — воруй эту страховку, пытай Дочефа, но беги отсюда прочь. Скоро здесь будет настоящий ад.

— А ты хотел бы, чтобы тебе кто-то лизал задницу? — спросил Джордж.

Мартин горько усмехнулся.

— Джордж, этот мир так устроен. Либо лижешь ты, либо лижут тебе.

— Я не лижу.

— Потому что Дочеф боится тебя.

— Меня?

— Ты заметил, что он позволяет тебе общаться со мной, хотя и не одобряет нашей дружбы? Потому что он боится, что ты взбрыкнёшь. Без твоих мозгов дела у него шли не ахти. То есть, конечно, он вполне успешный бизнесмен, но у него куча средств вылетала в трубу. Ты сэкономишь ему сотни тысяч долларов — что на налогах, что на производстве. Потому он и не отпускает тебя, и так тянет с оформлением страховки. Ты — его счастливый билет. Он не понимает и половины из твоих нововведений. Всё его богатство — от хитрости, не от ума. И поэтому, едва ты покинешь эту вонючую контору, дела у него опять будут идти так себе, без взлётов.

— Так давай махнём вместе? — предложил Джордж. — Смотри, какая тачка классная получилась! Доедем до Калифорнии, а там придумаем, чем заняться.

— Я обдумаю твоё предложение, когда ты получишь свои документы. Правда — обдумаю. Всё равно я собираюсь покончить со всем этим.

— Наконец-то! — обрадовался Джордж. — Давно пора.

— Ладно-ладно, собирайся давай, времени уже много.

Марвин открыл ворота мастерской, и Джордж аккуратно вывел машину на улицу. Опустил стекло на двери и спросил:

— Тебя подвезти? Или опять здесь ночевать останешься?

— Езжай, я, наверное, здесь останусь. Дома всё равно только ящик да пиво, ну их совсем.

— Споки-ноки!

— Споки-ноки, парень. Не проспи завтра!

Ночной сторож цементного завода Mountin Park, на территории которого оказалась заключена автомастерская Марвина Химейера, поднял шлагбаум, выпуская Джорджа в город.

— Джордж, ты машину починил? — спросил сторож.

— Это всё Марв. У него просто золотые руки.

— И ослиное упрямство.

— Что есть — то есть. Удачного дежурства, Уолли.

— Спокойной ночи.

Джордж выехал на Вест-Мидоуроуд и покатил в свою конуру, немного уязвлённый заявлением Уолтера.

Часть вторая. Эпизод 6

Джордж не любил, когда о Марвине рассказывали гадости. Характер у механика был, конечно, не самый мягкий и уживчивый, но ведь это он находился в состоянии войны с целым городом, и в первую очередь — с цементным заводом Mountain Park.

История началась с земли — чуть более двух акров — которая раньше принадлежала Марвину. Он купил её двенадцать лет назад по остаточной стоимости за сорок две тысячи долларов у разорившейся компании, для чего продал свою долю в денверском автосервисе. Марвин планировал построить здесь большой развлекательный центр: с гостиницей, игорным домом и прочей требухой, которая так нравится праздным зевакам, мчащим каждый день по трассе 40 мимо. Вбухав последние деньги в проект, Химейер представил его в муниципалитете. Но, хотя это был самый большой город в округе — почти две тысячи жителей — никто из местных не поддержал Марвина в его идее выкачивать деньги из проезжающих. Мэр, старый уже человек, принадлежавший к баптистской церкви, резко осудил намерения Химейера, и его проект завернули. Так как народу в округе было немного, и все автомобили Марв починил, работы стало не хватать, и, в конце концов, Марвину пришлось уволить двоих помощников и самостоятельно сводить концы с концами, тоскливо разглядывая свои два акра пустующей земли.

А потом упали проценты по кредитам, и в Колорадо начался строительный бум. Строились все — крупные компании и маленькие фирмы, богатые и бедные землевладельцы. А там, где идёт строительство, всегда нужен цемент, сухие смеси для отделочных работ, и дела цементного заводика Mountain Park вдруг пошли в гору. Очень скоро производственных мощностей стало не хватать, и Майк Дочеф, владелец завода, предложил своему соседу Марвину Химейеру продать эти два злосчастных акра по вполне приемлемой цене — двести пятьдесят тысяч долларов.

Бизнесмены ударили по рукам и совсем уже готовы были подписать договор купли-продажи, как Марвин совершенно случайно услышал разговор Майка с агентом по недвижимости, который вёл их дело.

Земля, исходя из текущего экономического положения в стране, стоила больше миллиона долларов. Выгода, которую получал Дочеф от этой операции, составляла почти девятьсот тысяч. Риэлтор знал об этом, и за дополнительное вознаграждение — те же двести пятьдесят тысяч — ввёл Химейера в заблуждение. Марвин сжал кулаки, но выяснять отношений не стал.

Вместо банального мордобоя на встрече в муниципалитете, когда обе стороны должны были торжественно подписать оба экземпляра «сделки века» по местным масштабам, Марвин взбрыкнул. Он сказал, что продаст землю не меньше, чем за четыреста пятьдесят тысяч долларов.

Заговорщики переглянулись, но время поджимало Дочефа, и он, несмотря на нежелание платить, согласился с этой суммой. Согласился слишком легко. И Марвин тут же поднял цену до миллиона долларов.

Эта цена ни Дочефа, ни риэлтора уже не устраивала. И Марвин сказал, что продаст землю только за миллион долларов, и это его последнее слово, пусть хоть небеса упадут.

Возможно, завяжись эта потасовка где-нибудь в Денвере, или Нью-Йорке, всё обернулось бы иначе — или Марвин получил бы свои деньги, или остался бы при своём пустыре. Но муниципалитет Грэнби был кровно заинтересован в цементном заводе. Расширение производства гарантировало новые рабочие места, очередной расцвет захиревшего было городишки с почти столетней историей.

И муниципалитет реквизирует пустырь у Химейера, как бесхозную землю. Что и говорить

— Марвин не особенно следил за этими акрами, да и разве уследишь за чёртовой прорвой земли? Здесь нашлась стихийная свалка мусора, несколько мест, где тусовались подростки — следы костров, бутылки, банки, использованные презервативы... Словом, землю реквизируют и передали Дочефу. Практически бесплатно.

Марвин несколько раз пытался отстоять свои права в суде, но нанять хорошего адвоката не мог, а его доводы суд в расчёт не принимал. Более того — нарушителя спокойствия стали усиленно выдавливать из Грэнби. Мастерская Марвина оказалась окружена цементным заводом, теперь к нему никого не пропускали, отключили воду, газ и канализацию. Химейер хотел прокопать траншею и проложить отдельный вход к мастерской — всего два с половиной метра до забора — но Mountain Park в лице Майка Дочефа не торопился дать ему такое разрешение.

Потом у Марвина умер отец, и ему пришлось уехать на похороны. А когда он вернулся, ему отключили ещё и электричество, да ещё и оштрафовали на две тысячи баксов за нарушение санитарно-эпидемиологических норм — нечистоты, скопившиеся в баках, Марвин из-за похорон не успел вывезти.

Словом, положение у Марвина было аховое. И никто в городе не поддерживал его: Химейер был здесь пришлым, и какая разница, что он прожил здесь почти пятнадцать лет. Только Джордж, тоже чужой здесь, мог понять чувства Марвина. Потому они и сошлись.

Часть вторая. Эпизод 7

В пятницу, четвёртого июня, когда Джордж уехал в Боулдер, с очередной порцией договоров, Дочеф принял для себя очень важное, и, как ему казалось, судьбоносное решение.

Как только парень вернётся из первой своей самостоятельной поездки в другой город, Майк отдаст ему полис социального страхования Роджера Абрахамса, и предложит стать компаньоном.

В приподнятом настроении Майк приехал на работу, сам обошёл все цеха, перекинулся несколькими фразами почти с каждым из рабочих. День был ясный, и обещал стать самым счастливым днём в его жизни с тех пор, как Сьюзен согласилась за него выйти.

Если бы не Химейер.

Он стоял, подпирая стенку своей мастерской, будто специально поджидая, когда можно будет испортить Майку настроение. Едва они встретились взглядами, автомеханик отделился от опоры и быстро пошёл навстречу Дочефу.

Ещё чего не хватало. Майк не боялся Марвина, но встречаться с ним, а уж тем паче — разговаривать, ему совершенно не хотелось. Вполне хватало последнего суда, на котором Марвин поклялся всеми чертями ада, что камня на камне не оставит от Mountain Park. После таких заявлений не то, что говорить, но даже смотреть на человека не хочется.

Майк попытался добраться до конторы быстрее, чем Химейер, но тот, увидев, что Дочеф желает избежать встречи, тоже прибавил ходу. До дверей они добежали одновременно.

— Стой, Дочеф, — Марвин хлопнул своей грубой, в мозолях и ожогах ладонью по двери, не давая Майку уйти.

— Мне тебя что, по суду привлечь, за преследование?

— Не кипятись. У меня есть просьба. Последняя. Исполнишь — и я уберусь из города, — Химейер немного подумал и добавил: — Даже из штата, если захочешь.

— Что ты задумал, мать твою? — Майк пристально посмотрел на врага.

— Я ничего не задумал, я собираюсь уехать. И прошу тебя о маленьком одолжении.

— Говори, только быстро.

Марвин немного помолчал, как бы собираясь с духом, а потом выпалил:

— Отпусти мальчишку.

— Что ты сказал, повтори? — Майку показалось, что он ослышался.

— Отпусти Джорджа, — повторил Химейер. — Мы оба знаем, что твоим сегодняшним успехом ты обязан ему. Тебе останутся твои миллионы, отпусти Джорджа со мной, и мы навсегда отсюда уедем, хоть завтра.

Ах ты, старый ублюдок...

— Может, тебе ещё миллион с собой дать, чтобы веселее было? — осканился Майк.

— Мальчишка мне как сын, — сказал Химейер. — Ты уже разрушил мою жизнь. Дай мне второй шанс, и я дам слово, что откажусь от мести.

— Химейер, у тебя мания величия. Ты букашка, что ты можешь мне сделать?

— Я тебя раздавлю, — сказал Марвин. — Раздавлю всё твоё маленькое королевство, и весь этот город сравняю с землёй, если ты не дашь парню уйти со мной. Решай быстрее.

— Чёрта с два, — Дочеф плюнул Химейеру под ноги.

— Это твоё последнее слово?

— Нет. Моё последнее слово придёт к тебе с уведомлением о решении суда. Пошёл отсюда.

Химейер убрал руку с двери и пошёл к своей мастерской. И что-то в этом молчаливом, без скандала и рукоприкладства уходе было зловещее.

Надо бы Филу позвонить, решил Майк, и вошёл в контору. В кабинете он набрал номер шерифа, пожелал доброго утра и сказал:

— Фил, боюсь, Химейер может натворить глупостей.

— Он тебе угрожал?

— Да как тебе сказать, — Майк посмотрел сквозь жалюзи на мастерскую Химейера. — И да, и нет. Ничего конкретного, но когда он ушёл, я чуть в штаны не наложил.

— Хорошо, я сейчас приеду.

Он приехал через пять минут. Потолкавшись несколько минут у двери Химейера, шериф ушёл обратно к своей машине, видимо, вызвать подмогу.

Потом шериф поднялся в кабинет Дочефа и сказал:

— Майки, тебе не кажется, что пора закругляться с этим цирком? Может, найти у твоего соседа оружие или нар...

Именно в этот момент началось то, о чём после все говорили, как о «войне Марвина Химейера».

Стена мастерской, выходящая на контору, рассыпалась, и в облаке пыли вдруг на свет выползло огромное, громко рычащее чудовище, изрыгающее чёрный дым.

— Святое дерьмо, что это? — спросил Норберт у Майка.

Дочеф, возможно, и рад был бы сказать, что не знает, но он знал. Это был бульдозер «Коматсу», купленный Химейером ещё в то время, когда земля ещё не была у него отчуждена — Марвин хотел построить подъездной путь, да так и не успел.

— Это бульдозер, — сказал Майк.

Пыль осела, и все увидели, что это не совсем трактор. По сути, это был уже танк. Химейер зашил все уязвимые места своего бульдозера железными листами, причём были они так ладно подогнаны друг к другу, что Майк никак не мог взять в толк...

— Как он туда забрался, там же ни окон, ни дверей? — высказал мысль Дочефа Норберт. Он всё ещё держал в руке бумажный стаканчик, удивлённо разглядывая бронированного динозавра.

— Не знаю, — пробормотал Майк, — но, думаю, нам лучше отсюда убраться.

Как бы в ответ на реплику Майка, бульдозер взревел и пополз прямо на контору, опустив нож.

— Твою мать, Фил, поторопи подмогу, — заорал Майк, и бросился выгонять людей на улицу.

Бегать по офисам времени не было, поэтому он элементарно врубил пожарную тревогу. В офисах начался шум, отовсюду повалил народ, и Майк вместе со всеми покинул здание.

Видимо, Химейер тоже не хотел жертв, поскольку остановился в десяти метрах от здания и яростно газовал. И только когда контору покинул последний человек, «Коматсу» на полном ходу врезался в здание и разворотил весь фасад.

Наконец-то оцепенение Норберта прошло, и он открыл огонь по трактору. Все шесть пуль, выпущенные наобум, только чтобы дать острастку водителю, с визгом срикошетили и унеслись, куда бог пошлёт. Химейер, если это, конечно, был он, надёжно себя замуровал.

«Коматсу», словно почувствовав щекотку, неуклюже поёрзал гусеницами и начал пятиться. Он выполз из раздавленного фасада и развернулся к полицейской машине ковшом. Раздался выстрел — и проблесковые маячки на крыше автомобиля разлетелись разноцветными брызгами.

— Фил, у него оружие! — заорал Майк, который сидел тут же, прикрытый автомобилем.

Норберт это и так понял.

Трактор, яростно рыча, принялся доламывать контору, выказав полное пренебрежение к полицейскому.

— В машину, — скомандовал шериф. — Живо!

— До проходной, — сказал Майк. — Там аварийный сигнал, его надо включить.

Однако дневная вахта, видимо, была в курсе происходящего, потому что не успели мужчины сесть в машину, как включилась тревожная сирена, и через минуту люди буквально наводнили территорию завода.

Кое-как Норберту и Дочефу удалось унять панику и организовать эвакуацию. Бронированный «Коматсу» тоже не мешал отступлению: он только что разобрался с конторой и приступал к складу готовой продукции.

Склад рухнул, когда последний рабочий уже был за охраняемым периметром. Норберт вызвал подкрепление из участка, те обещали подключить ещё и SWAT, и в городе слышны были сирены спецмашин.

— У нас есть ещё такая техника в городе? — неожиданно спросил Дочеф, наблюдая за эволюциями Химейера.

Шериф задумался, но вопрос, видимо, был риторический, потому что Майк сразу же себе и ответил:

— Только скрепер Рона Тэтчера.

Мужчины переглянулись.

— Я думал, у него только грейдер, — удивился Норберт.

Майк криво усмехнулся.

— К Тэтчеру?

— Немедленно!

Они уселись в машину. Майк в последний раз посмотрел на свой завод. Стены склада уже упали, и Химейер теперь ловко раздирал жестяную крышу. Если не будет дождя, то, возможно, что-то ещё можно будет спасти...

Словно подслушав мысли Дочефа, бульдозер один за другим съёс пожарные гидранты вокруг склада, образовав группу фонтанов. Солнце красиво переливалось в брызгах, капли быстро прибавляли цементную пыль.

— Поехали, у нас много дел, — сказал Фил и вырулил на Вест-Мидоуроуд.

В городе царила паника. Люди кучей сваливали в машины свои пожитки, сажали туда детей и уезжали по сороковому шоссе, кто на запад, кто на восток. Шериф и его помощник объезжали каждый жилой дом и проверяли, чтобы никто не оставался в помещении.

Штурмовая группа прибыла через полчаса, и оказалось, что она совершенно не готова к такому повороту дел.

— Мне не говорили, что это танк! — ругался командир штурмовиков. — Мне сказали — трактор.

— Так у вас что — ни кумулятивных снарядов, ни противотанковых гранат? — разочарованно спросил шериф, когда спецподразделения оцепили территорию завода и теперь смотрели, как трактор методично заравнивает очередное здание, пятое по счёту. Кажется, это была новая технологическая линия по производству железобетонных блоков.

— Мы же не армия, с кем тут воевать? — возмутился командир.

— С ним, — кивнул Норберт на неистовствующую технику.

Командир штурмовиков стыдливо промолчал.

Тут подоспели ещё и егеря. Пока Химейер доламывал завод, импровизированный штаб решал, что делать дальше.

— Думаете, он на этом остановится? — спросили офицеры у шерифа.

— Вряд ли, — с сомнением ответил Фил. — Он же разругался со всем городом.

— И что, вы думаете, он раздавит весь город? У него горючего не хватит.

— Мне кажется, — спросил начальник егерской команды, — или те отверстия в панцире — вентиляционная система?

Все прикинули к оптике. Видно было, как в небольшие зарешёченные щели втягивается снаружи пыль.

— Возможно, — согласились все.

— Закидаем его слезоточивыми гранатами, у нас их много.

— И одна светошумовая, — добавил командир штурмовиков.

Все посмотрели на него, как на идиота.

— А что? — возмутился штурмовик. — Как-то же он видит, куда ехать? Значит, у него там стоят камеры.

— Вижу камеры, — сказал егерь, не отлипая от окуляров. — По крайней мере, две — спереди и на левой стороне. Может, попробуем снайпера?

Решили попробовать.

Снайпер произвёл несколько выстрелов по камерам, но пули отскакивали — механик защитил их пуленепробиваемым стеклом.

— Какой, однако, серьёзный мужчина этот ваш Химейер, — похвалил командир штурмовиков. — Не удивлюсь, если у него там и противогаз имеется.

Как показала газовая атака, штурмовик оказался прав — слезоточивый газ не остановил трактор, а лишь раззадорил его водителя. Похоже, Химейер убедился в своей неуязвимости и пошёл напрямую, через забор, на полицейских.

Началась беспорядочная пальба. Копы, штурмовая бригада и егеря лупили изо всех стволов, однако пули отскакивали от железных листов, как горох от стены. Химейер и сам произвёл несколько выстрелов, правда, всё время поверх голов. Не то не хотел никого убивать, не то не было времени пристреляться — ориентировался он, похоже, только по мониторам внутри кабины. Если учесть, что бронестекло слегка запылилось, и видимость стала не такой хорошей, прицельная стрельба потеряла для Химейера смысл, и он опять начал давить.

Несколько офицеров едва успели убежать, когда «Коматсу», задрав нож, взгромоздился сначала на одну, а потом на другую патрульную машину, отчего автомобили стали похожи на раздавленные пивные банки.

— Отступаем, живо! — скомандовал штурмовик, и на этот раз никто не подумал, что он не прав.

Кавалькада из полицейских «фордов», спецавтобуса SWAT и нескольких джипов егерей уехала подальше от завода, и в течение часа Химейер исполнил своё обещание и сравнял Mountain Park с землёй.

Часть вторая. Эпизод 8

Фил Норберт и Майк Дочеф конвоировали Рона Тэтчера на его скрепере к заводу. Скрепер выглядел внушительно — в два раза длинней бульдозера, и куда более манёвренный за счёт двух мостов. Казалось, эта машина может стать достойным соперником Химейеру.

— Вы рехнулись, — упирался сначала Тэтчер. — «Коматсу» в три раза тяжелее меня, как я могу его остановить?

— Может, ты сумеешь ножом подцепить его панцирь? — спросил шериф.

— У него ещё и панцирь? — обалдел Рон. — Эта зверюга весит пятьдесят тонн, да ещё и панцирь сверху? Вы смерти моей хотите?

— Рональд, — сказал Фил, когда стало понятно, что увещевания не помогут. — Я прекрасно знаю, что ты делаешь в Денвере по субботам. Выбирай — или ты пытаешься нам помочь, и становишься героем, или я всем рассказываю, что ты... — и Норберт что-то прошептал Тэтчеру на ухо.

Рон побледнел. Потом сказал:

— Правильно Марвин сделал, давно надо было.

— Что?!

— Ничего. Я вам помогу, но в этом городе и ноги моей больше не будет.

Скрепер выполз навстречу «Коматсу» уже около пяти часов пополудни, когда Марвин покинул развалины завода и устремился в город.

Его устремления ни у кого из спецов не вызывали сомнений. Он рвался к газовой станции. Сразу стало понятным, что много горючего бульдозеру и не пригодится. Достаточно взорвать станцию — и весь городок взлетит на воздух.

В небе стрекотал вертолёт. Все задрали головы вверх: неужели национальная гвардия подключилась? Но оказалось, что это всего лишь телевизионщики: кто-то успел настучать журналистам, что творится в Грэнби, и вот — прилетели, как мухи на падаль.

Рон выехал навстречу Марвину.

Химейер сначала не решился соперничать с машиной своего приятеля, и даже попятился. Все облегчённо вздохнули — наконец-то сдался. Но оказалось, что Марвин просто пытался издалека попасть по газовым резервуарам. Расстояние оказалось недостаточным, и «Коматсу» ринулся в лобовую атаку на скрепер.

Каких ужасов натерпелся в этой короткой дуэли Рональд, он потом не рассказывал. Он и вправду покинул город в тот же вечер, проклиная всех и вся.

Скрежеща ножами, тракторы некоторое время стояли на месте, но в полу-развороте скрепер не мог противостоять тяжёлой бронетехнике. Марвин отодвинул машину Рональда на обочину, словно игрушечную машинку, и поехал дальше.

Какие бы цели не ставил перед собой Химейер, умирать сразу он не собирался. Он очень долго стрелял по газовым резервуарам, но так ни разу и не попал. Идти на таран он не решился. То ли умирать не хотел, то ли хотел своими глазами увидеть, как рушится город. Поэтому он прекратил стрельбу, развернулся, и поехал в центр города.

Здесь у Химейера тоже нашлась работёнка.

Первым рухнуло здание банка. Вторым — муниципалитет и располагавшаяся в том же здании городская библиотека. За ними последовал центральный офис полиции.

— Куда это он? — спросил командир штурмовой группы, когда бульдозер вдруг развернулся и устремился вдоль по Тополиной улице, на которой сплошь стояли дорогие таунхаусы.

— Кажется, я знаю, — пробормотал шериф. — В конце улицы — дом покойного мэра.

— А вдова? — испугался Майк.

— Мы всех эвакуировали, Майки, успокойся. А у тебя кто-нибудь дома остался?

Дома у Дочефа тоже никого не было. Бет ещё не вернулась из колледжа, жена гостила у родителей. О, боже, что скажет Сьюзен, когда она вернётся?

Конечно, всё имущество было застраховано, но пока вся эта финансовая машина провернётся? А компаньоны? А договоры?

А Джордж? О Джордже Майк вспомнил совершенно некстати, но с этого момента думал только о нём.

В это время бульдозер развалил дом покойного мэра и направился к дому члена городского совета Томпсона. За Томпсоном Марвин раздавил дом директора банка Тимса. Как, наверное, будут жалеть чиновники из муниципалитета, что селились так компактно — корпоративная застройка.

Химейер не рушил все дома подряд, он берёт горючее, которое, по идее, у него давно должно было закончиться. Видимо, что-то там Химейер доработал в конструкции своего танка.

Заключительным аккордом в этом урагане был, разумеется, особняк Дочефа. Майк плакал, когда смотрел, как неторопливо и тщательно работает Химейер, разрушая его основательный, построенный не из сэндвич-панелей, а из настоящего кирпича дом.

Кое-как справившись с капитальным жильём своего заклятого врага, Химейер будто обессилел. «Коматсу» стоял на обочине, громко тарахтя на холостом ходу. Полицейские начали постепенно подтягиваться к трактору, надеясь, что теперь уже всё закончилось. Но когда до бульдозера оставалось совсем немного, двигатель снова взревел, и Химейер вновь развернулся на сто восемьдесят градусов. Его цель была недалеко, за торговыми павильонами. Это была заправочная станция.

Теперь, когда все дома его недоброжелателей отчаянный автомеханик раздавил, ему, видимо, уже не страшно было умереть. Взрыв резервуаров с бензином тоже нанесёт непоправимый ущерб Грэнби.

И Химейер поехал прямо через павильон, надеясь, что работающий уже через раз мотор (горючее заканчивалось, да и пробитый рикошетом радиатор уже давно не охлаждал воду) дотянет до цели.

Рухнувшая крыша павильона накрыла трактор, и вскоре весь город погрузился в тишину. Только в небе всё ещё стрекотал вертолёт.

Тишина стояла ещё три часа.

Часть вторая. Эпизод 9

Джордж вернулся в город, когда местные жители уже покидали его.

— Что случилось? — спросил он, остановив встречный «ниссан».

— Химейер свихнулся, — ответила женщина, сидящая за рулём. — Разрушил весь цементный завод, сейчас за город принялся.

— Что?

— Парень, убирался бы ты подобру-поздорову. Я на газовой станции работаю, если он туда въедет на своём танке — от города только щепки останутся.

Разумеется, Джордж не послушал её. На въезде в город его остановил патрульный, Джозеф.

— Заворачивай оглобли, Джордж, в городе спецоперация проходит.

— Джо, я знаю. Мне срочно нужно домой — у меня щенок дома голодный.

Джозеф был заядлым собачником, и животных любил больше, чем людей. Он сказал:

— Только быстро — туда и обратно.

— Конечно, Джо. Спасибо, Джо!

Домой, конечно, Джордж не собирался. Он въехал прямо на территорию бывшего завода. Из всех зданий здесь осталось только одно — автомастерская Марвина. Рядом с разрушенной стенкой Джордж и остановил свой «эскаорт».

Внутри тоже царил разруха. Пол был засыпан штукатуркой и выпавшими из стены панелями, двутавровая балка, по которой двигался тельфер, оказалась вырвана из капитальной стены, и изогнулась в сторону пролома. Тросы змеились в строительном мусоре и тянулись куда-то далеко на улицу, будто Марвин, выезжая на своём бульдозере — а именно бульдозера и не хватало в ангаре, пристроенном к мастерской — забыл отцепить крюк.

— Что же ты наделал, Марв, — пробормотал Джордж, и прошёл дальше, в каморку, где Химейер порой оставался ночевать.

Здесь Егор увидел конверт, приклеенный к микроволновке. На конверте крупными печатными буквами было написано: «Для Джорджа».

Внутри лежали права и полис социального страхования на имя Марвина Джона Химейера, его солдатский жетон, и небольшая записка.

«Парень, теперь ты сам по себе. Надеюсь, ты простишь меня.

Говорят, в Малайзии есть такая болезнь — амок. Когда человек внезапно бежит и рушит всё на своём пути. Почему это происходит — до сих пор неясно. Некоторые думают, что это происходит из-за стыда, который человек не может терпеть. Мне очень стыдно, что я ничего не смог сделать и ничего не смог доказать этим людям.

Права и полис теперь твои. Надеюсь, ты достаточно умён, чтобы тебя не поймали.

Твой друг М.»

И всё, весь листок.

В этот момент Джорджа вновь накрыло. Он сидел за столом и в цементной пыли рисовал и рисовал треклятую схему, пытаясь докопаться, какую систему должна была предохранять эта странная цепь.

За этим занятием и застал его Дочеф.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Майк.

— Я... — Джорджу мешал говорить комок в горле. — Я привёз договоры.

— Можешь ими потереться. Видишь, что ты натворил?

— Я?

— А кто — я? Если бы не ты, этот старый идиот давно бы уже сдался, и убрался отсюда в

ад, откуда он и пришёл.

— При чём здесь я?

— Убирайся! Убирайся отсюда, иначе нагрянут федералы, и у меня с тобой будет ещё больше проблем.

От жалости к Марвину и недоумения перед несправедливыми обвинениями Майка у Джорджа в горле образовался ком, ни проглотить, ни выплюнуть. Не говоря более ни слова, с конвертом в руке, Егор обошёл Дочефа и, не оборачиваясь, пошёл к своей машине. Ему казалось, что надо пройти с прямой спиной и не спотыкаться под ненавидящим взглядом бывшего босса. Но глаза застилали слёзы, и он пару раз чуть не упал, запнувшись о размотавшийся из тельфера трос.

— Стой, — окликнул Майк Джорджа, когда тот готов уже был сесть в машину.

Дочеф выбрался из руин и подошёл к «форду».

— Ты думаешь: вот, такой плохой хозяин, испортил жизнь рубахе-парню, да? Ведь он тебе именно так всё рассказал, верно? По глазам вижу, что да.

— Но ведь земля... она его.

— Его земля была там, за забором. Он продал её полгода назад, перед тем, как ты здесь появился. Мы расширили производство на своей же территории, потому что Марвин всё время задирает цену вверх, ему казалось, что его обманывают. Поэтому мы и отказались от его земли: сам видишь, как тут тесно... — Майк обвёл рукой пространство завода и осёкся. — Как тут было тесно. А Марвин продал землю за четверть миллиона, и на эти деньги, видимо, приобрёл железо, оружие, шпионские примочки, и варил этот панцирь. Ты понимаешь? Вместо того чтобы признать, что ему здесь не рады, он потратил двести тысяч долларов на то, чтобы поквитаться за старые обиды. И ты хотел уехать отсюда с этим человеком?

Майк плюнул и пошёл прочь.

Джордж не стал его догонять. В любом случае, как раньше уже не будет. В машине он вытер слёзы рукавом, завёл мотор и навсегда покинул Грэнби, уносясь по сороковому шоссе на запад.

Часть вторая. Эпизод 10

«Мустанг», стоявший на обочине, уже остыл, но пар от радиатора всё ещё шёл.

Высокая брюнетка в чёрных очках стояла рядом и голосовала, но в этот ранний час движение по шоссе было редким. Егор увидел терпящую бедствие машину мили за две, и решил, что остановится. Всё равно спешить некуда.

— Загнали жеребца, мэм? — спросил он, выйдя из машины.

Мэм обрадованно всплеснула руками.

— Какое счастье! Я думала — всё, пропала.

Видимо, что-то в ней было азиатское — явно монголоидный тип лица с широкими скулами. Но она едва ли не на голову была выше Егора. «Мда, везёт же кому-то», подумал Егор. Девушка была такой красивой, какими бывают только метисы. Наверняка актриса, которая спешит в Голливуд, на съёмки.

— Я готов помочь. У меня есть канистра с водой, углекислотный огнетушитель, можно попробовать охладить ваш радиатор.

— Да чёрт с ним, с радиатором! Я на съёмки опаздываю!

Ничего себе — попал с первого раза.

— Вы актриса?!

Девушка рассмеялась:

— Если бы! Я оператор. Вы ведь в Лос-Анджелес, правда?

— Поверьте, даже если бы я ехал в другую сторону, ради вас всё равно вернулся бы.

Девушка с подозрением посмотрела на Егора:

— Учтите, я прекрасно владею каратэ.

— Знаете, я был уверен, что встречу сегодня мастера восточных единоборств, поэтому с утра надел стальные трусы. Всем удобные, но всё время приходится носить с собой разводной ключ в кармане, иначе никак не сходишь в туалет.

Девушка рассмеялась. Егор тоже улыбнулся.

— Я правильно понимаю, что вы уже вызвали аварийную машину?

— Да, — кивнула девушка. — Но они могут приехать только через час.

— Они всем так говорят, поверьте. Так что, поедем?

— Поедем.

Через милою пути она представилась:

— Меня зовут Сузуме. А вас?

Тут Егор слегка смутился. По документам он уже не Егор, надо привыкать. Но как представиться?

— Джон, — сказал он. — Марвин Джон Химейер.

Сузуме округлила глаза.

— Так и знал, что вы так отреагируете. Что поделать — я сам был шокирован, когда узнал об этой истории. Вы не поверите — даже несколько дней назад проезжал мимо этого городка.

— Боже, это ужасно! Вы представляете — погубил весь город!

Егор тяжело вздохнул.

— И не говорите, мэм.

— Сузуме.

— Да, Сузуме. Я сам всю дорогу об этом думаю. Что должно случиться в моей жизни, чтобы я пошёл на такой отчаянный шаг?

Они немного помолчали.

— Зачем едешь в Лос-Анджелес, Джон? — спросила Сузуме, наконец.

— Да вот, думаю прикупить бульдозер, обшить бронёй и покататься по Голливуду, авось, согласятся дать мне какую-нибудь работу.

— Фу!

— Прошу прощения, мэм. Вообще-то я хотел поступить в Стенфорд...

— Это очень престижный университет.

— Мне так и сказали, мэм. Они сказали: парень, у нас очень престижный университет, на таких тачках, как у тебя, здесь только бомжи катаются.

Сузуме рассмеялась.

— А ты ничего, смешной. А что ты умеешь?

— Думаю, что всё, мэм.

— А если серьёзно?

— Если серьёзно, то не знаю. Я на самом деле много умею: неплохо разбираюсь в механике, кое-что знаю в химии, физике, менеджменте.

— Компьютерная графика?

— Не уверен, хотя программировать могу, и, мне кажется, весьма неплохо.

Дальше Сузуме начала бомбардировать Егора терминами, а он развёрнуто отвечал, и девушка не могла скрыть восхищения.

— Мужик, зачем тебе Стенфорд, ты прекрасно образован!

— Увы, мэм...

— Я Сузуме!

— Прости. Сузуме, на самом деле я даже не знаю, чем я занимался раньше. Видишь ли, я страдаю ретроградной амнезией.

— Ты опять шутишь?

— Если бы. Слушай, чтобы не было недоразумений — на самом деле меня зовут Егор. Не знаю, почему я тебе всё это рассказываю... Наверное, потому что подвезу тебя только до Голливуда, и мы расстанемся. В общем, Марвин Джон Химейер был моим другом. Это он починил мне машину. Я сейчас живу по его документам, понимаешь?

Они ехали полтора часа, и Егор рассказывал, рассказывал, и даже удивительно было, как много в нём скопилось слов и как легко они вытекают наружу.

— Ты врёшь! — твёрдо сказала Сузуме, когда он закончил. — Ты врёшь специально, чтобы мне понравиться.

Егор покраснел. Сузуме ему действительно очень понравилась, и он был бы счастлив хоть в половину, хоть в десятую долю так же нравиться ей.

— Нет, мэм, я стерильно чист и кристально честен.

— Но так не бывает.

Егор только тяжело вздохнул.

Вопреки ожиданиям, студия, на которой работала Сузуме, располагалась не на горе с надписью «Голливуд», а почти в центре города.

— Вот что, Егор, — сказала Сузуме, выйдя из машины. — Я знаю, что пожалею об этом, но ты действительно забавный парень, хотя борода тебя значительно старит. Ты приедешь сюда сегодня вечером, в семь часов, и будешь ждать меня до упора, иначе разобьёшь моё сердце.

И ушла. Ни поцелуя, ни взгляда через плечо, но Егор понял — всё, пропал. Действительно — так не бывает. Но это было. Воистину, Голливуд — это фабрика грёз.

Часть вторая. Эпизод 11

Утром оказалось, что водоканал отключил подачу воды. Они, конечно, предупреждали заранее, но работы по замене труб выполняли ровно на сутки позже. Ни умыться, ни зубы почистить, ни чайник вскипятить. И, что самое обидное, вечером Юся предполагал что-то подобное, но запастись водой впрок поленился.

Юся сделал гимнастику, пописал в клумбу перед бойлерной, поскольку воды в смывном бачке всё равно не было, и приступил к работе.

Подмести двор, рассортировать мусор по фракциям, влажная уборка подъездов, полить клумбы... Нет, воды нет, значит, клумбы останутся не политыми, и в подъездах только сухая уборка. Ничего, вечером можно наверстать.

Во дворе его поймала Модестовна. Она строго спросила за то, что Юся, вместо того, чтобы заниматься прямыми своими обязанностями — поддерживать порядок во дворе — сидит в своей каморке и шабашит. Юся пробовал возражать, но с Модестовной такой номер не прокатывал.

— Я что, по-твоему, врать, что ли, буду? И не смей отворачиваться, когда с тобой начальник говорит! Кто организовал мастерскую по ремонту игрушек? Генерал Лизюков? Да плевать я хотела, что бесплатно! Этот твой агрегат уже половину бойлерной занимает! Что? Не слышу! Говори как мужчина, не мямли! Если начальник говорит — половина — значит, половина, даже если это не так. Чтобы разобрал и унёс обратно на свалку. Медь, так и быть, можешь сдать за деньги. Стоять, я ещё не всё сказала. Горемыка опять по твою душу приходил. Я настаиваю... ты меня слушаешь? Повторяю — я настаиваю, чтобы ты перестал с этим ментом поганым якшаться. Ему дела раскрытые, а тебя потом найдут прищипнутым в мусорном баке, кого я на твоё место поставлю? Чтобы в последний раз!

Модестовна была хорошей бабой, и вместе с участковым Горемыкой справила Юсе какие-никакие документы, хоть и на чужое имя, но за это драла с дворника три шкуры. Юся Модестовну если не боготворил, то относился с трепетом, наезды начальницы, даже если они не по делу, сносил стоически, но сегодня после разноса стало ему как-то муторно и тоскливо, он даже сам не понимал, с чего именно.

Начальница при Юсе позвонила в водоканал, всех отматюкала как следует, потребовала к полудню включить воду, а Юсе велела набрать емкостные бойлеры и нагреть воду — должны же люди мыться хоть иногда. Этим напутствием она завершила разнос и побежала в баню, где находился офис ЖЭУ.

Осадок остался. Рутинная работа, которая была Юсе, в общем, совсем не в тягость, вдруг показалась невероятно тяжёлой. Кое-как разобравшись с делами во дворе, он совсем раскис, а предстояло ещё убрать чётную сторону улицы.

Юся абсолютно не помнил, что было с ним до того момента, когда он рухнул буквально с неба под окна банно-прачечного комбината, в котором располагалось ЖЭУ-17.

Эмма Модестовна рассказывала, что среди бела дня под окнами что-то бухнуло, она выглянула из окна кабинета — а там этот лежит без памяти, ничком. Сначала, конечно, она подумала — кто-то из мужиков в женский день пришёл, в бабское отделение, вот его и проводили в окошко. Но ни звона стекла, ни женского визга слышно не было. Будто с неба рухнул.

Притащили его мужики в котельную, а он лыка не вяжет. Оставили до утра, одежонку, какую-никакую дали. А он наутро и спрашивает:

— Где я?

Ему объясняют — в Воронеже, милый. А он не верит:

— На улице Лизюкова, что ли?

Совсем плохой. Стали расспрашивать, кто такой, как зовут, а он не помнит ничего. Только как зовут — Юся. И картавит, как маленький. Думали сначала — придушивается, хотели даже отлупить, но как-то уж слишком серьёзно он картавил, будто не понимал, что «р» у него неправильная.

Модестовна милицию вызывать запретила. У парня явно с мозгами непорядок был, может, из дурдома сбежал, а может, от падения сбрендил. Совершенно не помнит, кто такой и откуда, хотя словарный запас большой, не шпана какая-то. И ни шрамов, ни следов от прививок, вообще никаких особых примет.

Запретить, конечно, запретила, однако участковому, однокласснику бывшему и ухажёру юности, Семёну Горемыке, Эмма Модестовна позвонила. Так, по старой памяти. Модестовна рассудила, что пронырливый Семён Петрович всё равно разнохает про Юсю, поэтому и решила попросить помощи.

Горемыка одноклассницу и бывшую зазнобу свою обругал и спросил, какого ляда она сразу не заявила о потеряшке.

— А что бы ты сделал? — спросила Модестовна. — Вот что? Блаженный он, как пить дать — блаженный. Ты знаешь, чем он занимается?

Занимался Юся вещами и впрямь странными, не будет обычный бомж такими делами заниматься. Например, очень хорошо владел Юся английским. Всю импортную документацию на стиральные машины, на гладильные установки и прочее в комбинате перевёл. И, надо сказать, аппаратура лучше работать начала. Наши-то мужики только по картинкам и разбирались, как устанавливать, как налаживать. Юся, посмотрев, как мучаются коммунальщики с иностранной техникой, за один вечер все инструкции на русский, от руки переписал и на каждый агрегат приклеил, чтобы всё понятно было.

А уж как здорово он с электроникой разбирается — и говорить нечего. Сейчас же вся техника со встроенными компьютерами. Настраивает сам, мужикам объясняет, что куда. Не гордый ни капли. И безотказный: скажешь двор подметать — подметает, скажешь у мусорных баков прибрать — приберёт. Никакой работы не боится. И работает только за еду.

Вот инсинуаций не надо, никто его не эксплуатирует. На цепи никто не держит, может проваливать на все четыре стороны. Но куда он без документов-то?

И в самом деле — куда? Горемыка договорился пробить пальчики потеряшки через ПАПИЛОН, но особо на систему не надеялся: ладно, если паренёк где-то засветился ранее, а если чистенький? В передачу «Жди меня» писать, что ли? В отделении с таким возиться тоже не будут: кому нужна эта бумажная волокита? Придёт ориентировка — отреагируют, а лишний хомут себе на шею вешать никому не хочется. Словом, Модестовна поступила разумно, не заявив в милицию.

Часть вторая. Эпизод 12

Мысли материальны. Стоило Модестовне вспомнить о неприятностях с криминальным миром — и криминальный мир не преминул нарисоваться в подворотне, когда Юся заканчивал уборку двора.

— Опаньки, — ласково сказал Захар. — Юся-баной, с печки долой! А я думал — где тебя искать? А он сам идёт.

Юся попытался убежать, но Лёнька Захаров пришёл не один, а со своим ординарцем Лысым. Эти двое давно портили участковому Горемыке все показатели, баламутили шпану на районе, но поймать их с поличным пока не удавалось. Несмотря на уговоры и даже откровенные угрозы сдавать Захара с Лысым правоохранительным органам местная шпана не решалась — ходили слухи, что на Лысом висит мокрая статья, тоже недоказанная за отсутствием свидетелей.

Единственным, кто не боялся этих двоих, был Юся, да и то, скорее всего, по причине лёгкой сдвинутости по фазе. Он и согласился дать показания против Захара и Лысого.

— Ты куда? Тебе в падлу с нормальными пацанами побазарить, что ли? — сказал Лысый.

— Были бы нормальные, — просипел Юлик, почти повиснув в зелёной, не по росту, униформе. Лысый был не только на две головы выше, но и тяжелее раза в два. — Здоровый ты парень, тебе бы в автосервисе работать. Домкратом.

— Не понял... — Лысый хотел уже применить грубую физическую силу, но Захар его остановил.

— Ты, говорят, ментам стучишь? — спросил Захар, почти влезая в ухо Юси губами.

— Дятлы стучат, — ответил Юся.

— Да ты и есть дятел, — злобно прошипел Захар. — Ты что, на зарплате у ментов? Знаешь, что я с тобой сделаю?

— Что? — спросил кто-то.

Капитан Горемыка был мелкий юркий мужичок лет пятидесяти на вид. Горемыка всегда ходил в штатском, одевался неброско, и больше походил на какого-нибудь забулдыгу, чем на мента. Он был из старой гвардии, бывший оперативник, и Горемыку боялись и уважали не только на его участке. Никогда наперёд было не догадаться, где объявится участковый в следующий раз, он гонял по участку из конца в конец без очевидной системы, и как будто имел уши на каждом углу.

Захар с Лысым жили на другом конце города, а промышляли здесь, потому-то никак не получалось их поймать на горячем: нагадили и смылись. И никто их будто не видел.

Кроме Юси.

— Ну, я слушаю, — повторил Горемыка. — Что ты ему сделаешь?

Лысый убежал первым. Захар харкнул под ноги Горемыке и тоже ушёл быстрым шагом. Дворник же на ослабевших ногах подошёл к стенке и присел.

— Я тебе с утра куда велел прийти? — спросил Горемыка, подойдя ближе.

— А разве вы что-то говорили? — севшим голосом спросил Юся. Отвага даётся тяжело — дрожанием коленок, биением сердца и шумом в ушах. Или это он ещё от начальницы не отошёл?

— К тебе Эмма Модестовна подходила утром?

— Да. Но мне некогда было.

— И чем же ты занят был?

— У меня работа, между прочим. Кто-то ведь должен порядок поддерживать на районе.

В другой бы раз Горемыка посмеялся — Юся ведь его слова повторил, но после противных рож Захара и Лысого было не до смеха.

— Ты понимаешь, что тебя на перо могли поставить только что?

— Не поставили же.

— Юся, я никак понять не могу — ты гений или идиот? Тебе с отморозками этими не в шахматы играть, они понимают только грубую силу.

Юсе на это сказать было нечего. Он понимал, что подверг себя серьёзной опасности, причём абсолютно неоправданно, но его перемкнуло. Ригидность мышления — когда втемяшил что-то в голову, и пока не сделаешь — переключиться на другое не можешь. Далась ему эта работа.

— Ладно, вставай, — смягчился Горемыка. — Пошли в отделение, показания дашь — и отправятся эти ребятки на нары.

— У меня же работа.

— Запирай, говорю, веники-метёлки, и пошли. Обещаю — этим ты район зачистишь очень хорошо.

Активной гражданской позицией Юся блеснул, едва появился. У опергруппы не нашлось понятых для осмотра взломанного гаража, и они выцепили первого попавшегося бомжа. Им и оказался Юся, принятый уже в штат ЖЭУ дворником. Он в это время на свалке рыскал в поисках запчастей для своего агрегата. Юся не только согласился стать понятым, но и заявил, что может дать свидетельские показания. Оперативники не могли поверить своему счастью, однако тут же сникли: вот задержат они воров, а где потом этого свидетеля искать? На это бомж дал исчерпывающий ответ, где его искать: улица, дом, бойлер во дворе, как войдёте — поворот налево, там лежанка.

Дело и впрямь раскрыли по горячим следам: Юся запомнил не только марку и цвет машины злоумышленников, но и государственный номер. Горемыку все хвалили: ну, Петрович, ну, молодец, даже бомжи на его участке ответственные! А Петрович не знал, куда прятаться от Модестовны, которой такое нецелевое использование человеческого ресурса казалось преступным.

— Мало вам своих стукачей, так ещё бомжа, придурка беспамятного в свидетели записали!

Горемыка не считал Юсю придурком, хотя непонятного в нём было много чего. Настоящий бомж — это опустившийся человек, который продолжает копать себе яму, чтобы опуститься ещё ниже. Юся же, хоть и одетый в какие-то нелепые обноски, содержал их в чистоте. От него не воняло, он регулярно мылся, чистил зубы, причёсывался, и вообще — более напоминал хиппи, чем бича. Ещё он абсолютно не боялся милиции, как человек, не совершивший ни одного противоправного действия. Юся, кажется, вообще ничего не боялся, как маленький ребёнок, у которого нет чувства самосохранения. Между прочим, сходство с ребёнком не ограничивалось бесстрашием: Юся не выговаривал звук «р».

Горемыка сопровождал Юсю в ОВД, дождался, пока его опросят, потом доставил обратно во двор.

— Работай, — сказал, — никто тебе больше не мешает.

И хотя работать совсем не хотелось, и в теле образовалась неприятная слабость, Юся, чтобы не давать Модестовне лишних поводов к волнению, опять взялся за метлу, но возил инструментом по асфальту, как сонная муха.

Часть вторая. Эпизод 13

Юся тупо отработал свой участок вплоть до автобусной остановки «Улица академика Вавилова». Здесь ему стало совсем плохо, прямо из себя выворачивало. Юся сел передохнуть на скамейку.

Взгляд его упал на урну, исполненную в виде пингвина, открывшего клюв в ожидании, что туда забросят окурки или пластиковую бутылку. Тошнота внезапно отпустила. Юся удивлённо отвёл глаза — тошнота вернулась. Он снова посмотрел на пингвина, и ему стало легче. Юся встал со скамейки и приблизился к урне.

Он не был уверен, что слышит странный звук, который урны обычно не издают, поэтому встал на колени и засунул голову в разинутый клюв. Пассажиры, ожидающие транспорт, не замедлили отреагировать: кто-то стал острить, кто-то возмущаться, но Юсю это совершенно не волновало. В гулких потёмках мусорки он разглядел коробку из-под торта. В коробке что-то тикало.

Ужас захлестнул дворника, он рванулся назад, но голова застряла.

— Бомба! Бегите! — истошно заорал Юся.

Дальнейшее происходило как в тумане. Сначала крики паники, потом тишина, потом вой сирен, ласковый голос участкового Горемыки снаружи, но Юся даже не понимал, о чём его спрашивали.

Очнувшись он от окрика Модестовны:

— Эй, ты, паникёр! Соберись — сейчас тебя вытаскивать будут.

— Не надо! — запротестовал Юся, но было поздно. Свои же мужики, из ЖЭУ, окружили его, и пленник урны увидел, как в камере обскуре, на коробке с бомбой две перевёрнутых фигуры, которые сели на корточки рядом. Видимо, они держали пингвина, чтобы не раскачивался, в то время как невидимые руки просто взяли Юлика и выдернули из плена.

Юся зажмурился от яркого света, а когда открыл глаза, увидел мужиков в оранжевых, как у него, жилетках с надписью «Воронежское ЖЭУ-17», милицейский «воронок», «скорую помощь» и ещё тентованный грузовик с военными номерами.

Над Юсей склонился Горемыка.

— Живой?

— Живой.

— Тогда пошли, — участковый накинул на Юлика одеяло и ласково повёл прочь.

На остановке, кроме милиции и мужиков из ЖЭУ, никого не было. К бачку подошёл человек в камуфляже и с чемоданчиком, видимо, сапёр.

— Твою мать, Юся, что ты за кашу заварил? — шёпотом ругался Горемыка, пока они медленно шли прочь от остановки.

— Так ведь бомба...

— Окстись, дуболом, какая у нас бомба? У нас жульё да бандиты, а здесь даже не самое оживлённое место. Ты хочешь сказать, что у нас тут кто-то теракт устроить решил? А вот тебя, как человека без паспорта, легко могут в оборот взять, как террориста.

Юся не успел ответить: его пригласили в белую «волгу», стоящую дальше всех прочих автомобилей.

— Капитан Воронин, — представился сидящий на заднем сидении человек неприметной наружности.

— Кефир, — представился Юся чужой фамилией, под которой жил.

— Вы и вправду видели в урне бомбу?

- А зачем бы мне тогда орать?
- Это я у вас спросить хотел. Вы понимаете, что это может быть ложный вызов?
- Лучше перебдеть, чем недобдеть.
- Простите?
- Лучше перестраховаться, говорю.
- Что у вас с дикцией? Зубы не на месте?
- При чём здесь моя дикция?!

Фээсбэшник никак не мог справиться с улыбкой, упорно растягивающей его губы к ушам. Юся привык. Станным ему казалось другое — в голове он прекрасно мог произносить букву «р», а вот вслух отчего-то получалась только «л». Дразнить его никто не дразнил, но стоило Юсе начать говорить — и все покатываются. Особенно если он о «сельёзных вещах лассказывает».

Капитан овладел, наконец, мимикой и сказал:

- Но почему вы решили, что это именно бомба?
- Вы что, не слышали, что зимой на автобусной остановке рвануло?

На улице стало оживлённее. Солдаты подбежали к сапёру, тот махнул рукой, и рация в машине ожила:

— Имитация.

Юся растерянно посмотрел на капитана.

— Поздравляю, — сказал фээсбэшник. — Вы не ошиблись.

— В смысле?

— В том смысле, что это не бомба, но её имитация, а не просто часики в коробке. Штраф платить не придётся.

Юся облегчённо выдохнул:

- Слава богу.
- Зачем вы вообще туда голову засунули, в эту помойку?

Опустив глаза, Юся тихо сказал:

— Блевать хотел.

Капитан покачал головой — час от часу не легче.

— Подпишите здесь и здесь.

— Что это? — спросил Юся, тупо глядя в бумаги.

— Это подписка о неразглашении. Вы никому не рассказываете о том, что здесь на самом деле произошло.

— А люди?

— А паника? — парировал капитан. — Мы предпримем все усилия к поимке террориста, а вы — не создавайте помех в оперативной работе. И вот ещё... Если что-то подозрительное увидите — звоните по этому номеру, — и он протянул визитку.

Юся машинально принял бумажный прямоугольник и засунул в нагрудный карман. Потом вынул из внутреннего кармана авторучку и оставил два автографа на казённом формуляре.

— До свидания, — сказал Воронин.

Едва Юся покинул машину, двигатель взревел, и «волга», взвизгнув шинами, унеслась прочь.

— О чём говорили? — спросил Горемыка.

— Не скажу, — ответил Юся.

— Ты чего, боец, субординацию нарушаешь? — рассердился участковый.

— Ну, не могу я, подписку дал.

— Я тебе сейчас тоже дам. Это моя земля, и я здесь всё должен знать.

Юся затравленно посмотрел на Горемыку — не могу.

Но, похоже, говорить ничего и не надо было — всё было написано на физиономии дворника.

— Твою мать, только этого мне не хватало, — выдохнул Горемыка.

— Барби. Барби. Ты меня слышишь?

— Господи, Майор, ты мне дашь умереть спокойно? Или тебя тоже убили?

— Слышали? Она моей смерти хочет. Значит, скучает.

— Мистер Брайдер, это палата для тяжелобольных, ведите себя соответствующе. Мисс Кравец...

— Миссис! — возмутился Майор. — Она миссис! У нас был секс!

— С лошастью Симона Боливара у тебя был секс, мерзавец, — простонала Барбара и открыла глаза.

Над ней, словно ангел господень и демон ада склонялись незнакомый благообразный мужчинка в белом халате и Майор в ярко-красной, будто кетчупом измазанной, цветастой рубашке.

Доктора слова про секс смутили. Очевидно, то, что лежало сейчас на больничной койке, не вызывало ассоциаций с данным разделом анатомии. Эскулап стоял, краснея, и не знал, что сказать. Зато Майор разливался соловьём:

— Я же вам говорил, что не такой она человек, чтобы сдохнуть от какой-то пули в спину. Она чемпионат мира по покеру выиграла. У меня! Вы не играете в покер? Не смотрите так, я понял, вы правы — ну его, этот покер. Так чем вы меня обрадуете? Она уже идёт на поправку? Не молчите, док, скажите мне самую страшную правду. Она не сможет иметь детей?

— Что? — испугался док.

— Что? — возмутилась Барбара.

— Прости, дорогая, я не думал, что ты меня слышишь. Не переживай. Мы обязательно спаримся... то есть я хотел сказать — справимся с этим.

— Пшёл вон, дурак, — крикнула Барбара по-русски, и острая боль опять пронзила её в спину.

— Что? — спросил Брайдер.

— Мне кажется, она просит вас удалиться.

— Хорошо, — согласился Брайдер. — Хорошо. Я уйду.

Он со скорбным видом продолжал стоять.

— Мисс Кравец... — тихо позвал доктор.

— Миссис! — вмешался Том.

— Я помню! — огрызнулся док, и стал похож на человека. — Миссис Кравец.

— Брайдер.

— Вашу мать, я сейчас охрану вызову, — вспыхнул док. — Стойте молча. Миссис Кра... Брайдер, рад сообщить, что кризис миновал, и вашей жизни ничего не угрожает... кроме мистера Брайдера, конечно.

— Майор, — Барбара закрыла глаза. — Ты опять пьян, да?

— Виноват. У меня горе.

— Какое горе?

— Жена. Жена — моё горе.

— Почему?

— Я узнал о твоём завещании. Там ни слова обо мне.

— Перебьёшься, ты и так не беден.

— Ты могла хотя бы предупредить, чтобы я начал откладывать на чёрный день.

— Я вам не мешаю? — спросил док.

Супруги замолчали.

— Я не верил, но ваш муж оказался абсолютно прав. Из состояния комы вас вывела именно его болтовня. Надеюсь, вы выздоровеете пораньше, потому что мы уже утомились его слушать. Он несёт такую чушь...

— Майор, — позвала Барбара. — Ты действительно сидел тут рядом и болтал?

— А ты не слышала?

— Нет.

— Я записал на диктофон. Включить?

— Уволь. Ты что, не знаешь, что спящих красавиц будят поцелуем?

— У меня рот всё время занят, некогда мне лобызаться.

Они болтали до тех пор, пока не ушёл доктор. Потом доктор вернулся, а они всё ещё болтали. Пришла медсестра, поставила капельницу, голос Барбары начал затихать, речь замедляться, и вскоре она совсем замолчала.

— Док, с ней всё в порядке? — встревожился Майор.

— Она спит.

— Слава богу, я думал — голова взорвётся.

И Брайдер вдруг захрапел, да так мощно, что с его жены чуть одеяло не сдуло. Из ординаторской прикатили инвалидное кресло и усадили спящего Майора.

С этого дня Барбара пошла на поправку. Брайдер, конечно, не всегда был рядом — у него были какие-то переговоры с местным антикваром, звонки, отъезды... вообще, могло показаться, что он ведёт своеобразную жизнь, но каждый вечер он оставался у Барбары в палате и они, как обычно, пикировались не на жизнь, а за совесть.

Медсестра рассказала Барбаре, что Том сидел рядом с женой круглые сутки.

— Сколько же я пролежала?

— Всего ничего... Несколько недель...

Вот же какая беда. Месяц или больше полного бездействия. И Майору делать было нечего — вот так дневать и ночевать рядом с бесчувственным бревном?!

— Я всё объясню, — сказал Том, когда Барбара ему попеняла. — Смотри — ночь в отеле стоит триста долларов.

— Раньше стоила тысячу.

— Мне теперь не перед кем выпендриваться. Триста долларов за ночь — это чертовски много, к тому же не с кем потрепаться. Снимать комнату, чтобы сидеть в баре? В баре стакан виски — десять баксов, это обдираловка! А здесь всё бесплатно... ну, кроме лечения, конечно. Оно влетит в копеечку.

— Ты на мне сэкономил?!

— Я думал, ты будешь рада, что я такой рачительный!

— Боже, Майор, какой ты...

— Милый?

— Не уверена, что «жадный» и «милый» — синонимы, но всё же ты и милый тоже.

Повисла неловкая тишина.

— Думаю, тут мы по закону жанра должны сказать «я тебя люблю — я тебя тоже люблю»?

— А ты любишь? — удивилась Барбара.

— Я старый солдат, и не умею... — начал Майор.

— Ты Майор, а не полковник.

— Ты читала «Тётку Чарлея»?! — Майор был поражён.

— Майор, я на двадцать лет...

— Это я слышал, но ты меня поразила в самое сердце этим фактом.

— Давай наоборот. Это я старый солдат, и не умею красиво говорить, но, честное слово, Майор, я тебе так врежу за то, что ты сказал доку про секс!

— Какой лирический момент пропал, — вздохнул Том.

— Я тебя люблю, Майор.

— Я тоже тебя люблю, Барби. Объявляю нас мужем и женой.

Часть вторая. Эпизод 14

Чен очнулся только в начале июня. Кости, поломанные в результате падения, срослись, пока он был в коме, ушибы и царапины исчезли буквально за неделю. Врачи поражались динамике выздоровления при полной неподвижности пациента.

Он открыл глаза и увидел спящую рядом Люси. Она держала его за руку и мелко вздрагивала во сне.

— Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду, — Люси подняла голову и виновато улыбнулась.

— Где мы?

— В Индонезии.

Вот занесло-то!

— Который час?

— Поздно уже, вечер.

— А день какой?

— Милый, сейчас уже... Сейчас июнь...

— Что?!

Это был сокрушительный удар. Провалиться в кровати полтора месяца? Уму непостижимо.

— Ты их нашла?

— Кого? Близнецов? Нет, они пропали.

— Ноги в руки — и в Колорадо. Город Грэнби, округ Гранд Каунти. Выяснить всё, что там странного произошло, всё! И с докладом ко мне. Пошла! Пошла, я сказал!

Выгнав Люси прочь, Чен бессильно рухнул головой на подушку. Нужно было срочно проанализировать сложившуюся ситуацию.

Итак, близнецы опять ушли буквально из-под носа. Это была уже тенденция, причём тенденция неприятная. Мало того, сейчас поиски могут усложниться в два раза — если Кругловы вдруг решат разбежаться. Это было бы весьма логично.

Далее: кажется, он понял, что произошло в монастыре. И это понимание ставило в тупик не менее чем способность Далай-ламы исцелять раненых. Получалось, что Кругловы ничего не изобрели, телепортация уже существует. Иначе никак не объяснить перемещение из Катманду в Вангъял и падение из Вангъяла в Банда-Ачех. Тот колодец... сколько их на территории монастыря? Ясно, что десять лет назад самого Чена отправили в США именно через такой портал, или как это может называться. С другой стороны, близнецов бросили в тот же колодец, куда нырнул сам Чен, но никто, кроме него, с крыши пятиэтажки не падал.

Получается, что один колодец может выбросить в разные места?

Тогда задача ещё больше усложняется. Вдруг братьев тоже разнесло в пространстве?

Ещё одной проблемой была китайская разведка. Как-то надо было с ними разбираться. Чен не понаслышке знал, что бывает с теми, кто подводит внешнюю разведку КНР. Надо было придумывать, как выкручиваться. Сдавать полную документацию «Порта», то есть полностью выполнить условия договора, в планы Чена не входило. Он намерен был переиграть всех и остаться на игровом поле один.

Шахматы Чену никогда не нравились, он предпочитал шашки.

Часть вторая. Эпизод 15

Близнецов в Грэнби не было. Более того — не было и самого Грэнби, по городу будто торнадо прошёл.

— Что, дамочка, что? — нетерпеливо бил копытом местный шериф по фамилии Норберт. — Вы видите — у нас тут бедлам, излагайте быстрее свою просьбу.

— Сэр, я ищу не совсем обычного человека... вернее, двух. Они сиамские близнецы, вот фото, — Люси протянула шерифу последнее фото близнецов.

Норберт машинально взял в руки карточку.

— Вы ещё меньше не могли фото принести? Тут же групповой снимок!

— Но...

— Забирайте, я вам и без фото могу точно сказать, что никаких сиамских близнецов у нас отродясь в Грэнби не бывало. Сукин сын — тот имелся, буквально на днях нагадил, и застрелился у себя в танке, а вот таких...

Шериф внезапно смолк. Затем, бросив на стол шляпу и связку ключей, прошёл в дальний угол своего кабинета и включил компьютер.

— Дамочка, подойдите сюда, если вам не трудно.

Люси не было легко, но она привыкла, и подошла к шерифу со всей возможной в её положении грацией.

— Такой подойдёт? — шериф, пощёлкав мышкой, открыл какую-то папку, а в ней — файл с изображением.

Этот был... э... это был один из них Джордж или Джулиус, не разберёшь. Но отчего-то один, без брата, сидящий в халате на больничной койке.

— Это он?

— Простите... а он был один?

— А вы не видите? Конечно, один. Это и любопытно, ведь, судя по вашему фото, он был... хм... сильно привязан к своему брату.

— Как деликатно вы это подметили.

— Благодарю. А нет ли у вас, чисто случайно, отпечатков пальцев хотя бы одного из них?

— К сожалению, нет.

— Но вы мне скажете, кто эти молодые люди.

Конечно, Люси не хотелось бы вдаваться в подробности, но если хочешь получать информацию — изволь отдавать взамен другую.

— Это сотрудники Центра прикладных исследований, Сан-Франциско, Джордж и Джулиус Кругловы.

— Вы сюда из Фриско прискакали? А когда эти парни пропали?

— В конце мая.

Шериф пошевелил губами, что-то прикидывая в уме.

— Не сходится, дамочка.

— Что не сходится?

— Видите ли, я слышал, что бывают операции по разделению сиамских близнецов — правда, стараются их делать только в раннем детстве. Я готов допустить, что эти ваши Джордж и Джулиус... кстати, фамилия: они русские?

— Да.

— Хм... — поскрёб подбородок Норберт. — Нет, всё равно ерунда. Да, я готов допустить, что этим двоим сделали операцию по разделению. Но!

— Но?

— Это же очевидно! Допустим, им сделали операцию сразу после исчезновения. Допустим, они даже каким-то неведомым науке способом оказались в Грэнби первого июня... один из них, по крайней мере, оказался, например, Джордж. Однако как он сумел восстановиться после такой тяжёлой операции всего за неделю?

— Глубоко, — согласилась Люси.

— Не иронизируйте, дамочка, я ещё не закончил. Насколько я могу судить, эти двое не были должным образом укомплектованы.

— Ваша тактичность просто бьёт все рекорды, шериф, — и Люси выразительно посмотрела на свои протезы.

— Извините, я человек прошлой формации, привык называть вещи своими именами. У молодых людей с фото полторы руки на брата. Смотрите сюда — наш клиент может торговать своими органами, доктор сказала, что такого здоровья отродясь не видела.

— Да, пожалуй, — согласилась Люси. — Но, чисто теоретически — этот ваш клиент...

— Он уехал.

— Куда?

— Не знаю. От нас одинаково близко и к Атлантике, и к тихоокеанскому побережью. Америка — свободная страна.

— Да. Извините, не буду вас больше задерживать.

— Ничего, дамочка, это вы извините, что не смог вам помочь.

Дамочка уковыляла. Аэропорт рядом, сейчас сядет в самолёт и через пару часов будет в Калифорнии.

Сан-Франциско, надо же. Центр каких-то исследований. Это не тот, про который рассказывали по телеку незадолго до того, как Марвин Химейер прославил Грэнби? Целая группа учёных убились в самолёте. Ох уж эти самолёты. Ох уж эти учёные.

Занятная дамочка. Почему она приехала искать этих своих близнецов именно в Грэнби? Она ведь из аэропорта приехала, такси-то с местными номерами. Значит, не прочёсывала каждый город по трассе 40, а летела по наводке. А кто навёл? Неизвестно. А чего хотела? Тоже неизвестно.

— Алло. ФБР? Нет ли у вас в разработке сотрудников Центра прикладных исследований в Сан-Франциско? Капитан Фил Норберт, шериф Грэнби. Да, имею информацию. Два двенадцать? Жду.

Кемалю было очень стыдно. Мало того, что не выдержал и украл-таки у опекуна магический амулет, так ещё и не мог придумать какую-нибудь приличную ложь, когда русская «Наташа» прижала его к стене.

Амджа не скрывал, что барсук — не простая побрякушка с базара, а реально работающий амулет, и даже дал попробовать его силу обоим воспитанникам. Рифата необычные ощущения от контакта напугали, будто он привидение увидел, а вот Кемаль буквально влюбился барсука. Вот откуда у опекуна его богатство, понял он. Амджа нашёл богатый клад.

Честное слово, Кемаль не собирался присваивать амулет, нет, разве он посмел бы? Барсук сам звал, просил, требовал — заberi меня себе, Кемальчик! Зачем я буду без толку висеть на брелоке твоего опекуна, используй меня с толком, и я воздам тебе сторицей! Аллах свидетель, так и было! И с этого момента все мысли Кемалья были о волшебном предмете.

Как сладко замирало сердце, когда в зеркале отражался, будто бы, всё тот же Кемаль, но глаза меняли цвет на синий и зелёный, и казалось, что не Кемаль там, с другой стороны стекла, а могущественный святой, которому Аллах даровал столь могучее зрение, что видно сквозь землю всё, как сквозь стекло. Правда, оказалось, что видно только сквозь землю. Сквозь стены, сквозь одежду, сквозь дерево волшебное зрение смотреть не помогало. Как ни паялся самозванный Мехмет Йылмаз, под чьим именем работал в отеле Кемаль, на прелести юных «наташ», приехавших прожигать жизнь в Турцию — ничегошеньки не видел. Но зато забытые и зарытые в песок пляжа этими же рассеянными «наташами» золотые цепочки, кольца и серьги, даже после заката видны были, как днём, и даже лучше. За неделю Кемаль, бывало, собирал не менее килограмма украшений.

Но вдруг всё веселье закончилось. Взятый за горло, Кемаль выдал амджу, и тем самым закрыл себе путь домой. Как ни крути, а он предал опекуна, которого Рифат уже отцом готов был называть. Оно, конечно, ничего плохого — амджа был куда добрее безвременно погибших родичей, заставлявших Кемалья с Рифатом выполнять всякую неблагодарную работу в обмен на еду и кров. Амджа был куда добрее и справедливее родителей многих одноклассников Кемалья. И хотя он был неверный, веру свою не навязывал, и даже наоборот — куда чаще иных родителей водил воспитанников в мечеть. Узнал у имама, как правильно вести себя правоверным магометанам, и следил, без фанатизма, но и не сквозь пальцы, чтобы Кемаль с Рифатом жили не в безбожии. Рифат даже сказал брату по секрету, что слышал, как имам отчитывал одного из прихожан, и ставил амджу в пример.

И вот теперь Кемаль предатель. Не по злему умыслу, а по глупости и самонадеянности.

Единственный выход, который Кемаль видел из сложившейся ситуации — это прийти к амдже с повинной головой. Но не раньше, чем сам Кемаль найдёт богатый клад. Кемаль раскопает его, станет богатым и знаменитым — и вернёт амдже и богатство, и барсука.

И тогда амджа его простит.

Часть вторая. Эпизод 16

Первое время всё было хорошо: Сузуме провела Егора в Голливуд, познакомила с нужными людьми, и его приняли в «Дримворкс», инженером в отдел комбинированных съёмок.

Егор получал приличную зарплату, снимал приличное жильё, ел приличную еду, и ухаживал за Сузуме. Эмоции захлёстывали Егора, и какое-то время он даже забыл о своих проблемах с памятью и загадочной электросхемой. Но потом гормональная буря в организме утихла, и всё вернулось на круги своя: мучительные попытки вспомнить, откуда он и кем был раньше, неожиданное чувство помехи, когда казалось, что справа на руке повисает двойник и не даёт работать.

Но хуже всего было ночью. Егор начал слышать все эти звуки не спящего города, и они сводили его с ума. Он перестал спать, и сидел ночи напролёт над ворохом салфеток, исчерканных одной и той же схемой.

Вся Калифорния — это один длинный город, тянущийся на многие километры, но Лос-Анджелес — это его апофеоз. Расстояния здесь такие огромные, что пешком не дойдёшь, так что без автомобиля ты — как без ног. Говорят, что житель Лос-Анджелеса, едва родившись, покупает три вещи — трусы, шлёпанцы и автомобиль. И миллионы двигателей внутреннего сгорания производят такой шум, что хоть на стенку лезь.

Однажды под утро в поисках тишины, или хотя бы естественных шумов, Егор приехал на побережье.

В это время капитан Тедди Бишоп набирал очередную группу непрофессиональных рыбаков для выхода в океан. За умеренную плату он отвозил «туристов» в специальные места, где стояли рыбы косяки. Схема обслуживания простая: «туристы» платят за выход в море и аренду снастей. Рыбачат, кто сколько поймает, весь день. Вся рыба складывается в общий котёл. Те, кто поймал больше всего, имеют право выбрать ту рыбу, которую хотят. Потом добычу делят менее удачливые рыбаки. Остальное забирает команда. Вся фишка в том, что «туристам» не нужна вся рыба, они её просто не съедят. Хранить сто килограммов рыбы? Да им бы десять килограмм одолеть! Вот и получается, что почти тонна рыбы, которую наловили сухопутные за весь день, остаётся команде. Это были своеобразные премиальные.

— Сколько стоит билет? — спросил Егор.

— Фискальных документов я не выдаю, парень. Наличные под моё честное слово.

— И рыба тоже моя?

— Сколько унесёшь.

— Я в игре.

Егор, едва ступил на борт траулера, понял, чем хочет заниматься. Настоящая жизнь была здесь, где не было видно берега, где волны порой достигали высоты двухэтажного дома, и запросто могли смыть тебя за борт. Было в этом что-то родное, от чего веяло не опасностью, а домом.

— Капитан, сэр, можно вас на пару слов? — спросил Егор, когда они вернулись в город.

— Сынок, ты так волнуешься, будто хочешь меня на свидание пригласить, — засмеялся Тедди Бишоп. — Валяй, говори.

— Возьмите меня в команду. Я видел, что у вас моториста нет, и старпом всё время бегаёт в машинное отделение. Я буду хорошим мотористом.

— Сынок, ты, кажется, не совсем понимаешь, что такое океан. Это не пикник, на котором вы сегодня развлекались.

— Капитан, сэр, я всё прекрасно понимаю.

— Здесь всё зависит от улова, ты знаешь? Иной раз у моих парней едва хватает на носок к Рождеству, а положить туда уже нечего.

— Я не женат, думаю, мне хватит и носка.

— Окей, парень, сдаётся мне, ты знаешь, о чём говоришь. Пойдём в машинное отделение, покажешь, на что способен.

Капитан предложил Егору завести двигатель, и с поставленной задачей Егор легко справился.

— У второй машины выпускной клапан стучит, — сказал Егор Бишопу сквозь шум. — В остальном, вроде, всё нормально.

— Сынок, ты уже ходил раньше на такой посудине?

— Нет, сэр, но с чем-то подобным в прошлой жизни я имел дело. Похоже, с океаном я знаком лучше, чем с автомобилями.

— Беру тебя с испытательным сроком. Отходишь две недели — возьму в команду.

Так Егор начал ходить на траулере. Здесь шум не был искусственным, всё было на своём месте. Даже спал Егор прямо здесь, в кубрике. Тедди тоже был вполне доволен новым мотористом. Кроме того, что парень прекрасно ладил с техникой, он ещё и на палубе работал с удовольствием, будто всю жизнь только и делал, что ловил рыбу. С командой у него сразу наладились прекрасные отношения.

Определённо, парень был рождён для большой воды.

Часть вторая. Эпизод 17

В урне было пусто. А вот пассажиры на остановку подходили один за другим. Дачники, молодые люди, собравшиеся на пляж, даже Вика подошла.

— Привет, — сказала она.

— Здравствуйте, — рассеянно поздоровался Юся, мучительно пытаюсь вспомнить, откуда знает эту девушку. Его опять охватила паника.

Бомбы не было, он точно проверял. Но беспокойство росло с каждой минутой.

— Что с тобой? — Вика заглянула Юсе в глаза.

— Ничего... — ответил Юся.

— Ты что, бомбу ищешь?

— Ищу.

— Но ведь нет никакой бомбы, успокойся.

Пассажиры оживились — на горизонте появился и замер перед светофором автобус.

Одновременно с автобусом из-за кустов выехал велосипедист.

И чем ближе он приближался, тем холоднее становилось Юсе. Всё должно было случиться именно сегодня, именно сейчас.

— Уходите! — закричал Юся. — Уходите отсюда, сейчас бомба взорвётся!

Кто-то из пожилых охнул, молодые ребята заржали, девчонки зашушукались, но никто не выказал ни малейшего желания уйти.

— Юся, успокойся, — Вика ласково взяла дворника за плечо. — Никто не взорвётся, тебе кажется.

Вместо того чтобы успокоиться, Юся стал выталкивать всех с остановки.

— Пошли, пошли отсюда! — орал он, срываясь на визг. — Я говорю — пошли!

— Может, психиатров вызвать? — спросила у Вики пожилая дама в спортивном костюме и ткнула в Юсю пальцем. — Вы его знаете?

— Это дворник из моего дома, — сказала Вика. — Он безобидный, просто...

На горизонте замелькал жёлтый огонёк, потом вспыхнул зелёный, и автобус стал медленно приближаться к остановке. Люди стали подходить к краю платформы. Впрочем, они тут же разочарованно отошли — автобус свернул на другую улицу.

А Юся заворожёно следил за приближением велосипедиста. Он сразу узнал парня, который крутит педали по району уже не первый день, хотя выглядел велосипедист совершенно иначе, чем обычно. На нём был мешковатый свитер, старые джинсы, заляпанные краской, полукеды — тоже в разноцветных брызгах, будто он ремонт делал.

Но велосипед! Велосипед Юся очень хорошо запомнил. Руль, вывернутый в обратную сторону, множество старых — советского ещё образца — оранжевых, красных и белых катафотов на спицах и самодельных брызговиках.

К багажнику была привязана бумажная коробка из-под торта.

Террорист подъехал к остановке, посмотрел на приближающийся автобус, оглянулся на пассажиров — и Юся встретился с ним глазами. У террориста было молодое небритое лицо, на котором замерло выражение тревоги — такое каждое утро видел в зеркале сам Юся. И ещё у незнакомца были разные глаза: синий, как вечернее небо и зелёный, как бутылочное стекло. Пристальное внимание Юси велосипедисту не нравилось.

— Чего уставился? — резко спросил террорист.

— Это он! — закричал дворник и кинулся в драку.

Вика повисла на Юлике и тонюсеньким голосом запричитала:

— Юсенька, успокойся, всё будет хорошо. Хочешь, я тебя домой уведу?

Народ на остановке зароптал, один молодой человек встал было урезонить дворника, но подруга не пустила: вцепилась в локоть.

Юся стряхнул с себя Виксу и хотел ударить террориста кулаком в лицо, но тот легко отпихнул дворника рукой, и Юся упал под ноги к пассажирам. Отчего-то люди брезгливо отступили в сторону, будто Юся не дворник, а бомж какой-то...

— Эй, уймите кто-нибудь этого психа! — возмутилась дама в спортивном костюме.

Двое парней тут же схватили Юсю под локотки, помогли подняться, и уже не отпускали.

— Юсенька, миленький, не надо, — Вика едва только на коленях не ползала. — Юся, пойдём лучше домой, а?

Вика заслонила обзор, и Юся на мгновение потерял велосипедиста из поля зрения.

Мозг лихорадочно перебирал варианты развития событий, но самым вероятным дворнику казался автобус. Наверняка террорист хотел оставить коробку в салоне, чтобы людям после взрыва некуда было деться. Весь, изогнувшись, дворник посмотрел на проезжую часть. Автобус был ещё далеко.

— Да тихо ты, не трепыхайся, — сказал один из парней.

— Я вызываю «скорую»! — громко объявила дама в спортивном костюме.

Слева звякнул велосипедный звонок. Юся повернул голову и увидел, как террорист уезжает прочь. Без коробки.

— Бегите! — отчаянно заорал Юся.

В этот же миг гроыхнуло, остановка подпрыгнула, и Юся упал на асфальт, сбитый с ног Виксой.

Сознания он не терял, только сильно звенело в ушах. Хорошо ещё, что во время взрыва он был с открытым ртом, иначе точно оглох бы.

Юся осторожно потрогал лежащую на нём Виксу. Девушка не реагировала. Юся постарался приподнять её, со всей деликатностью, на которую был способен. Вика тяжело свалилась рядом, и он увидел, что девушка мертва. Фактически, она спасла ему жизнь, встав между Юсей и бомбой, которую террорист бросил на землю.

Вокруг валялись тела. Сквозь звон в ушах Юся слышал чьи-то крики о помощи, но его сильно мутило, и высматривать тех, кому нужна была его помощь, не было ни сил, ни времени.

Шатаясь, как пьяный, и перешагивая через людей, лежащих на асфальте, Юся пошёл в ту сторону, куда поехал велосипедист. Главное — не думать. Бормотать под нос глупые стишки, слушать звон в ушах — и идти: ноги сами выведут туда, куда нужно.

— Да ты что там, спишь, что ли? — донеслось до Юси сквозь грохот металла.

Он открыл глаза и понял, что ему всё приснилось. И взрыв, и девушка Вика, и террорист... Реальной была только Модестовна, которая ломилась в котельную.

Юся встал с лежанки и пошёл отпирать дверь.

— Ты совсем охренел, молодой чемодан? — возмущалась Модестовна. — Я тебе уже полчаса стучу, думала, всё, милицию вызывать надо — заперто изнутри, никто не отворяет. Спал, что ли?

— Виноват, сморило, — кисло ответил Юся.

— Чего виноват-то, шесть вечера, в своём праве, — смягчилась Модестовна. — Я чего пришла-то. Тут гестапа днём Горемыкиному начальству звонила, спрашивала про Олегу Кошевую, ругалась очень.

— Чего? — не понял спросонья Юся.

— Фээсбе тобой интересуется, вот что, — сказала Модестовна. — Впусти уже начальницу.

Юся отступил в сторону, и Эмма Модестовна прошла в трескучий полумрак бойлерной.

— Давление в емкостных бойлерах в норме?

— Я спал, сейчас посмотрю.

— «Посмотрю», — вредным голосом передразнила Модестовна. — Иди лучше чайник включи, генерал Лизюков за давлением посмотрит.

Юся безропотно налил в электрочайник воды из бутылки и включил прибор.

— Вот что, Эйнштейн недоделанный, мы тут с Горемыкой покумекали... Сваливать тебе надо, а то гестапа тебя закроет и стрелочником назначит.

— За что?!

— Да всё за то же: взялся неизвестно откуда, не помнишь ни хрена — значит, террорист.

— Это же глупо!

— Милый, ты в какой стране живёшь? Кто здесь разбираться будет, генерал Лизюков? У нас террорист не тот, кто виноват, а кого назначат! Вот вроде умный ты человек, в технике разбираешься, в науке, а бытовой мудрости в тебе ну ни на грош! Держи!

На стол упал паспорт.

— Это что — мой?

— Не твой, а с твоей фотокарточкой.

Вот всё-таки хорошо, что Петрович был такой дальновидный. Как ты бомжа привлечёшь давать показания, когда у него даже прописки нету? Вывернулся же. Предложил сделать Юлику паспорт, но не выдавать, а держать у себя. Бракованных же удостоверений личности навалом: фамилия у гражданина Ковалёв, а они напечатают Ковалев, а это уже другое ударение и другая фамилия. Или зовут гражданина Рахим Агабала-оглы, а записывают — Рагим Агабалович, что тоже в корне неправильно. Так что Юсе достался паспорт Кефира Арнольда Павловича, который на самом деле был Кифер. И паспорт этот хранился у Горемыки дома, в сейфе, вместе с «макаровым».

Можно, конечно, было сделать парню и нормальный паспорт, но отчего-то Горемыке не хотелось выдумывать фамилию. Юся помнил только своё странное погоняло, хотя и утверждал, что это его настоящее имя. Фамилии у него не было. А Горемыке фамилии в голову приходили самые похабные, и самая приличная, которую он мог вспомнить, была Бляблин. Ну как с такой фамилией явишься в суд? Тебя спросят: как фамилия, а ты — Бляблин. Не матерись, скажут тебе, отвечай по существу! А ты опять: Бляблин. Нет, пускай и сейчас живёт под чужой фамилией, авось, отыщется кто-нибудь, кто признает в Юсе родного или знакомого.

— Я тут тебе зарплату вперёд насчитала, — сказала Модестовна, — и участковый от щедрот вложил, купишь билеты — и дуй отсюда, куда подальше.

— Так мне некуда, я ж не помню ничего!

Модестовна крикнула — вот же упёртый! — и сказала:

— А думаешь, гестапа тебе поможет вспомнить? Она тебе так поможет, генерал Лизюков потом не узнает!

— А если я его найду?

— Кого?

— Террориста!

— Юся, очнись, ты бредишь! Я тебе русским языком говорю — не тот террорист, кто виноват! Наливай чай, вскипело!

Юся встал, поставил на стол чашки, заварник, тарелку с сухарями, сахарницу и чайник. Несмотря на свой суровый нрав, Модестовна пила чай некрепкий, слегка подкрашенный, и называла его «моча Ивана Ильича», и сахару любила много. Объясняла она это тем, что крепкие напитки ей противопоказаны, а то она будет кирпичами какать, слишком уж она суровый человек. Модестовна и впрямь ничего крепче этой «мочи» не пила, и Юся подозревал, что это

из-за легковозбудимой нервной системы. Все зубы у Эммы Модестовны были железными.

— Пойми, — сказала Модестовна, прихлёбывая кипяток и хрустя сухариком, — мне тоже резону нет — такого работника отпускать. Ну, кто, скажи мне, пойдёт улицы мести за три тыщи? Генерал Лизюков? Я ж за тебя свечки каждое воскресенье в церкву хожу ставить. Что ржёшь, конь педальный?! За тебя же беспокоимся: и я, и Горемыка этот, ни дна ему, ни покрышки. Ты слышал, что у нас в январе было? Рванули остановку, ладно, там стена бетонная была, никто не пострадал, контузило только несколько человек. А если, не дай боже, ещё рванёт? Гестапе же по рулю будет, что ты с луны упал, причём только на день защиты от детей. Не ржи, говорю, я тут ведь не шутки тебе шучу, Эйнштейн ты недоделанный!

— Я не смеюсь, я улыбаюсь.

— И улыбаться не надо. Вам бы всё хаханьки, а жизнь — это, скажу тебе, не генерал Лизюков.

Она допила чай, шумно отдышалась и осмотрела бойлерную.

— Как красива наша саванна с высоты птичьего полёта, — произнесла она. Она всегда так говорила, когда напивалась чаем.

Что и говорить, за то время, что Юся жил в бойлерной, она преобразилась. Инструменты были упорядочены и разложены по именным полкам сантехников, весь ненужный хлам Юся вывез в подсобку, нужный рассортировал, и получился не хлам, а запчасти.

Ну, и украшением бойлерной стала Юсина установка в стиле хай-тек, назначения которой не понимал и сам Юся. Хоть Модестовна на неё и ругалась, но не признать красоты дизайна не могла.

Однако Юсю чрезвычайно заботило собственное реноме, и на восторженные возглас начальницы он отреагировал неадекватно:

— А если его найти?

— Кого? Террориста? А если его вообще нет? Если это хулиган какой-то балуется? Гестапе хулиган не нужен, им идейного сепаратора подавай.

— Вы хотели сказать — сепаратиста?

— Не ори на мать!

Часть вторая. Эпизод 18

Вечер посещений на Модестовне не закончился. Не прошло часа с того момента, как она ушла, как в бойлерную снова постучали, оторвав Юсю от агрегата.

Юся решил, что это мужики пришли пива выпить и матч посмотреть — водился за ними такой грешок — и пошёл открывать.

Но на пороге стояли не мужики.

— Сергей? — удивился Юся.

В коллективе отношение к молодому дворнику было исключительно шефское, покровительственное. В основном в ЖЭУ работали мужики далеко за сорок, перебесившиеся и спокойные, как танки. Помимо основных обязанностей на молодом дворнике висело ещё «сбегать в магазин» и «прикрыть, если чего». Юся, не роптал, бегал и прикрывал. Магазин рядом, чего не сбегать, а прикрыть и вовсе большого ума не требуется: только что был, вышел по делам — и всё, человек вроде и не прогуливает, а очень даже востребован на работе.

Это очень бесило Серёгу Коноваленко, сварщика. Серёга был лет на десять старше Юси, воевавший, бессемейный, держался особняком. У него тоже были нормальные отношения с мужиками, но вот готовности Юси угодить он не понимал.

До открытых конфликтов не доходило никогда, но стоило в пятницу коллегам скинуться и отправить Юсю за бутылкой, Серёга неизменно фыркал и отворачивался.

Несколько раз Юся пытался с Серёгой поговорить, но сварщик посылал дворника лесом.

Серёга жил в другом районе, на окраине, в частном домишке, затаившемся меж двухэтажных деревянных барачков. В доме было печное отопление, отсутствовало электричество и телефон, и, как говорили мужики, водопровода и газа тоже не было. Архаика на окраине областного центра. Однажды мужики в питейном настроении решили Серёгу навестить, так он их даже во двор не пустил. Мужики сначала обиделись, а потом махнули рукой — гордый и гордый, пускай живёт себе.

И вот теперь этот нелюдим пришёл в гости. Странно.

— Впусти, поговорить надо, — буркнул Коноваленко.

Юся впустил сварщика, запер дверь и спросил:

— Что-то случилось?

— Случится обязательно, если ты не свалишь. Я слышал, как сегодня участковый с Модестовной разговаривал. Тебя фээсбэ террористом считает.

— Я знаю, Эмма Модестовна только что здесь была.

— А чего ждёшь? Денег мало? Я могу тебе пару тысяч дать, больше, извини, нету.

— Да я не виноват ни в чём, зачем меня подозревать?

— Все знают, что ты не виноват. Но они разве разбираться будут?

— Но, может, его ещё найдут, этого террориста. Улики же есть.

— Какие у них улики? Коробка от торта кондитерской номер семь? Не смей меня. Бежать тебе надо.

— Откуда ты знаешь, что кондитерская номер семь? Тебя же там даже не было.

— Мужики рассказывали.

Юся вспомнил, как его выдёргивали из урны. Возможно, издалека мужики и могли видеть, как сапёр вынимает из пингвина коробку, но печать «Кондитерская № 7» видел только Юся, находясь внутри.

— Мужики ничего не могли тебе рассказать. Откуда ты знаешь про кондитерскую?

Коноваленко долго исподлобья смотрел на открытое и совершенно не испуганное

открывшейся правдой лицо дворника.

— Ты меня не боишься?

— Нет. Чай будешь?

Часть вторая. Эпизод 19

Серёжу Коноваленко крепко обидели. Когда он, боевой офицер, вернулся из Чечни в родной город, оказалось, что квартира в новом доме, которую он строил на паях, ему не принадлежит. Как уж это вышло, что вместо трёхкомнатной квартиры в новом районе ему выдали ордер на лачугу в трущобах, он разобраться не умел и не хотел — он сразу отправился в суд. А в суде сказали, что документы в порядке, просто в них вкралась досадная ошибка: улица, на которой строился новый высотный дом, называлась 9 Января, а в документах значилась улица 9 Мая. И документы абсолютно правильные и подлинные.

Представитель строительной компании, надувший Сергея, приподнялся до заместителя мэра, но Коноваленко был упорным, пробился на приём и потребовал ответа. Чиновник пожал плечами и сказал, что Сергею просто не повезло, нужно забыть о плохом — и двигаться дальше. Сергея эта перспектива не устроила, и он набил мошеннику морду. Приехала милиция и упаковала хулигана на пятнадцать суток. По-дружески упаковала, чиновник требовал уголовного дела, но Сергея отмазал такой же, как он, ветеран, работавший в милиции.

Из тюрьмы Сергей вышел абсолютно сломленным. Он понял, что никто ему не поможет, никто справедливости искать не будет. И он въехал в эту уродливую халупу на окраине города, и даже какое-то время прожил там, пытаясь обустроить быт.

Домик Сергея был кособокий, разваливающийся, штакетник старый и гнилой, калитка держалась на одной петле. Палисадник и огородик во дворе заросли осотом и бурьяном. Окна пыльные, в дорожках от дождевых капель. Поленица у забора тоже была скособоченная, с выдранными досками, беспорядочно разбросанной щепой. На гвозде, вбитом в стену, висела ржавая ножовка.

Даже дверь в дом была закрыта на гвоздик. До последнего Сергей надеялся отвоевать свою квартиру и не жить в этом убожестве.

Но деваться было некуда — эти шесть на шесть метров были единственным, что у него осталось. Коноваленко принялся за дело: отмыл окна, поправил забор, выкосил траву, протопил печь. Одному жить можно. Если экономить, можно когда-нибудь пробурить скважину и иметь свою воду, поставить электрогенератор и иметь электричество, канализацию Серёга мог сделать сам, и даже выкопал под неё колодец.

Железные обручи обиды, сковывавшие грудь, как будто отпустили. Коноваленко стал строить планы на будущее. И всё было бы хорошо, если бы он во время мытья полов случайно не опрокинул ведро.

Серёга чертыхнулся, и начал было собирать пролившуюся воду тряпкой, как увидел, что вода быстро убегает сквозь половицы. Так Коноваленко обнаружил в своём доме подвал.

Здесь, под землёй, некогда держал своеобразное хозяйство очень аккуратный и педантичный человек. Может быть, учитель химии или физики, может, сотрудник какой-то лаборатории. Стены подвала были обшиты вагонкой, вдоль досок тянулись трубы, запитанные, по всей видимости, от железной буржуйки, стоящей в углу: хозяин не только отапливал помещение, но и подсушивал доски.

Здесь царил идеальный порядок — всё рассовано по баночкам и коробочкам, баночки и коробочки — по полочкам. Верстак с инструментом, колбы и банки с реактивами (селитра, бертоллетова соль, сильные кислоты). Над верстаком — дополнительная лампа и принудительная вентиляция, уходящая в вытяжной шкаф, соединённый, если Сергей ничего не путал, с печкой наверху.

Здесь было электричество — видимо, где-то рядом проходил подземный кабель, и

предыдущий хозяин сумел к нему подцепиться.

Среди книг и журналов значительное место занимала старая, дореволюционная ещё литература о том, как в домашних условиях изготовить бомбу.

Сразу вспомнилось недавнее происшествие из новостей: как в США такой же сварщик, как Серёга, обиженный сильными мира сего, встал на защиту своей чести.

План сложился сам по себе, будто всегда был в голове. Развязать уличную войну, запугать всех — и больших, что безнаказанно угнетают малых, и малых, что привыкли глотать обиду и не роптать. И в этом всеобщем ужасе убить обидчика, заставив перед этим вернуть то, что принадлежит Сергею по праву. А потом можно хоть в тюрьму, потому что главное — это справедливость.

Он подготовил первое взрывное устройство ещё зимой, но что-то напутал с рецептурой, и бомба взорвалась раньше времени. Контузии получили два офицера местного гарнизона, оклемались быстро. Однако большого резонанса этот взрыв не наделал. Все посчитали, что это просто бандитские разборки.

На какое-то время Коноваленко затаился. Он искал ошибку в рецептуре. Искал долго, извёл кучу реактивов, но всё же нашёл идеальное сочетание компонентов, и после испытаний за городом решил, что готов.

Зарядов он приготовил сразу много. Рассовал бомбы на автобусных остановках, у киосков, у магазинов, установил разное время — на сутки, на несколько часов, на неделю — электронные часы позволяли отсрочить взрыв хоть на месяц, лишь бы заряд не намок да батарейки не сели в часах.

Муляж бомбы Сергей заложил в урну, чтобы посмотреть, как быстро могут обнаружить устройство в самом легкодоступном месте. Если бы не Юся, коробка так и пролежала бы в урне, пока коммунальщики не приехали забирать мусор. И на кой Юсе потребовалось совать в пингвина голову?

С этого момента всё пошло не так. Отчего-то ФСБ посчитала дворника, поднявшего тревогу, пусть и ложную, подозрительным, похожим на чеченца. Контора рассматривала только один вид терроризма — со стороны чеченских сепаратистов. Благородную ярость всерьёз никто воспринимать не хочет.

Поэтому Коноваленко и пришёл к Юсе.

— Уходи, Христом богом прошу, — сказал Сергей обалдевшему от такой информации коллеге, — тут скоро совсем жарко делается, не хочу я, чтобы на тебя все думали, мне нужно, чтобы меня боялись!

— Зачем? — спросил Юся.

На Сергея жалко было смотреть: абсолютно безумное лицо, трясущиеся руки.

— Я никуда не уйду, потому что ни в чём не виноват, — твёрдо сказал Юся. — А вот тебе лучше уйти. И убрать все свои бомбы, пока не поздно.

Сергей вышел на улицу, глубоко вздохнул — и отправился убирать бомбы. До утра должен успеть.

Часть вторая. Эпизод 20

Когда Люси прилетела из Грэнби обратно в Сан-Франциско, в аэропорту её встретил человек, представившийся мистером Райнером.

— Люси, мне крайне прискорбно говорить вам об этом, но вы подозреваетесь в промышленном шпионаже в пользу Китая, а так же в пособничестве террористам.

— Что?

— Давайте без истерик. У бюро достаточно оснований для вашего задержания, и вполне достаточно улик, чтобы вас осудили лет на двадцать пять.

— Да как вы...

— Смею, миссис Дарк, смею. А так же смею предложить вам сделку. Но сначала позвольте рассказать вам интересную историю.

История интересной не была, она была гадкой от начала до конца, и по щекам Люси потекли слёзы ненависти и сожаления ещё до того, как Райнер закончил рассказывать.

Некто Чен, агент международной террористической организации «Братство небесного огня» несколько лет назад соблазнил и завербовал молоденькую талантливую программистку, работающую на Пентагон. Однако мужа программистки влекла не обороноспособность страны, а чистая наука. Чен уже пресытился военными секретами, его теперь прельщала всемирная сеть и прочие достижения научной мысли. Но талантливая программистка не хотела покидать Пентагон — она была на хорошем счету, её до сих пор не раскрыли, а муж, в общем, уже готов был отказаться от прав на супругу. И тогда Чен организовал небольшую, но страшную катастрофу, в результате которой программистка осталась без ног. Расчёт был прост — благородный муж ни за что не подаст на развод с женой-инвалидом, программистка-инвалид будет бесконечно благодарна любовнику, что он её не бросил, и сделает для него всё, что Чену заблагорассудится.

— Это неправда, — плакала Люси.

— Вот копии материалов расследования, ознакомьтесь. Помогите нам изобличить Чена, и мы заключим с вами сделку, вас укроют по программе защиты свидетелей.

Люси согласилась. Она не хотела спастись. Она хотела, чтобы Чен остался в дураках. Она хотела причинить ему боль.

— Ты наследила! — жёстко отчитывал Люси Чен. — Как можно быть такой невнимательной?

— Я всего лишь спец по компьютерным программам, — сказала Люси. — Ты даёшь инструкции, а я выполняю.

— Но ты под колпаком у федералов!

— И что теперь? Убьёшь меня? Бросишь?

Убить — это как-то слишком в лоб. Удалить с поля — более мягко, и тоже по существу.

Однако удалять с поля Люси было бы сейчас весьма опрометчивым шагом.

— Ты нашла близнецов?

— И да, и нет.

— Подробнее.

Люси рассказала подробнее. Близнецов в Грэнби не было, но — и это странно — один из них там всё-таки побывал. Почему ты киваешь, тебе что-то известно? У тебя взгляд какой-то странный. Я не могу понять — как близнец оказался в Колорадо, хотя ты догонял их в Непале? И почему ты знал, что они могут оказаться именно в Грэнби? Почему ты молчишь?

Чен не говорил. Ему стало скучно. Он рассчитывал на то, что покалеченная Люси будет

больше времени посвящать работе, а она слишком заиклилась на отношениях.

— Сервер, — сказал он наконец. — Ты почистила сервер Центра?

— Да, как и обещала. Попутно уронила им несколько локальных сетей, чтобы думали, что это глобальная ошибка системы.

— Прекрасно. Диск?

— Какой диск?

— Диск с данными по проекту.

— У меня его нет.

— В смысле?

— Я его... потеряла.

Чен пристально посмотрел Люси в глаза:

— Ты сообщаешь, что несёшь?

— Кажется, да. Я просто подумала, что тебе этот диск нужнее, чем я сама, вот и подстраховалась.

Чен ударил Люси по лицу. Потом ещё раз, ещё, ещё.

— Тварь, — цедил он после каждого удара. — Тварь!

Пожалуй, он и забил бы её до смерти прямо в машине, если бы не острая нужда в диске.

— Куда ты дела диск?

— Угадай... с трёх... раз... — отплёвываясь кровью, ответила изувеченная Люси.

— Я сотру тебя, — сказал Чен. — Сотру тебя из всех баз данных: сотру номер соцстрахования, права, диплом, всю твою жизнь. Тебя не будет! И никто не сможет доказать, что ты когда-то была на свете!

— Попробуй, и не видать тебе документации. Я её... я её китайцам продам.

— Ладно. Что ты хочешь? Чтобы я на тебе женился? Переписал на тебя наследство? Что?

Люси улыбнулась кровавой улыбкой:

— Я хочу новые ноги.

«Предлагаю встретиться в обычном месте. Появился устраивающий нас обоих вариант. Сильвер» — «Принято. Ч.»

Люси пришла за две минуты до встречи. Она всегда пыталась понять, откуда на абсолютно открытом пространстве набережной появляется, как чёртик из табакерки, любимый совсем ещё недавно человек. Вроде, только что не было никого, а потом — опа! — и он за спиной, неизменно с цветами. Свидание у людей, здесь таких парочек — пруд пруди.

И в этот раз он пришёл с цветами, несмотря на то, что совсем недавно собственноручно превратил лицо Люси в маску на Хэллоуин.

Сегодня Люси пришла в больших солнечных очках, с сантиметровым слоем грима на лице.

— Здравствуй. Прекрасно выглядишь, — искренне улыбнулся Чен.

— Спасибо, — Люси передёрнуло от отвращения. — У меня есть предложение. Я не хочу ноги. Пообещай мне, что оставишь близнецов в живых.

— Сразу к делам? Ну, хорошо. Допустим, я уступлю твоим гуманистическим порывам. Что я получу взамен?

— Документы по проекту.

— Ты ведь обмануть меня пытаешься, да? Вот так, в обмен на чужие жизни ты отдаёшь такой материал? Который могла обменять и на новые ноги, и на кучу денег в придачу. Я тебя не узнаю. Что с тобой, Люси? Ты плачешь?

— Обещай, что ты их не тронешь!

— Да успокойся, успокойся. Если ты не врёшь, один из них потерял память, и мне совершенно не опасен. Пускай себе гуляет. Где то, за чем ты меня позвала?

Люси открыла сумочку и достала оттуда два маленьких диска.

— На этом — заражённый пакет данных, на этом — полная информация по проекту, с дневниками всех участников.

Чен вынул из-за пазухи свой лэптоп, вставил диск и проверил, не заражён ли он вирусом-саботажником.

— Хорошо, всё чисто. А где гарантия, что ты не передала ту же информацию федералам?

— А где гарантии, что ты не попытаешься убить близнецов?

— Логично. Ну что ж, Люси, с тобой до недавнего времени было очень приятно работать. Жаль, что расстаёмся.

Чен встал со скамейки, и непринуждённой походкой отправился восвояси.

Люси осталась сидеть на скамейке. Она не понимала, почему Чен оставил её в живых. Неужели ему действительно всё равно?

В это время букет цветов, оставленный Ченом на скамейке, выстрелил сотней тончайших стеклянных иголок с цианидом. Иглы легко прошили одежду, и, воткнувшись в живую плоть, раздробились на тысячу мелких осколков. Осколки начали рвать кровеносные сосуды, цианид спустя несколько секунд вызвал паралич дыхания. Люси, царапая лицо и шею ногтями, пытаясь вытащить из себя невидимые занозы, упала со скамейки на мостовую и умерла.

Чен не оборачивался. Ему не нравилось смотреть, как умирают люди.

Сидя в своей штаб-квартире он уже спокойно, со всеми предосторожностями, начал просматривать файл с материалами. Да, похоже, это не фальшивка. Люси сама писала ему антивирусную защиту, как раз на случай случайного попадания «саботажника» в систему. Массивы и массивы данных, которые в скором времени Чен передаст сведущим людям, и они уже сами...

«Ку-ку!»

Из маленькой точки в конце строки вырос одноногий пират, нарисованный топорно, но узнаваемо. Невпопад шевеля ртом, пират заговорил голосом Люси.

— Привет с того света, Чен. Забыла тебя предупредить. Я написала новый вирус. Он не удаляет данные, но после каждого клика или нажатия кнопки на клавиатуре данные в массивах перестраиваются в произвольном порядке. При попытке взломать код вся информация исчезнет. При запуске печати вся информация исчезнет. Твоим друзьям из Китая от твоего имени я отправила такой же материал. Они безмерно благодарны тебе, особенно за то, что ты подсказал, и просили передать, что близнецов уничтожат сами. Теперь, если ты всё ещё хочешь разобраться в этой белиберде из знаков, тебе нужен живой близнец, а в идеале — оба. Торопись.

«Торопись! Торопись! Торопись!» — начал повторять попугай на плече пирата.

Чен ударил кулаком по лэптопу.

— Тварь! — в бессильной ярости орал он. — Тварь! Тварь!

Часть вторая. Эпизод 21

Они пробыли в больнице до июня. Рана долго не хотела заживать, Барбара психовала, ругалась с Томом, Том психовал и ругался с докторами, но всё же ранение было залечено. Том уже бил копытом.

— Ты что всё время дёргаешься? — спросила Барбара, когда они вошли в номер Тома.

— Мы едем в Лос-Анджелес, мне нужно собрать шмотки.

— Зачем это?

— У меня там яхта. Мы отправляемся на поиски клада, — радостно напевал Майор.

— У меня другие планы.

— Например?

— Искать близнецов. От них до сих пор ни слуху, ни духу, — напомнила Барбара.

— И как ты собираешься их искать? У тебя есть хоть какие-нибудь идеи с чего начать?

В дверь постучали. Майор открыл дверь, и на пороге возник Мезальянц и какая-то юная девушка.

— А вот и идеи! — невозмутимо ответила Барбара и обернулась к вошедшим, — Иван Иванович? Вы опять по мою душу?

— Барбара Теодоровна? Вы опять умирали?

Дуэль взглядов окончилась ничьёй.

— Как вас зовут, девушка?

— Виктория. То есть Вика. Я... как бы это по деликатнее...

— Деликатнее не надо, по существу.

— Мы ищем Егора и Юсю.

— Зачем? Предметов у них нет.

— Я знаю, что предметов у них нет, — сказала девушка. — Они в беде!

Вика рассказала обо всём, что она и Мезальянц успели узнать в Сан-Франциско. Упоминание о китайце заставило Барбару болезненно поморщиться.

— Мы с ним встречались, — кивнула она. — Пренеприятный тип. Он и охотится за близнецами.

— Ему пока очень не везёт. Мы не знаем, где близнецы, но китаец тоже мечется, не понимает, откуда начинать поиски.

— Потому что он не понимает, откуда искать.

— А откуда? — вернулся в разговор Мезальянц.

— Из дома.

— Вы думаете, они на Понпеи вернутся? — удивленно спросила Вика.

— Не «на», а «в» Понпеи. У них ведь там дом.

— Отличное решение! — жизнерадостно улыбнулся Том. — Отправимся за братьями, а заодно найдем клад!

— Ну, все понятно, — разочарованно вздохнул Мезальянц, — вы также как и мы ничего не знаете... Поиски можно прекращать...

Но кое-что Барбара всё же знала.

Вика не верила своим ушам:

— Вы хотите сказать, что их могли разделить?

Теперь предстояло искать двух одноногих инвалидов, что оптимизма не вызывало. Но Барбара настаивала на том, что братья обязательно отправятся домой. Они были слишком близки, они будут искать друг друга, а лучшее место встречи — это дом.

Получалось, что все дороги ведут на Понпеи.

Часть вторая. Эпизод 22

К экспедиции на Понпеи Барбара с Томом отнеслись самым серьёзным образом.

Грунт на Понапе каменистый, не помещает немного взрывчатки. Шанцевый инструмент от лучших производителей позволит откопать сколь угодно глубокую яму. Осветительные пашки — для подземных и ночных вылазок, мешки для золота, верёвки, рации, альпинистское снаряжение — для экстремальных ситуаций. Маленькие удобные ручные лебёдки, если вдруг сокровище окажется слишком тяжёлым. А ещё провиант, напитки...

— Мы не утонем? — с тревогой спросила Барбара. — Тут снаряжения — на пять арктических экспедиций.

— Я беру с собой только необходимое, — обиделся Брайдер. — Что я, новичок, что ли?

— Но ты берёшь так много вещей, будто собираешься откапывать, по меньшей мере, город.

— Запас карман не тянет.

Барбаре в Лос-Анджелесе не нравилось. Если Вегас был целиком построен для увеселения, то столица Калифорнии казалась ей какой-то безосновательно самодовольной. Было здесь шумно, многолюдно, суетливо, но смысла за всем этим Барбара не видела никакого. Скорей бы уже отплыть.

— Мы что, никого с собой не берём? — спросила Барбара у мужа, когда рано утром к причалу подъехал грузовичок со всеми заказанными по интернету продуктами и снаряжением. Два грузчика ловко разгрузили полутоннажный кузов, получили на чай, взяли с Майора расписку о доставке и отбыли. Майор начал перетаскивать снаряжение на борт.

— А что, нам брать с собой команду? Парусное вооружение простое, я один справлюсь. Навигационные приборы, горючее, двигатель — всё в порядке, у меня тут специальный человек всё проверил и отревизировал.

— Да, но это же, пардон муа, неделя автономного плавания, нет?

— Шесть дней, если погода хорошая. Если начнёт штормить, можно и все две недели на воде провести, у меня однажды такое было.

— Мы же свихнёмся со скуки.

— А покер? Я, между прочим, когда один ходил, наловчился сам себя обманывать перед зеркалом. Это, скажу я тебе, не в Лас-Вегасе...

— Майор, нам нужны попутчики.

— Что? Дармоеды? Ни в коем случае!

— Не дармоеды, а попутчики.

— Барби, не морочь мне полушария. У нас не будет остановок в пути. Сели в Лос-Аджелесе, вышли на Понпеи.

— Я лучше сразу разведусь.

— Ну конечно, я так и знал! Я ей помог повернуть аферу, а она мне подыграть не может. Между прочим, путешествие, в которое мы с тобой отправляемся, у нормальных людей называется «медовый месяц».

— Но среди нас только один нормальный человек!

— Вот именно. И я требую нормального медового месяца. Или хотя бы медовой недели.

— Я тебя утоплю во время этой недели.

— Только яхту не трогай, она под заказ сделана.

Так, ругаясь и переругиваясь, молодожёны закончили подготовку к экспедиции, на которую сам Майор возлагал большие надежды.

Или бог есть, или Барбара подозревала, что предложение отправиться на Понпеи не

останется без внимания, а только незадолго до отправления «Лары» на борт яхты ступила девичья нога.

— Ты Викса — я Барбара, и никаких отчеств, — предупредила Барбара гостью. Ты правильно сделала, что собралась с нами. Не бойся — найдём мы твоих друзей. А где Мезальянц?

Как Викса не уговаривала Ивана Ивановича отправиться с нею прямиком на Понпеи, тот не соглашался.

— Пойми: ты потеряла друзей — и ты беспокоишься, а я ребёнка потерял.

— Не фигу себе ребёнок — восемнадцать лет, лось вымахал больше вас.

— Я ему жизнью обязан. Им двоим. Не могу я его бросить, русские на войне своих не бросают.

— Не война же сейчас.

— Будут свои дети — поймёшь.

— Но они ведь не ваши дети.

— Мои! Я в них столько за это время вложил, что они — мои.

— А они в вас?

Подобная мысль Ивану Ивановичу в голову не приходила. Может, Кемаль поэтому и сбежал, что опекун не давал в себя что-то вкладывать?

— Не могу, — сказал Мезальянц Виксе. — домой мне нужно. Я Рифата уже завтраками закармлил, он моего возвращения ждёт.

Иван Иванович привёз Виксу в Лос-Анджелес, и отсюда же вылетел в Стамбул.

Рифат был безумно счастлив, когда амджа пришёл утром домой, открыл дверь своим ключом и сварил кофе.

— Я скучал, — сказал он.

— Я тоже, Рифат. Очень скучал. Скажи, ты у Кемалья в комнате прибирать не давал?

— Нет, амджа.

— Рифат, возможно, я тебе это редко говорю, но если бы ты был моим сыном, я знал бы, что твои мозги — это моя хорошая наследственность.

Иван Иванович вошёл в комнату Кемалья. Все стены увешаны красотками, качками, мастерами единоборств... только физическая карта мира выглядела на фоне всего этого спортивного мяса чуждым элементом. На карте были обведены синим фломастером Москва, Прага, пустыня Наска, Мальта, Калькутта, и ещё масса городов, месторождений золота и алмазов, исторических местностей.

На полках стояли исторические и приключенческие романы, подшивки журналов «Гео», «Нэшнл джеографик», в мусорной корзине под столом — много резаной бумаги. Кажется, Кемаль что-то вырезал.

— Где у него может быть тайник? — спросил Мезальянц у Рифата.

— Под матрасом, — не задумываясь, ответил воспитанник.

И не ошибся. Под матрасом Кемаль действительно хранил довольно пухлое собрание вырезок из газет и журналов.

«Сокровища инков», «Библиотека Ивана Грозного», «Нан-Мадол», «Золото Колчака», «Таинственный Нан-Мадол», «Золотые боги понапе».

Иван Иванович был поражён. Узел! Кемаль тоже в него угодил! Конечно, он мог отправиться и в Москву, искать библиотеку царя Грозного, но многочисленное упоминания Нан-Мадола, вырезки из путеводителей по острову Понпеи, всё указывало на то, что Кемаль постарается отправиться именно на Понпеи. Там — точка схождения всех.

Мезальянц быстро прошёл в свою комнату, вытряхнул из сумки на кровать грязное бельё и

одежду, и стал складывать в сумку чистое.

— Амджа...

— Отец. Я хочу, чтобы ты называл меня отцом. Мне кажется, я это... заслужил.

— Да, отец. Ты куда-то снова уезжаешь?

— Рифат, прости, что опять без тебя. Мне кажется, я знаю, куда мог отправиться Кемаль. И я должен вернуть его сам. Обещаю, что на этот раз мы вернёмся скоро. Прошу тебя остаться дома, на случай, если Кемаль вернётся без меня. Упроси, вымоли его дожидаться меня. Я хочу попросить у него прощения.

— Прощения? За что?

— За то, что мало принимал вашего внимания.

В этот день всё было не так, как надо, и Тедди ни за что не решился бы выходить в океан, в прошлый раз рыбалка была никчемная, едва покрыла расходы, а «туристы» сегодня предлагали двойную цену, потому что остальные капитаны были куда мудрее Бишопа.

Бишоп сразу предупредил клиентов, что рыбалка сегодня будет недолгой: вода слишком беспокойная. Инженеры согласились. Похоже, сегодня они вышли в океан, элементарно подзуживая друг друга: на лицах у них не было никакой радости, когда траулер, наконец, вышел в открытый океан. Но делать было нечего — деньги перечислены, месторасположение рыбы известно, оставалось пойти и взять.

Несчастье случилось, когда берег исчез из виду. Барометр будто с ума сошёл, стал показывать то большое, то маленькое атмосферное давление, и погода, тут же стремительно испортилась.

Начался шторм.

— Всех сухопутных в кубрик, — заорал кэп.

Впрочем, сухопутные и сами уже почувствовали, чем может обернуться рыбалка, и запрыгивали в кубрик один за другим.

— Джон, правь в океан, — велел Тедди.

— Есть, сэр.

В такую погоду лучше держаться подальше от берега, это ясно даже неопытному мореплавателю: волна швырнёт судно на берег или скалу — и мало точно никому не покажется.

Шторм усиливался. По громкой связи отбил радист:

— Кэп, сообщение с берега. Это тайфун, и мы, похоже, прямо на его пути.

— Отлично, только этого нам сегодня и не хватало, — сказал Бишоп. — И надолго эта канитель?

— Часов на двенадцать.

— Иисус морской... нас за это время унесёт к чёрту на кулички.

— Тайфун движется в сторону Маршалловых островов.

— Только там я ещё и не бывал. Ладно, парни, делаем так. Бодаемся с этим ураганом, сколько можно, даст бог, он утихнет раньше, чем у нас закончится топливо. Радиостанция в порядке, навигация в порядке, значит, живём. В конце концов, что мы за моряки, если ни разу крушения не терпели? Эй, сухопутные, штаны не намочили?

Сухопутные, даже если и напугались, виду не подали.

— Отлично. А сейчас, ребята, начнётся рок-н-ролл. Джон, пусти меня к штурвалу и смотри, чтобы двигатели нас не подвели.

Несло их несколько часов подряд, всё дальше и дальше в океан. Радист успел передать, что траулер «Ханни Лиззи» уносит тайфуном на запад, когда в катер ударила молния.

Из строя вышло сразу всё — электроника, двигатели и радиостанция. Радиста тоже зацепило, но не смертельно — немного контузило. Кэп, несмотря на то, что буря ещё не

закончилась, отрядил несколько инженеров в помощь Химейеру — чтобы в лепёшку расшиблись, а запустили хотя бы один двигатель. Остальным сухопутным поручил электронную навигацию и радио.

— Впрочем, к чертям навигацию, заставьте работать хотя бы радио. Будем передавать мэйдэй, нас запеленгуют в любом случае. Покажите, на что вы способны, жалкие маменькины сынки.

Сынки оказались способны. Каждый из них имел мобильный телефон, отключенный на время рыбалки, и практически все аккумуляторы были заряжены. Причём у Гордона телефон был навороченный, со спутниковой связью, так что проблема связи с землёй отпала сама собой. Правда, инженеры сказали, что не будут запускать связь до тех пор, пока не закончится гроза — во избежание повторного удара молнии.

Дела в машинном отделении шли не так радужно. Тщательное обследование обеих машин показало, что они по-прежнему исправны. Расплавилась стержни в аккумуляторах. И генератор вышел из строя. Как говорится — окончательно и восстановлению не подлежит.

— Но ведь аккумуляторы запасные должны быть? — спросил Бишоп.

— Они и есть, — ответил Егор. — Но я их не поднял на борт.

— Почему? — спросил кэп.

— Виноват, сэр, — Егор опустил глаза.

— Окей, потом разберёмся, — нахмурился Бишоп.

Егор знал, что серьёзно облажался. Он только вчера поменял аккумуляторы, отправил разряженный комплект на зарядку, а новые, запасные, забыл. Тому была причина — они опять поссорились с Сузуме. Работа, которую выбрал Егор, казалась Сузуме недостойной такого умного и умелого человека. Егор сказал, что любое ремесло почётно, если вкладываешь в него душу, и не всем быть банкирами, режиссёрами или инженерами, кто-то должен выполнять и грязную, но честную работу — канализацию чистить, или коров доить. Сузуме обиделась за режиссёров, Егор за рыбаков... словом, в машинное отделение он спустился не в самом рабочем настроении.

Буря стихла так же внезапно, как и началась. Вдруг прекратилась качка, сквозь низкую облачность прорвался луч солнца, и установилась такая тишина, что даже плеск волн у ватерлинии не воспринимался как звук.

— Приехали, — сказал капитан. — Выдохся, чёрт морской. Ну, яйцеголовые, давайте смотреть, что у вас там получилось.

Получилось здорово. Атмосферное электричество уже не мешало прохождению сигнала, и Бишоп связался прямо по телефону с диспетчером порта. Сообщил точные координаты: на половине инженерских телефонов имелся навигатор GPS. Позвонил домой Лиззи, сообщил, что с траулером и командой всё в порядке, попросил, чтобы она обзвонила всех членов команды и успокоила родственников.

Потом перезвонил диспетчер, сказал, что в этом квадрате сейчас нет судов, кроме военных. Военные подберут траулер часа через четыре и отбуксируют к Маршалловым островам.

— А обратно как? — спросил Бишоп.

— Обратно договоришься с каким-нибудь сухогрузом, может, перевезут, — сказал диспетчер. — У тебя же застрахована посудина на такой случай.

Тедди выругался, но делать было нечего.

— Итак, джентльмены, — обратился он к команде и пассажирам. — У нас появилось четыре часа абсолютно свободного времени. Если желание порыбачить ещё не отбито, предлагаю заняться полезным для всех нас делом. Провинившийся, — Тедди посмотрел на Егора, — отправляется на камбуз и помогает коку готовить праздничный обед в честь нашего

чудесного спасения.

Егор не обиделся. Он знал, что виноват, хотя в сложившейся ситуации от исправного двигателя толку было не больше, чем от зонтика во время тайфуна. Егор покорно отправился на камбуз, и добросовестно помогал коку Тиму.

Рыбалка в незнакомом месте не задалась. Эхолот вышел из строя, так что определить места скопления рыбы не получилось, а наобум — какая же это рыбалка? Шаманизм чистейшей воды: поплевал, дунул, повернулся на месте, сказал «ловись, рыбка, большая и маленькая», авось, повезёт. Не повезло никому.

Ладно, военные подоспели раньше и вместо расчётных четырёх прибыли через два часа.

К вечеру они были уже в Маджуро.

Команда и пассажиры отправились в местный отель, места в котором предоставили для потерпевших бедствие бесплатно. От комфортного ночлега отказались только Егор и Тедди.

Стоя на корме, капитан сказал:

— Сынок, ты обиделся?

— Нет, сэр, — ответил Егор. — Всё правильно, я действительно виноват.

— Но не настолько, чтобы винить себя. Пойми, оставлять без внимания твой рабочий косяк я не мог, иначе мне скажут, что я плохой капитан. Но в других условиях никто бы и не узнал, что ты забыл укомплектовать неприкосновенный запас. Всегда же всё окей было.

— На то и запас, что не знаешь, что произойдёт.

— Верно. Но не стоит себя казнить. Ты не согласишься: я, работая боцманом, забыл бинокль на судно принести, а ходил я тогда под началом Берты Линдберг, женщины-капитана. Она мужикам ни одного промаха не прощала. Ты не согласишься, как она меня распекала, а всей моей вины было, что Лиззи первенца родила, и я не то, что бинокль — все команды позабыл от счастья. А ведь я уже не щенок был, лет семь, если армию считать, по большой воде ходил. Поверь — у каждого из нас косяков было множество. Тут главное не заикливаться на них, а учесть, и больше не повторять. У тебя ещё множество неприятных моментов в жизни будет, если над каждым убиваться, как ты — счастья не видать.

— Разве я убиваюсь?

— Ты свою физиономию видел? Будто любимую бабушку похоронил. Повторяй за мной: насрать и розами засыпать.

— Насрать и розами засыпать...

— Бодрее, бабушка ещё не умерла.

— Есть, сэр! Насрать и розами засыпать! — гаркнул Егор.

Из темноты по левому борту донеслось:

— Точно так, парни, точно так!

— Вот, видишь — моряки тебя поддерживают, — Тедди хлопнул Егора по плечу. — Давай-ка спать, парень, завтра длинный день.

Майор дрых. Барбара склонилась над самым ухом мужа и залихватски свистнула в два пальца. Эффект превзошёл все ожидания — Брайдер подскочил чуть не до верхней переборки, стукнулся лбом, упал с койки и едва не придавил своим упитанным тельцем законную супругу.

— А?! Что?! В ружьё?!

— Вольно, Майор, это всего лишь я.

Том открыл глаза и долго не понимающим взглядом смотрел на Барбару.

— А, ты... — и вновь взгромоздился на койку.

— Не спать! — Барбара вновь свистнула, чтобы Том взбодрился. — Подъём, я сказала! Я нашла близнеца.

— Что ты нашла? — спросонья уточнил Майор.

— Выйди и посмотри.

Часть вторая. Эпизод 23

Яхта, с которой отозвался ночью чей-то пьяный голос, называлась «Лара Крофт». Егор встал с утра пораньше, чтобы надраить палубу, и увидел, как с правого борта «Лары» невысокий бородач пишет в океан. При этом он насвистывал какую-то мелодию из популярной классики — не то из «Севильского цирюльника», не то из «Щелкунчика», Егор в музыке не разбирался.

— Доброе утро, сэр, — крикнул он соседу.

Сосед, не прерываясь, обернулся всем корпусом, и всем же корпусом поклонился в ответ. Егор смутился. Ему казалось, что смутится бородач, но тот, очевидно, считал, что всё естественное не может быть безобразным.

— Извините, — Егор отвернулся и принялся мыть палубу.

Он так увлечённо орудовал шваброй, что заметил босые ноги, стоящие перед ним, слишком поздно, и едва не сбил гостя.

— О, парень, ты играешь в кёрлинг без партнёра? — спросил гость. Его всё ещё штормило. Это был тот самый бородач с «Лары Крофт».

— Сэр?

— Не сэркай. Ты что, не узнаёшь меня?

— Извините, не узнаю.

— Том Брайдер. Можешь звать меня просто — Майор. А где брат твой?

Егор улыбнулся — он понял, почему яхта называется именем отчаянной красотки с большим бюстом.

— Я Марвин Джон Химейер, — ответил Егор. — А какого брата вы имеете в виду?

Похоже, Майору это имя ни о чём не говорило — или же он ожидал услышать другое имя.

— Ладно, хрен с тобой, не хочешь — не надо, — сказал Майор. — Это вашу посудину вчера притащили военные?

— Нашу.

— Нас тоже подобрали. Забыл заправиться, представляешь? А с вами что случилось?

— Тайфун. Молния. И я немного облажался.

— Знакомая ситуация.

Майор немного помолчал, а потом сказал:

— Джордж, или как там тебя, ты должен плыть с нами. Ты совершенно адекватно воспринимаешь жизнь. Это же ты вчера крикнул про «насрать и розы»?

Егор покраснел:

— Это меня капитан заставил.

— Капитан? Мне нравится этот парень. Где он?

Не слушая возражений Егора, Том Брайдер ввалился в кубрик.

Капитан, решивший беспокойную ночь переждать на своём корабле, по счастью, уже проснулся, поэтому встретил нежданного гостя вполне по-морскому:

— Какого чёрта вам здесь надо?

— Мне надо вас, — ответил Майор. — Я ищу компаньонов.

— Сэр, проспитесь — а потом ищите.

— Я уже нашёл. Мне нравится ваш юнга.

— Во-первых, не юнга, а моторист. Во-вторых, он мне самому нравится. В-третьих — у вас ширинка расстёгнута.

— Где? — Брайдер нагнулся посмотреть, и в это время Тедди ухватил его за кончик носа и повёл наверх, как послушную, но гнусаво завывающую овечку.

— Ой-ой-ой, что вы делаете? Бде же больдо! — вопил Майор.

Но Бишоп хладнокровно вывел гостя на палубу, развернул лицом к океану и дал такого пинка, что Брайдер рыбкой перемахнул фальшборт и плюхнулся в воду, подняв огромный фонтан.

Егор и Тедди склонились над водой.

Майор вынырнул и стал отфыркиваться.

— Сэр, вы в порядке? — озабоченно спросил Егор.

— Спокойно, Марв, — ответил за Майора Бишоп, — дерьмо не тонет.

— Дерьмо прекрасно тонет, — ответил Брайдер, покачиваясь на волнах. — Уж поверьте, капитан, я разбираюсь в дерьме.

— И почему я не удивлён? — ехидно сказал капитан. — Ладно, Марв, кинь ему верёвку, мы не можем точно знать, из какого дерьма сделан этот наглый ублюдок.

— Вы что себе позволяя... — послышался с «Лары Крофт» возмущённый девичий крик, оборвавшийся на полуслове.

Лицо девушки, насмешливое и улыбчивое, моментально изменилось: наполнилось сначала ужасом, потом радостью, а потом снова ужасом. Она его узнала!

Она соскочила на пирс, добежала до траулера и остановилась перед трапом, не веря своим глазам

— Юся? — спросила она. — То есть Егор? Ты один?

Егор не узнавал девушку, но она назвала его имя. Назвала по-русски.

— Ты меня что, не узнаёшь? Я Вика! Вика Цыпушганова! Я этажом выше живу... жила!

— Я тебя узнаю, Вика Цыпушганова, — послушно повторил Егор, боясь, что девушка уйдёт.

— Я ничего не понимаю, — почти кричала Вика. — Это ты или не ты?

— Это я.

— Кто — я?

— Егор.

— А где Юся?

— Какой Юся?

— Майор, я сейчас с ума сойду, — вдруг расплакалась Вика и уткнулась в мокрое плечо выползшего на борт Майора. Майор с укоризной посмотрел на Егора и попытался успокоить рыдающую Вика. Егору было страшно неловко, он хотел попросить прощения, хотя и не знал, за что извиняться.

Вика резко обернулась к нему.

Плача и смеясь одновременно, она вцепилась в Егора, едва не задушив в объятиях.

— Егор, это правда ты? — причитала она, и покрывала поцелуями нос, лоб, щёки и губы Егора. — Откуда ты упал? С неба? Егор, а где Юся? Вы спаслись? Вам операцию сделали? Егор, не молчи!

— Я... Я не знаю. Я не помню.

За этой сценой с непередаваемой гаммой чувств наблюдала с кормы «Лары Крофт» красивая женщина неопределённого возраста.

Часть вторая. Эпизод 24

Взрыв застал Горемыку дома — он недавно проснулся и пил кофе на кухне, сидя в одних трусах на табурете и меланхолично переключая каналы.

Бахнуло хоть и не особенно громко, но стёкла в окне звякнули. Такое иногда случается, когда реактивный самолёт преодолевает звуковой барьер, но Петрович оставил кофе недопитым и пошёл одеваться — мало ли что случилось.

— Ты куда? — спросила спросонья жена.

— Выйду, прошвырнусь по участку.

— Выходной же, — проворчала она.

— Есть такая профессия — родину защищать, — заметил вполголоса Горемыка, натягивая носки.

Но жена спала, и пафос не нашёл отклика в её сердце.

Быстро собравшись, участковый вышел на улицу. Вокруг уже начиналось нездоровое оживление.

— Что случилось? — спросил он у компании подростков.

— Да мы сами ничего толком не знаем, Семён Петрович.

— А откуда шум был?

— Вроде, от института.

Предчувствуя недоброе, Петрович двинул в сторону института генетики. Только бы не Юся, только бы не...

Рванула остановка. Та самая, где Юсю из мусорки доставали. Несколько раненых, один погибший, свидетели утверждают — сварщик из ЖЭУ. Когда Горемыка подошёл, здесь уже стояли патрульная машина, «буханка» опергруппы и «скорая», где-то неподалёку ревела пожарная, хотя она здесь, скорей всего, понадобится много позже — смывать кровь с асфальта.

Сзади к участковому кто-то подошёл.

— Доигрались?

Петрович оглянулся. За спиной стоял капитан Воронин.

— Кто доигрался, я? — уточнил участковый.

— Если я всё точно помню, этот Кефир находится под вашей протекцией.

— А при чём здесь Кефир?

— А при том, что у нас на него ничего нет. Человек-фантом, человек-загадка. Это же вы ему паспорт фальшивый состряпали?

— Я не понял: вы что, на него всё повесить хотите?

— Он самый очевидный подозреваемый, вы не находите? Ни документов, ни фотографий, странные навыки в электронике.

— Но это же бред сивой кобылы! Неужели террорист не мог себе документы сделать?

— Откуда мы знаем, что у него нет документов? И, между прочим, вы заметили, что он бороду носит? Где вы видели у нас молодых людей с бородами? А ваххабиты носят бороду во время газавата, и не бреют, пока не погибнут все неверные.

— Сдаётся мне, вы просто крайнего нашли. Я же всё ваше начальство на уши подниму, я до самого верха поднимусь!

— Это ваше право. Вы же на пенсии — можете заниматься, чем хотите.

Ага, угрожает — значит, боится.

— Ну, пока я ещё при исполнении. Так что пшёл отсюда, падаль, не видишь — опергруппа работает.

Воронин слабо улыбнулся и ушёл.

А Горемыка вытащил мобильный и позвонил в бойлерную. Трубку долго никто не брал, и Семён Петрович совсем уже хотел обрадоваться, что Юся внял доводам разума и уехал ещё вчера, как послышался голос дворника:

— Бойлерная...

Что за агрегат он собирал, Юся и сам не понимал. Искал на свалках и утаскивал к себе в конуру всякие проводочки, схемы и прочую требуху электрическую, и монтировал ночами в бойлерной. Похоже, этим он в своей прошлой жизни, которую не помнил ни фига, и занимался — собиранием непонятной ерунды в виде горизонтально установленного тороида. Может, он из-за него память и потерял в каком-нибудь секретном «почтовом ящике»?

Главное — внешний контур на корпус замкнуть. Отчего-то это казалось самым важным.

Как пролетела ночь, Юся даже не заметил — лампы дневного света, освещавшие установку, не давали понять, какое время суток на улице. Но это было неважно — всё было готово.

Несмотря на то, что собран агрегат был из всякого барахла, выглядел он футуристическим. И требовал, чтобы его немедленно опробовали.

Внезапно в бойлерной зазвонил телефон. Юся долго не решался, что ему сделать сначала: включить прибор или на звонок ответить, но решил оставить вкусное на потом.

— Бойлерная.

— Юся! Мать твою, что ты там делаешь? — после секундной паузы заорал Горемыка.

— А что?

— Бомба рванула на твоей остановке, вот что! Есть жертвы, а ты — главный подозреваемый!

— Да я всю ночь...

— Да кто тебя слушать будет, ё-моё! Быстро сматывайся оттуда, будто тебе задницу скипидаром намазали.

Юся заметался. Он посмотрел на будильник. Утро. Блин, и прибор так и не опробовал.

В это время кто-то попытался открыть дверь.

— Кто там?

— Кефир? Открывайте, федеральная служба безопасности! Вы подозреваетесь...

Всё, приехали. Неужели вот так, легко и просто, его упекут за преступление, которого он не совершал?

Юся сжал кулаки. Ладно, арестовывайте. Но прибор он всё же включит.

Он подошёл к рубильнику и замкнул контакт.

На мгновение ему показалось, что вспыхнуло солнце. Громко хлопнуло, запахло озоном, и зазвенело в ушах. А там, где раньше была установка, теперь мерцала, будто остывшая, какая-то непонятная энергетическая аномалия, более всего похожая на старое зеркало с тусклой, ничего не отражающей амальгамой. Края «зеркала», слегка выпуклого, постепенно стягивались к центру.

На улице слышались чьи-то панические выкрики.

— Эй, что там?..

— Бомба, что ли?..

— Спецназ, спецназ вызывайте! И сапёров!

— Может, бойлер лопнул?..

Юся осторожно подошёл к «зеркалу», которое походило уже на большое мутное увеличительное стекло. Откуда-то возникло слово — «линза». Да, линза, лучше не скажешь.

Юся протянул к линзе руку, и абсолютно ничего не почувствовал. Засунул руку в линзу по локоть. Ощущение едва заметного сквозняка там, внутри мерцания. Что это? Что у него

получилось?

Он пошарил рукой у стены и наткнулся на швабру. Отлично.

Взяв швабру за самый кончик, и не обращая уже на шум с улицы никакого внимания, Юся засунул черенок целиком в линзу. Вытащил обратно. Ничего не изменилось. Может, надо вытащить с другой стороны? Он вновь засунул швабру в линзу и отпустил.

Черенок выскользнул из рук, но в результате этого манёвра ничего не случилось. В смысле — не последовало никакого звука падения.

Юся несколько раз обошёл вокруг линзы. Швабры нигде не было.

Он попытался наощупь отыскать её в линзе, и тоже не преуспел.

Края линзы продолжали сжиматься, чем ближе к центру, тем быстрее. Если сначала диаметр этой аномалии был около двух метров, то сейчас линза сжалась до полутора.

Невероятная хрень получилась, обидно, что теперь вряд ли кому придёт в голову повторить Юсин опыт. Народоvoleц Кибальчич, ожидая смертной казни в камере, придумывал космический корабль, но никто его прожекты всерьёз не воспринял. А Юся даже сам не понял, что у него вышло, и теперь загремит в тюрьму, и вряд ли кто его будет слушать, как и Кибальчича.

А может, плюнуть на всё, и самому попробовать влезть внутрь? Хуже ведь, чем есть, точно не будет.

Дверь в бойлерную завизжала — видимо, снаружи решили разрезать щеколду болгаркой.

Линза была уже чуть меньше метра диаметром. Юся сглотнул, зажмурился — и щучкой нырнул в линзу.

Горемыка пришёл позже всех. Двор был битком набит народом. Рядом с бойлерной командовал Воронин в бронежилете, но слышно его не было: дверь пилили болгаркой. Вдоль стены выстроились готовые к штурму спецназовцы. В толпе за ограждением стояла Модестовна. Начальница ЖЭУ напоминала один из конденсаторов в Юсином агрегате: дотронешься — и ударит током.

— Уже орудуют? — спросил Горемыка.

— А будто сам не видишь, — огрызнулась Модестовна.

— Говори толком, не жеманничай.

— Да, блин, связался с тобой парень — и увяз. Говорила же, предупреждала же парня — не лезь, не суйся!

— Он что — там?!

— А что, не видишь — изнутри закрыто? А кто его теперь вытаскивать будет? Генерал Лизюков?

— Ах, ты... — чертыхнулся Петрович. Не успел парень свалить. Что же теперь будет?!

— Гестапа приехала, обыск делать хотела. Уж не знаю, чего они там найти хотела — сам видел, какая у парня там хрень была собрана.

Хрень у Юси и впрямь была знатная: всюду огоньки, стенды с непонятными электроприборами, даже компьютер дворник из подручных средств смастерил.

— А потом что-то рвануло, все заорали про бомбу, а эти идиоты и рады стараться.

— А что рвануло?

— Да откуда ж я знаю? Мог и емкостной лопнуть, он же старый уже, в этом году менять хотели...

В это время щеколду разрезали, дверь открылась, и в помещение влетело несколько газовых гранат. Раздалось пять хлопков, бойлерную заволокло дымом. Через несколько минут, едва видимость можно было считать удовлетворительной, бойцы спецназа с глухими из-за противогазов криками «лицом на пол, руки за голову, не двигаться», обильно приправленными

ругательствами, ворвались в логово террориста.

Через минуту один из них вышел и что-то негромко сказал Воронину. Тот надел респиратор и сам зашёл внутрь, чтобы выйти через пять минут.

— Что здесь происходит? — участковый буром прошёл через толпу, миновал оцепление и приблизился к фээсбэшнику. — У вас ордер имеется?

— Во-первых, бойлерная не является частным владением, — холодно ответил фээсбэшник. — Во-вторых, ваш Кефир, или как там его, очень походит по ориентировке на одного чеченского боевика. В-третьих, чтобы вы не испытывали иллюзий — мы обнаружили среди всей этой рухляди пистолет, несколько взрывателей и уйму металлической мелочи, которую террористы используют в качестве поражающего элемента.

— Вы это подбросили, — вполголоса сказал Петрович, глядя Воронину в глаза.

— Это ещё доказать надо, — так же тихо ответил капитан. — Советую — убедите своего любимчика сдаться. Мы не будем церемониться при задержании.

— Так что, его там не было? — обалдел Семён Петрович, и победно взглянул на Модестовну.

— Кажется, вы этому рады? — Воронин поиграл желваками.

— Не поверишь, — улыбнулся Горемыка. — Я просто счастлив!

Часть вторая. Эпизод 25

Юся оказался в крошечной темноте. Воздух был сырой и затхлый, ни одного источника света, ни единого звука — будто в пещере.

Или в могиле.

Не паниковать, сказал себе Юся. Не паниковать, я здесь один, никого нет, если это не склеп — я отыщу выход.

Впрочем, склепом это быть не могло — деревом гнилым пахло, а вот разложившейся плотью — нет.

Он сделал шаг — и пребольно ударился коленом о какой-то ящик. Сдержав вопль, Юся начал ощупывать пространство. Ящиков было много, все обиты металлом, дерево отсырело.

Швабра!

Юся осторожно опустился на колени и стал искать по полу. Нашёл швабру, и стал шарить по карманам — вдруг совершенно случайно там есть зажигалка?

Надежды оказались напрасными — некурящий Юся ни зажигалки, ни спичек в кармане не держал. Но швабру можно использовать и как щуп. И, кстати, хорошо, что нет спичек — а если здесь метан? Зажёг огонь — и взорвался.

Будто в ответ на мысль о взрыве, земля вдруг дрогнула. Юся прислушался. Глухой звук доносился откуда-то сверху и сбоку. Потом надолго установилась тишина, и Юся решил пойти в ту сторону, откуда, по его мнению, доносился звук, как земля снова дрогнула, уже сильнее.

Землетрясение, испугался Юся. Это может быть землетрясение, и меня засыплет к ядрене фене. Что делать? Сразу в гроб?

Странно, но эта мысль показалась здоровой. Ящики окованные, стоят в несколько рядов, если лечь рядом — возможно, упавшая порода не засыплет.

Юся лёг на пол и прижался к ящикам. Спустя несколько минут — или часов — снова случился толчок, но теперь Юся отчётливо слышал грохот. Это взрывные работы! Следующий взрыв раздался очень скоро, и эхом пронёсся по подземелью, вместе с потянувшим сквозняком.

Кажется, у Юси появился шанс выйти на свет. Он встал на четвереньки, не выпуская из рук швабры, и, нащупывая дорогу черенком, пошёл туда, откуда тянуло свежим воздухом.

Вскоре он услышал далёкие голоса, и вдалеке забрезжил свет. Юся смог разглядеть коридор, по которому шёл. Стены и потолок были сложены из шестиугольных базальтовых блоков, постройка была явно древняя. С каждым шагом становилось всё светлее, голоса становились всё явственнее. Живые, весёлые голоса. Говорили на английском, но Юся понимал каждое слово. Кто-то с сильным акцентом спрашивал:

— Моя сходить, посмотреть?

— Не ходить, сюрприза иначе не будет. Спускаемся все вместе.

Часть вторая. Эпизод 26

Мезальянц прилетел на Понпеи немногим раньше, чем туда добрался экипаж «Лары Крофт», поэтому стал свидетелем встречи Лэйлы и Егора. Появление первого близнеца его ничуть не удивило. Удивился он тому, что на острове не было Кемаля. Он обошёл все полицейские участки, напряг все свои недюжинные способности, но чёрную кошку в чёрной комнате найти практически невозможно. Особенно если кошки там и нет.

Тогда он пришёл в дом Монтазио и сказал:

— Я Мезальянц, я знаю, что виноват. Деньги я отдать смогу, жизнь Сорри — нет. Могу помочь деньгами его семье.

Сказать, что Лэйла и Змей опешили от такой наглости — это ничего не сказать. Посадили в чулан, под арест, а сами принялись думать, что делать. То, что жизнь у человека радикально изменилась — видно было невооружённым глазом. Но не притворяется ли он? Мезальянц же, исполняя роль благого вестника, пообещал, что скоро здесь появятся близнецы.

Близнецы не близнецы, но Егора через пару дней доставили в родительский дом Майор с Виксой, а при Майоре нарисовалась ещё и жена.

Что тут началось! Егора разве что на руках не носили, дышать боялись, чтобы ветром не унесло. Однако веселье-весельем, но эйфория быстро прошла — у парня оказалась сильнейшая амнезия. Он сидел, листал семейные альбомы, тыкал в книжку пальчик, спрашивал, кто — и не узнавал.

И тут всех начал мордовать Майор. Пойдём да пойдём клад искать, три квадрата осталось на карте, три дня работы. Может, труд повлияет на умственный процесс вашего сокровища, пока оно моё сокровище искать будет. Легче было согласиться, тем более что во время работы общение действительно упрощается, и социализируется человек быстрее. Мезальянца тоже брали, как перевоспитавшегося. Но как бы ни копали кладоискатели, Иван Иванович всё равно делал стойку на поиск Кемаля, из-за чего Майор с ним крепко ругался: мол, если работать — то работать, а не лодыря гонять. Но Мезальянцу сокровища, даже если они и существовали, были абсолютно не нужны. Он ждал чуда.

И, в конце концов, оно произошло.

Большая часть карты была отработана, а они так ничего и не нашли, хотя пытались копать и рядом с дольменами, и вдали от них, и ближе к Нан-Мадолу, и ближе к Куриному Дерьму (так местные называли базальтовую гору, из которой был построен Нан-Мадол). Майор всё больше впадал в уныние, и ныл каждый вечер.

— Наверное, запас удачи у меня исчерпался, — говорил он, сидя вечером на диване со стаканом скотча в руке. Скотч был из бара Змея, свой Майор выдул ещё на прошлой неделе. — Удача, братцы мои, это такая вещь... она как скотч. Вот пьёшь её, пьёшь, маленькими, вроде, порциями, смакуешь, экономишь... Думаешь — ещё немного, подожду самого счастливого дня, а потом напьюсь в дым. Но счастливый день зависит как раз от того, сколько ты выпил. Надо было пить сразу и много, чтобы чертям тошно было, чтобы лёжа качало! Но понимаешь это слишком поздно, скотч уже весь выпит. Так что пей, Виктория, сразу, не оставляй на потом. Потом не останется, и придётся лезть в чужой бар.

Маленькая Виктория радостно смеялась и кричала:

— Тюой бай! Тюой бай!

— Я тебе полезу, я тебе полезу! — слышался с кухни голос Лэйлы. — Змей, Майор опять ворует твой скотч!

Змею было некогда: они с Егором чинили движок.

Решено было, что сегодня, кроме Майора, который по жизни упёртый, отправляются на раскопки Барбара, Змей и Егор, а Мезальянц остаётся на базе, то есть в доме с Лэйлой и двумя Виксами, иначе они с Майором опять разругаются. Кладоискатели молча собрались и отправились докапывать предпоследний квадрат. До полудня под моросящим дождём копали там, опять ничего не нашли, развели огонь в примусе и поставили греться консервы.

— Грёбанные Понпеи, чтоб вас смыло вместе с вашим Нан-Мадолом, — сказал в сердцах Майор. — Ненавижу этот остров, просто ненавижу!

Егор молчал, Змей молчал, а Барбара крыла мужа из любого положения и любым стилем. Хотя «окунись в алебастр» она так и не освоила (Майор, впрочем, тоже). Все втайне надеялись, что Том, наевшись, успокоится — и свернёт раскопки.

— Шесть лет! — продолжал разоряться Брайдер. — Шесть лет колупаю этот базальт, и хоть бы одну монетку нашёл! Всё! Хватит! Вернусь к себе в Висконсин и вновь стану банковским служащим, как хотела мама! А яхту — Мезальянцу подарю! И пускай сам ищет это золото понапе.

В этот драматический момент неподалёку прогремел взрыв.

Змей с Егором переглянулись, Барбара укоризненно посмотрела на мужа.

В это время рвануло ещё два раза, и только после в округе установилась практически мёртвая тишина.

— А вам не кажется, джентльмены и дражайшая леди, что какие-то засранцы взрывают землю на моём участке? — спросил Брайдер шёпотом, будто подрывники могут его услышать.

— Ты их подписал, что ли? — опять зашипела Барбара.

— Нет, я им сейчас покажу! За мной, джентльмены, мы отправляемся бить морды!

— А если нам набьют? — спросила Барбара.

— А нам за что? — не понял Змей.

Возразить было нечего, и хотя Егор совершенно не помнил, умеет ли он бить морды, но хочешь не хочешь, а сопровождать работодателя всё равно пришлось. Под ложечкой неприятно сосало: Егору казалось, что лезть в драку неизвестно с кем — по меньшей мере, неразумно. Соперник, или даже соперники, могли быть весьма опасными. В конце концов, у тех, других, была взрывчатка, и кто знает, что они любят с ней делать?

Компаньоны шли осторожно, не производя лишнего шума. Майор продолжал рассуждать на ходу:

— Если они взрывают, значит, точно знают, где копать, иначе бы я и сам не возился с киркой. А если знают, где копать, значит, наверняка уже залезли в сокровищницу. А Дэнни? Грёбанный понапе, наверняка у них на зарплате, иначе предупредил бы, что кто-то ещё лицензию на раскопки взял. Идём быстрее, наверняка там уже начали таскать сундуки.

Вскоре компаньоны наткнулся на следы конкурентов. Странно, но не похоже, чтобы их было много. Вообще, по следам выходило, что конкурент был всего один. Это вселяло надежду на то, что в одиночку подрывник не перетаскает все сокровища. Конкурент не очень хорошо ориентировался в лесу, потому что долго кружил по окрестностям, и, вполне возможно, даже подглядывал за кладоискателями, хотя это вряд ли — у Майора и у Мезальянца были чуткие уши, подкрасться к ним не могли даже хищники.

Следы вели через джунгли к предыдущему отработанному квадрату.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил Брайдер.

— Мне кажется, что надо было копать чаще, — сказал Змей.

— Или глубже, — уточнил Егор.

— Или карты старинные не надо на барахолках покупать, — добила Барбара.

— Олигархии слова не давали. Змей, свяжись-ка с шерифом.

Антонио исполнил приказание лидера. Брайдер взял в руку передатчик.

— Участок, участок, я Брайдер, приём.

— Слушаю, Брайдер, я участок, приём.

— Дэнни, кроме нас на раскопки кто-то ещё заявлен? Приём.

— Минуту. Нет, никто. А что, есть стервятники? Приём.

— Пока не знаю. А никто в город со взрывчаткой не приезжал? Приём.

— Никого не было, только какой-то турок, молоденький парень совсем, дня три назад приехал. Я думал, это вы что-то взрываете, штрафануть хотел. Вам подмога не нужна? Приём.

— Я осмотрюсь, если что — мэйдэй пошлю. Приём.

— Ладно, до связи. Отбой.

— Отбой.

Брайдер посмотрел на друзей уже в сильно приподнятом настроении.

— Вам страшно? Мне — нет. Идём тихо, может, не нарвёмся.

Они прошли ещё полмили через джунгли, прежде чем услышали, как кто-то вполголоса ругается. Ругань была не английская и не русская, хотя что-то знакомое в этой речи было.

Крадучись, почти не обращая внимания на укусы насекомых, компаньоны подошли к квадрату, который отработали три дня назад. Здесь растительность уже почти затянула израненную землю, и ещё через неделю вряд ли можно было бы догадаться, что здесь ковыряли почву несколько почти пиратов (и одна настоящая леди). Однако новенький постарался: в центре поляны зияла огромная воронка. Вся трава оказалась засыпана грунтом и камнями, и молодой парень попсового вида — с бородкой и усиками а ля Людовик Тринадцатый — стоял над воронкой и негромко сокрушался. Джордж понял, на каком языке ругался пришелец — на турецком. Потому что по виду парень был самым настоящим турком, ему только фески на голове не хватало.

— Руки вверх, полиция понапе! — дико заорал Том и ринулся на конкурента.

Парень от испуга чуть не упал в проделанную только что дыру. Он вскинул руки с такой силой, что они едва из суставов не выскочили.

— Не стреляйте! Не стреляйте! — кричал он высоким голосом.

— Лицом в землю, руки за голову, ноги шире плеч! — продолжал орать Майор.

Конкурент послушно упал на землю и так вжался в неё, что в своей немаркой одежде стал почти невидим.

— Кто такой? — спросил Том, обшаривая лежащего на земле парня. Он был чист, будто не клады искать пошёл, а на прогулку вышел.

— Я Йылмаз! Турецкоподданный!

— Йылмаз? — переспросил Майор. — Мехмет Йылмаз?

— Да! — парень едва не плакал.

— Ты его знаешь? — удивлённо спросил Змей у Брайдера.

— Ты шутишь? Мехмет Йылмаз в Турции — это как Джон Смит в англоязычном мире, — просветила Барбара Змея.

— Он срёт нам в мозги! Сейчас я его застрелю... — громко сказал Том и взвёл курок.

— Нет! — завопил тонюсеньким голоском Мехмет. — Моя правда говорит! Моя Мехмет Йылмаз! Моя папа называть!

— Вставай, Йылмаз, — разрешил Майор. — Только тихо, а то у меня пистолет с предохранителя снят.

Мехмет, мелко дрожа, встал.

У парня оказались глаза разного цвета — голубой и зелёный. Он испуганно смотрел то на Майора, то на Егора, то на Змея, но особенно пристально на Барбару, и не мог взять в толк,

почему они смеются. А когда увидел, что оба они безоружны, выругался на турецком.

— Молодой человек, ты знаешь, что нарушаешь закон Федеративных штатов Микронезии о кладоискательстве?

— Моя не знать...

— Незнание закона не освобождает от ответственности, тебе должен был об этом рассказать папа.

— Моя не быть!

— Молодец. А теперь потрудись объяснить, как ты здесь оказался и почему взрываешь мою землю моим же С-4? Змей, ты глянь — он спёр взрывчатку с моей же яхты!

Егор со Змеем заглянули в рюкзак Мехмета — и увидели там ещё два кубика пластита, на котором чёрным маркером было написано «расхититель гробниц».

— Моя рассказать! Моя всё рассказать!

Мехмет работал мародёром. Не тем, который мёртвых обирает, а ловким парнем, который работает грузчиком да копателем при археологических экспедициях. Такой парень тихо, без выстрелов и мордобоя прихватывает всякую древнюю мелочь, чтобы потом сбыть в антикварную лавку за вполне приличное вознаграждение. Ну, не досчитаются археологи брошки или гребня, невелика потеря, а Мехмету вроде как премия за тяжёлый труд.

Мехмет год назад гостил у дяди в Стамбуле, и дядя предложил ему оставить грязное ремесло простого копателя и влиться в ряды кладоискателей. В общем-то, это означало то же самое — копать землю, с той лишь разницей, что весь хабар, который они выкапывали, принадлежал им самим.

Надо сказать, что везло им несказанно. Дядя сначала просматривал исторические книжки, потом долго бродил по историческим местам, и уже потом приводил Мехмета и тыкал пальцем в землю: копай здесь.

Так же дядя начал слыть в народе едва ли не святым: он безошибочно определял, где именно нужно искать воду. Он сотрудничал и с археологами, но меньше — учёные платили не так много, как хотел дядя.

Однако чем большего успеха дядя добивался, тем хуже он выглядел. Мало того, что глаза его сделались разноцветными, так он начал быстро худеть, осунулся, потерял сон и аппетит, и, в конце концов, умер. Оставив племяннику в наследство барсука — забавный металлический амулет, остающийся холодным в самую жаркую погоду.

В барсуке-то и заключалась дядина удача в поисках сокровищ. Стоило сжать амулет в ладони, как земля становилась прозрачной, как вода в горном ручье, и можно было видеть, что лежит в её недрах.

Мехмет не верил глазам. Мехмет падал на колени и читал благодарственные молитвы, хотя про себя точно знал — Аллах здесь ни при чём, всё дело в амулете. Это джинн, или ифрит, или ещё какой-то демон из «Тысячи и одной ночи», потому что такому грешнику, как Мехмет, Аллах точно помогать не будет.

Как ни старался Мехмет узнать, из какого материала сделан амулет, так у него ничего и не получилось. Барсук был твёрже алмаза, и едва заметно дрожал в ладони, когда Йылмаз смотрел сквозь землю, и не нагревался даже в огне, только это Мехмет про свой талисман и понял.

Он несколько раз пробовал пользоваться барсуком на раскопках. Результат был неизменным: археологи никогда не слушали Мехмета, хотя он говорил им, где надо копать, и заставляли колупать совершенно пустую породу, или же скучные остатки стен, где ни то, что клада, но и черепка, подходящего для продажи, не находилось.

Мехмет хотел пойти учиться, а потом при помощи барсука копать там, где нужно, и прославить своё имя в веках, но учиться оказалось трудно, что на археолога, что на геолога.

Копать колодцы тоже особой радости не доставляло.

За последние полгода он перепробовал кучу профессий, но всюду нужна была квалификация. Не будешь же писать в своём резюме «могу копать». Люди засмеют.

— А клады? Мог ведь на кладах заработать, — с улыбкой спросил Егор.

— Моя несколько могильник вскрывать, находить бронзовые украшения, золото, оружие. Некоторые неаккуратно копать, кусок отламывать. Хорошо жить! Но завистник не спать. Чуть не убили! Делиться, говорят! Как делиться, моя сама ищет, сама копает, вах! Но моя не грустит! Моя найдёт богатый клад, половина отдаст благотворительность, половина жить будет!

— А на Понпеи-то зачем прилетел?! — заругался Брайдер. — И без тебя от туристов тесно. Из Турции в том числе.

Майор подмигнул жене

— Моя «Нэшнл джеографик» читать, узнать, никто сокровища понапе не находить. Моя находить!

— Не находить твоя. Наша находить, а твоя в полицию ходить, каталажка сидеть. Якши?

Мехмет надулся. Смешно было на почти взрослом лице наблюдать детскую обиду. Но Брайдер был прав — без лицензии на раскопки и поиски сокровищ Йылмаза ожидал срок в местной тюрьме, которая буквально плакала по постояльцам, ведь правонарушений на Понпеи почти не совершалось.

— Том, отойдём на пару слов? — предложил Егор.

— Стой на месте и бойся, — предупредил Брайдер Мехмета, и компаньоны отошли пошептаться.

— Надо Мезальянца вызывать. Он этого Йылмаза с лета по всему свету ищет, — предложил Егор.

— Поддерживаю, — подняла руку Барбара. — Но пускай сначала отработает. Потому что врёт как сивый мерин.

— Ты сама догадалась, или подсказал кто-то? — спросил Майор ехидно. — Связываемся с базой сейчас, пусть Мезальянец на своего красавца в деле полюбуется. Этот пацан за день сделал больше, чем я за шесть лет. Ох, и влетит ему.

Змей опять настроил рацию.

— База, база, я Брайдер, приём.

— Я база, слышу тебя, Брайдер, приём.

— Мезальянец, пеленгуй меня, мы нашли. Приём.

— Поздравляю. Через полчаса прибуду, посмотрим, что у вас там. Приём.

— Мезальянец, позвони в участок и передай, что в моей концессии ещё один парень организовался. Задним числом пускай зарегистрируют. Он нам очень помог. И давай сюда пулей, ты не поверишь, что мы нашли. Приём.

— Понял, передам. Отбой.

— Отбой.

Они вернулись к Йылмазу.

— Вот что, Мехмет Йылмаз, — сказал Майор. — Мы берём тебя в нашу концессию с испытательным сроком. Ты ищешь, а мы копаем. В случае успеха — десять процентов от находки твои.

— А почему так ма... — хотел спросить Мехмет, но Барбара показала на пальцах международный жест, означающий неволю.

Турецкоподданный согласился. Десятая часть от ста миллионов — это десять миллионов, нечего мелочиться.

— Моя — с вашей!

Майор тут же повеселел и предложил начать спуск в подземелье, дыру в которое только что проделал Йылмаз.

— Что там, кстати?

Турецкоподданный сказал, что много читал про Понпеи. Писатель Лавкрафт утверждал, что здесь поклонялись Дагону и Ктулху. Майор предложил рентгеновской установке не срать в мозги, а сосредоточиться на земляных работах.

Мехмет сказал, что внизу подземная галерея, и ведёт она куда-то под джунгли.

— Моя сходить, посмотреть?

— Не ходить, сюрприза иначе не будет. Спускаемся все вместе.

Центр воронки провалился в подземелье. Подземный ход был сложен из тех же базальтовых призматических блоков, что и Нан-Мадол, правда, более плотно подогнанных друг к другу.

— Отставить, — вдруг сказал Майор. — Всем, кроме меня, отойти.

— Зачем? — спросил у Барбары Мехмет-Кемаль.

— Воздух, который в подземелье стоял несколько сотен лет, может быть смертельно опасен, — объяснила образованная леди. — Надо подождать.

— Долго?

— А сейчас Том спустит в шахту газоанализатор, и посмотрим.

— Эй, — вдруг послышалось снизу. — Эй, кто-нибудь? Вы меня слышите?

Кладоискатели переглянулись.

— Это что? — испуганно прошептал Мехмет. — Это привидение?

— Нет, это Дагон. Ему нужна жертва, иначе он не отдаст сокровища, — недоумённо пошутил Егор.

— Эй, не взрывайте больше, здесь я!

Барбара задумчиво посмотрела на Егора.

— Если бы тебя здесь не было, я бы подумала, что это ты кричишь.

Майор кивнул Змею — мол, идём, проверим. Мужчины осторожно подошли к краю воронки и увидели на её дне человека в странной зелёной униформе, с половой щёткой в руке.

— Не стреляйте, я безоружен! — человек поднял руки вверх.

Змей и Майор смотрели на человека из подземелья и не верили глазам.

— Почему вы молчите? Я слышал, что здесь говорят по-английски.

Мужчины продолжали молчать. К воронке подошла Барбара:

— Что вы... — и тоже осеклась, увидев, кто стоит внизу.

Следом подошёл Егор. Он ожидал увидеть всё, что угодно — Дагона, Ктулху, зомби, национальную гвардию Соединённых штатов, но не того, кто на самом деле стоял на дне воронки.

Это был он сам.

Барбара спускаться не стала, она осталась наверху, с братьями. У братьев, похоже, был шок — они сидели друг перед другом и не решались не то что поговорить, но даже открыть рот.

— Спускаемся, — повторил Том. — Мешки с тобой?

— Со мной, — кивнул Антонио.

Майор, несколько раз находивший клады, убедился, что нет ничего лучше большого пластикового мешка, используемого при транспортировке удобрений. И объём большой, и волоком тащить удобно.

Идти по подземелью пришлось недолго. Зал, в который попали кладоискатели, стояли в несколько рядов окованные позеленевшими от времени металлическими пластинами сундуки, вида старинного, но не древнего. Были они небольшими, высотой не более фута, и совсем не походили на сокровища понапе.

— Не понял, — шёпотом сказал Майор. — А где золотой Дагон, где вся эта ктулхианская мутотень?

Разочарованию его, казалось, не будет предела.

— Видимо, не в этот раз, — негромко рассмеялся Змей. — Плохо ты язык знаешь. Иди, смотри, что там.

В сундуках лежало золото. Просто золото, в слитках, с клеймом Вест-Индской компании. Всего около пятисот тёмно-жёлтых кирпичей.

— Долго таскать придётся, — сказал Мехмет.

— Ничего, как-нибудь справимся, — проворчал Майор. Его вовсе не радовал пиратский клад.

Впрочем, пока тащили первый сундук, Брайдер повеселел.

— Вот она, удача, Мехмет Йылмаз, — говорил он турецкоподданному. — Я думал, мне её Джордж принесёт, а оказалось — какой-то неуч из Турции. Ладно, давай быстрее, золото само не переползёт.

В это время на поляну выехал на вездеходе Мезальянц.

Первое, что он увидел — огромную воронку. Второе — троих людей, сидящих неподалёку.

— А где остальные...

Он не договорил. Егор, ушедший на раскопки, вдруг удвоился, и рядом с ними сидела Барбара.

Барбара сделала руками знак «не беспокоить», и показала на воронку — туда иди.

Мезальянц не стал лезть с расспросами — всё равно потом расскажут, — и спрыгнул в яму. В подземелье раздавались голоса, и Иван Иванович пошёл им навстречу.

В темноте он не разглядел третьего парня (теперь, получается, четвёртого, если третьим считать близнеца), но поздоровался, и они вместе потянули мешок наружу.

— И что ты хотел мне показать? — спросил Мезальянц у Майора.

— Мехмета, — ответил Брайдер.

Но Мехмет сам уже смотрел безумными от страха глазами на амджу, появившегося здесь, словно тот парень — из-под земли.

— Кемаль, — Мезальянц выдавил это имя через силу.

Кемаль упал на колени и подполз к опеуну. Он долго говорил по-турецки, и в голосе его звучали и раскаяние, и стыд, и просьба о прощении. Но Мезальянц ничего не говорил. Он стоял, будто статуя.

— Минус два, — кисло сказал Майор Змею.

— Своя ноша не тянет, — напомнил ему Антонио.

Вскоре они потеряли счёт времени — таскали сундуки один за другим, и хотя работа была тяжёлая, никто не жаловался. Ещё утром никто всерьёз не думал, что к вечеру станет сказочно богат.

Особенно богатыми себя чувствовали те, кто к золоту и не прикасался.

Вот странное дело: совершенно небедные люди, технически подкованные, можем заказать любой прибор, вплоть до лазера, и любые комплектующие, вплоть до платиновых контактов, а прототип внепространственного ретранслятора монтируем из всякого хлама.

— Не туда! Не туда втыкаешь, криворукий! — ругался Юся.

Я ничего не понимал, злился, рычал на Юсю, и требовал объяснять доступнее.

— Зачем тебе эти головняки? Забыл, что исследования в этой области объявили вне закона, равно как и клонирование человека?

ФБР раскрутили дело о крушении самолёта, и выяснилось, что Люси Дарк, супруга нашего шефа, работала на какую-то шпионскую корпорацию, и это она нам втыкала палки в колёса. И ладно бы только нам. По её наводке и самолёт взорвали.

Проект «Порт» с этого момента считался уничтоженным, но спецы из ФБР просмотрели отправленные письма нашего начальника Дагласа, и их весьма заинтересовало последнее, отправленное нам. Постскриптом — «Люси никогда не чистит корзину» — и стал ключом к разгадке преступления. Сначала агенты выяснили тёмное прошлое Люси, раскрутили настоящее, а потом до всех дошло, что Дарк перед смертью понял, кто главный его враг, и спрятал всю информацию по проекту в мусорной корзине на ноутбуке Люси. Там лежали тысячи файлов и корневых каталогов, и Даглас спрятал документацию по проекту в этой куче мусора.

С нас взяли подписку о неразглашении, проект «Порт» был объявлен правительством вне закона, как угрожающий мировой экономике и безопасности США.

— Зачем тогда помогаешь собирать? — спросил я.

— А я не американский гражданин, поэтому мне до балды. К тому же надо проверить — всё ли я правильно запомнил.

— Эй, вы там! — Вика заглянула в сарай, превращенный во временную лабу, — я не поняла, вас зачем разделяли, если вы снова сидите вместе как приросшие?

— Дело привычки, — мрачно пошутил я, со злостью глядя на Юсю, будто бы он был виноват в том, что я и правда никак не мог от него отойти.

— А мы тут тортики выбираем... — сладко облизнувшись, сказала Вика. — Вы какой больше любите? Фруктовый? Карамельный? Или шоколад?

— Шоколад, — в один голос ответили мы и снова посмотрели друг на друга.

Вика скорчила кислую мину, словно мы не шоколад попросили, а вареный лук, и обернулась к кому-то, кого мы не видели за дверью.

— Фруктовый!

Вот вечно она так!

На самом деле мы, конечно, вели себя по-свински. Несмотря на то, что вся родня была в сборе, несмотря на присутствие Викасы и прилет раскаявшейся Сузуме, мы с братом с самого утра закрывались в сарае, болтали, спорили, паяли, рисовали чертежи и напроць забывали обо всех окружающих. Все бы ничего, если бы не свадьба. Вернее, две. Возможно, это было слишком скоро и мы поддались всеобщему настроению праздника, но как-то вечером, не сговариваясь, и я и Юся сделали своим девушкам предложение. Была та редкая красивая ночь на Понпеи, когда не лил дождь и небо было чистым, вплотную припавшим к земле. Звезды горели, как сумасшедшие, откуда-то доносилась дурацкая душещипательная мелодия и наши деревянные языки сказали что-то, после чего пляж, с двух разных сторон, был оглушен девчачьими визгами.

— Да, да, я согласна! — визжала Сузуме, бросившись мне на шею и повалив в песок.

— Ты идиот, кто так делает предложения! Ну конечно я согласна! — завопила на другом

конце пляжа обезумевшая Вика и уронила в песок Юсю.

Именно с этого момента жизнь вокруг нас завертелась с утроенной скоростью. Девушки постоянно куда-то мотались вдвоем или с Лэйлой. Приносили в лабу стопки каталогов с платьями, заставляли выбирать букеты цветов, оттенки лент и музыкальное сопровождение. И если с одной стороны это было хорошо, потому что им было чем занять себя, а значит, не отвлекать нас от работы, с другой стороны (да что там, со всех четырёх сторон, и изнутри, и снаружи) наш строгий мужской сарай был превращен в филиал свадебного агентства.

— Я вроде еще не женат, — задумчиво сказал Юся, — а от семейной жизни уже немного подустал...

И хотя я искренне любил свою невесту, где-то в глубине души я все еще не мог смириться, что Вика досталась именно ему. Не знаю, что на меня нашло, а только после этих слов я взял со стола спаянную схему и запулил ее в окно.

— Тебя, я смотрю, тоже, — невозмутимо продолжил Юся.

— Сволочь ты... Она же тебя любит, — с глупой обидой сказал я.

— Я тоже очень ее люблю, — ласково успокоил меня Юся, — но личного пространства не отменяет даже сильная любовь. Тьфу, сколько пафоса.

Как же, держи карман шире. С Викторией о личном пространстве можно забыть...

— С Викторией о личном пространстве, конечно, можно забыть, — словно прочитав мои мысли, повторил Юся. — Ну, не отменять же из-за такой ерунды свадьбу.

Я нехотя встал с пола, вышел из сарая и разыскал в зарослях кустарника выброшенную деталь. Когда я вернулся, Юся сидел в позе лотоса, закрыв глаза, словно его мысли были где-то далеко отсюда.

— А зачем нам постоянная линза? — спросил я громко.

— Неправильно вопрос ставишь, — сказал Юся, не открывая глаз. — Меня больше интересует вопрос, как мы попали в тот Вангъял.

Вот дурак, нашёл о чём вспоминать.

— Мы прыгнули, подсказал я.

— Тонкое наблюдение истинного учёного. Хорошо, уточню вопрос: куда именно мы прыгнули? Там же пропасть голимая, полтора километра вниз, ты что, надпись не читал?

Если честно, мне тогда вовсе не до надписей было. Я тогда думал, что Далай-лама нас элементарно кинул, прости, Будда, за такие слова.

— Ты хочешь сказать, что мы в линзу попали? — спросил я.

— Узнаю брата Колю, — Юся открыл один глаз и одобрительно посмотрел на меня. — Именно в линзу, иного объяснения не вижу.

— И ты хочешь понять, откуда она там взялась?

— Да. И главное — какая именно сила её там поддерживает? У меня даже всей моей смелой фантазии и недюжинной силы научного прозрения не хватает, чтобы понять: как висит линза в воздухе, что её стабилизирует по отношению к восходящим потокам воздуха, и, что тоже немаловажно, как долго она там находится? И можно ли повторить такой фокус, используя современные технологии и ресурсы?

— Ты хочешь сделать что-то подобное? Да ты псих!

— Почему?

Я ответил честно. Наука мне больше неинтересна. Мне достаточно выходить каждый день в открытый океан, и чувствовать, что моя работа нужна людям. Не то, чтобы я думал, что учёные — дармоеды, которые только и думают, как расщепить атом и посмотреть, что будет. Просто мне надоело. Я хотел простого и понятного. Поскольку край солнца, который я увидел, оказался слишком ярким, и смотреть на него мне больше не хочется.

— Всё сказал? — Юся вернулся к работе (он как раз заканчивал монтировать очередной участок цепи).

— Всё.

И тогда сказал Юся. Сначала он предложил мне окунуться в алебастр, но не это главное. Нам не для того дали собраться вместе, чтобы гаситься вдали от великих свершений на побережье и ловить рыбку, большую и маленькую. Нас ожидает что-то более значительное. Как изящно выразился оратор — «что-то такое, блин, крутое».

— Нас ведут, Егор. Нас кто-то ведёт к совершенно определённой цели, — он опять отвлёкся и посмотрел на меня.

— Я не люблю, когда меня ведут, — признался я.

— Ты неправильно воспринимаешь вектор движения, брат Коля. Ты привык к свободному выбору, и это нормально. Но, согласись, тебя привели к весьма приличному результату. Ты сам по себе, у тебя красивая жена, ты сделал великое открытие, наконец — у тебя есть я, без которого жизнь твоя была бы скучна и однообразна. Понимаешь, к чему клоню?

— К чему?

— Вуаля!

Он победно раскинул руки над законченным прототипом.

— Не понял. Что, уже готово?

Агрегат выглядел фантастически красивым, не из этого мира.

— Клёво, правда?

Я позволил себе немного скепсиса:

— С чего ты взял, что оно заработает?

— С того, что я как-то здесь оказался. Ты же не думаешь, что я прокопал землю насквозь?

— То есть ты сейчас со всей ответственностью мне заявляешь, что ультрасовременная высокоточная аппаратура, на которую мы раньше тратили миллионы долларов на самом деле — бриллиантовая пыль в глаза? И эту твою линзу можно получить, просто вытряхнув мусорную корзину и собрав несколько скрепок в цепочку?

Юся пожал плечами.

— Во-первых, не мою, а нашу. А во-вторых — когда-то и электричество было чудом, а теперь его можно из картофеля добыть.

Я сразу вспомнил, как мы сами когда-то демонстрировали этот фокус Виксе, прямо перед веб-камерой.

— Ну, давай... Порази меня в самое сердце, — с максимально равнодушным видом сказал я, зачем-то отступив на шаг.

Юся не заставил себя упрашивать.

Больше всего это походило на эксперименты Никола Теслы, какими их показывали в кино. В воздухе пронеслись мелкие, звонко щелкающие разряды, потом в одной точке начал собираться туман, который с каждой секундой становился плотней, словно кто-то лепил снежный шар прямо из воздуха. Потом шар расползся в пятно с мутной зеркальной поверхностью, диаметром около трёх метров.

Я поймал себя на том, что стою перед линзой с раскрытым ртом, а Юся, явно удовлетворенный произведенным эффектом, решил меня добить, подошел к линзе и засунул в нее руку. Клянусь Резерфордом и Фарадеем — рука погрузилась в гладь зеркала и не появилась с другой стороны. Она словно исчезла. Юся помахал рукой вверх-вниз, потом вынул наружу и помахал уже перед моим лицом.

— Ну что, поразил? — улыбаясь до ушей, спросил он.

— Эй, вы! Ну, сколько можно уже? — раздался с улицы недовольный голос Виксы. Наши

женщины... да какие, на фиг, женщины — наши девочки теряли терпение.

Я и глазом не успел моргнуть, как Юся вырубил установку и линза схлопнулась, как мыльный пузырь.

— Ни слова! — громко зашептал Юся, и наложил обе ладони на свой рот.

Где он подцепил этот жест?

Викса и Сузуме нарисовались на пороге, одинаково уперев руки в боки и нахмутив брови.

— Я очень рада, что вы вновь обрели друг друга, мальчики, но не кажется ли вам...

— Кажется! — почти закричал Юся, набрасываясь на Виксу с объятиями и выталкивая ее за пределы лабы. — Нам кажется, что мы сейчас умрем от голода!

— Что за штуку вы там построили? — Сузуме с подозрением посмотрела мне за плечо.

— Свадебный подарок, — не задумываясь, соврал я, пытаюсь загородить собой нашу с Юсей фантастическую конструкцию, — мы обязательно его вам покажем... не сейчас... чуть позже.

Гостей на свадьбу пригласили тысячу человек.

Во-первых — всех родственников. Наша мать Далила весь рот открыла, когда увидела, какие мы стали красавцы. Её от нас за уши нельзя было оттащить, и нам пришлось звать на помощь Макса, её мужа. Зато нашим сёстрам до нас было весьма фиолетово, обе они увивались вокруг братьев Нури, воспитанников Мезальянца.

Во-вторых, пришлось звать всех друзей, а их у нас набралось выше крыши. Юся вызвал из Воронежа весь жилищно-эксплуатационный участок, на котором работал. Я пригласил экипаж «Ханни Лиззи» и Майка Дочефа (правда, он отказался, сославшись на здоровье, но счастья желал искренне). Юся предложил пригласить Далай-ламу, но всерьёз его, слава богу, никто не воспринял. Капитаны пришли своим ходом, с семьями.

В-третьих, мы пригласили на праздник всю деревню Кули. А это восемьсот человек.

Вся деревня, подготовкой к свадьбе и занималась — готовили закуски и напитки, собирали столы, местный священник специально выучил церемонию на русском языке. Координировала праздник Барбара Теодоровна, как наиболее опытная.

Я не знаю, как свадьбы описывать. Всё-таки мужчины такие события запоминают не сердцем, а умом, в крайнем случае — печенью (только не говорите Сузуме, она мне голову оторвёт за такие слова). Все свадьбы одинаковы.

Обе наши пары кочевали от стола к столу, слушали здравницы и прочие эклоги (особенно начальница Юси шоу устроила, как затянула поздравительную поэму, я для Сузуме переводить устал). Праздник живота и танцев.

Вот, кстати, танцы — это самое великое наше обретение с Юсей с тех пор, как мы разделились. После сна, конечно. Да, танцевали мы просто до упаду.

А, кстати, насчёт шоу. Юсину начальницу переплюнула только Лэйла. Когда до неё дошла очередь поздравлять молодых, она встала у микрофона и сказала:

— Я безумно рада видеть, что все наши друзья приняли приглашение моих детей отметить двойную свадьбу. Я всех вас знаю, и обо всех могу сказать только самые тёплые слова. Например, Майор. Том великий человек, удачливый человек, совестливый человек. Спасибо за виски, Том, он будет здорово смотреться в опустошённом тобой баре.

Все засмеялись.

— Или наш доблестный шериф Дэнни Х. Ноу. Не смей прятаться за спиной жены, я ничего про нас не скажу (смех в толпе). Дэнни даёт нам чувство защищённости, и никогда не спит. Дэнни, спи спокойно, если что, мы все тебя отобьём.

Далее началось невообразимое. Лэйла сказала доброе слово о каждом из присутствующих, включая тех, о ком слышала только с чужих слов. Публика стонала от смеха.

Да, наверное, это тот момент, который я запомню на всю оставшуюся жизнь.

Девчонки сервировали стол по высшему разряду, мы галантно шутили, произносили тосты, ели и пили в своё удовольствие...

А потом захрипел громкоговоритель тревожного оповещения.

— Внимание, внимание! Всем прибрежным районам — внимание. Угроза цунами. Угроза цунами! Всем жителям прибрежных районов немедленно покинуть свои дома и направляться вглубь острова к восточному побережью.

Юся нашёл пульт и включил телевизор.

По всем каналам транслировали последствия нашествия цунами на Индонезию. Диктор сообщал, что скорость движения большой волны в отдельных местах достигает пятисот километров в час.

Какое счастье, что все наши в столице, в специально снятом для них отеле.

И тут Юся побледнел.

— Майор с Барбарой. Они никуда не ушли, они у себя остались!

— Как остались? — не понял я. — Всех же автобусом развозили

— Они вчера перебрали немного, — объяснила Вика. — Ребята, быстрее вытаскивайте их наружу и тащите сюда. Сузуме, бегом к машине, проверь уровень бензина и за руль, нам надо сниматься.

Мы стояли, тупо глядя на Вика, будто она и не с нами только что говорила её это разозлило и она зычным голосом рявкнула:

— Жопы в горсть и бегом на яхту, что не ясно?! Снимайте Барбару с Майором — и в машину!

Очнувшись, мы с Юсей, как были — босиком и в трусах — выбежали на пирс и припустили к яхте.

То, что мы увидели снаружи, повергло нас в шок. Океан стремительно отступал от берега, под сваями шумела убегающая вода, а «Лара Крофт» очень быстро опускалась ниже уровня пирса, опасно натягивая швартовы.

— Майор! Майор! Барбара! — заорали мы.

Барбара выглядела плохо. Её мутило, она не успела накраситься, и надо сказать, сейчас она выглядела на свои шестьдесят пять.

Зато Майор был — как огурчик. В смысле — зелёный и в пупырышках. Он торчал на корме и извергался с шумом Ниагарского водопада в убегающий океан. Яхту мотыляло.

— Что это было вчера? Пунш? Ненавижу пунш, — жаловался Брайдер разбушевавшейся стихии.

— Быстро на берег, Майор, цунами близко, — сказал Юся.

— Парни, идите в жо... — очередное извержение желудка.

Тогда, вспомнив опыт капитана Бишоп, я взял Майора за кончик носа и повёл за собой.

— Юся, на тебе Барбара, — сказал я, вытягивая несчастного Тома на пирс.

— Понял.

Он и вправду понял. Быстро перекинул Барбару через плечо и понёс. У пирса ему пришлось тяжелее, чем мне — яхта опустилась уже почти на метр. Юся, не церемонясь, посадил Барбару на доски, влез следом, и снова закинул нашу двоюродную бабушку на плечо.

— Бежим.

Мы прибежали к машине... и я сразу понял, что дело плохо. Машина чихала, фыркала, кряхтела и не заводилась.

— Сколько у нас времени, Вика?

— Минут пять, может, десять, не больше...

— Боже, — воскликнула Сузуме и показала пальцем в сторону океана.

Мы оглянулись.

Издали волна не казалась страшной. Полоска воды, узкая, но от края до края обозримого горизонта.

— Надо бежать вглубь острова.

— Не успеем, — сказал Юся. — Волна здесь будет минуты через три. С Майором и Барбарой мы точно далеко не убежим...

— Поставьте меня на пол! — потребовала Барбара. — Я в порядке.

— Что ты предлагаешь? — спросил я. — Не бросать же их здесь.

— Бросьде бедя! — прогнусавил Майор жалобно.

— Ты знаешь, — Юся кивнул на сарай.

— Линзу?

— Какую линзу? — спросила Барбара. — Что происходит? Поставьте меня на пол.

— Быстро в мастерскую, — скомандовал Юся.

Викса не стала переспрашивать. Она сразу убежала в сарай. Сузуме смотрела на меня.

Не то, чтобы я сомневался в Юсе. Но мы этот агрегат только один раз включали. Я не знал, куда он нас вынесет, что нас будет ждать по ту сторону линзы.

— За мной, — сказал Юся и понёс Барбару в мастерскую.

— Да поставьте вы меня... — кричала она.

— Идём, — сказала Сузуме.

— Ты уверена?

— Это же твой брат.

И мы тоже двинулись в сарай.

Юся уже включил прототип. Огромное мутное зеркало от пола до потолка висело в воздухе, пахло грозой.

— Что это? — спросила Сузуме.

— Наш медовый месяц, — сказал я.

— По очереди или вместе? — спросил Юся.

Мы всё всегда делали вместе. Я не видел причин изменять этой привычке сейчас.

— На счёт три. Раз!

Снаружи уже слышался рёв воды.

Мы приготовились.

— Два! — вышли на исходную позицию, крепко взявшись за руки.

— Опустите меня на пол! — крикнула Барбара.

— Три!

Мы вошли в линзу.

Видимо, мы все крепко зажмурились, проходя через зеркало. Сердце колотилось, вырывался из захвата Майор, на плече у Юси ругалась Барбара.

— Да опустите меня уже на пол!

Я открыл глаза.

Мы все открыли глаза.

Из всех шестерых хоть что-то смог произнести только Том.

— Да что ж это за хрень-то такая!

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ

Родился в 1976 году в городе Брянске, однако зарегистрировано рождение было в поселке Дзержинский Люберецкого р-на Московской области. Закончил среднюю школу в поселке Тохтуево Соликамского района Пермской области, учился на филолога в Соликамском пединституте, но бросил на втором курсе.

После армии сменил несколько профессий, сейчас работает кузнецом на железной дороге. Член Союза писателей России с 2006 г. Первая публикация состоялась в 2000 году в журнале «Уральская новь». Регулярно публикуется в журналах «Октябрь» (Москва), «Полдень. XXI век» (Санкт-Петербург).

Лауреат Новой Пушкинской премии 2006 года за повесть «Спаситель Петрограда» в номинации «За новаторское развитие отечественных культурных традиций», «Бронзовая улитка» 2009 года за повесть «Глубокое бурение» и 2011 года за повесть «Высокое давление».

Женат, двое детей, живёт в городе Соликамск Пермского края.